

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»

На правах рукописи

Семенова Инна Михайловна

**РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ**

Специальность 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством
(экономика, организация и управление
предприятиями, отраслями, комплексами – АПК
и сельское хозяйство)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата
экономических наук

Научный руководитель:
д.э.н., профессор А.В. Улезько

Воронеж
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	8
1.1.Экономические интересы сельского населения: сущность и механизмы реализации	8
1.2.Домохозяйства в системе реализации экономических интересов сельского населения	39
2. УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	65
2.1.Тенденции изменения численности сельского населения, его занятости, уровня доходов и качества жизни.....	65
2.2.Сельскохозяйственная занятость и самозанятость сельского населения Воронежской области	88
3. ПОВЫШЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК БАЗОВОЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ	105
3.1.Приоритетные направления развития механизма реализации экономических интересов сельского населения	105
3.2.Прогнозная оценка сельскохозяйственной занятости сельского населения Воронежской области	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	143
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	149
ПРИЛОЖЕНИЯ	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Каждая социально-экономическая система имеет собственную систему интересов, отражающую соотношение общественных и личных потребностей и механизмы их удовлетворения. Имея относительно простую иерархическую структуру, система интересов представляет собой сложный конгломерат противоречащих друг другу экономических интересов на всех уровнях иерархии. На уровне общества наблюдаются разновекторные интересы территориально-отраслевых комплексов и отдельных отраслей общественного производства, на уровне административно-территориальных образований – несовпадение интересов хозяйствующих субъектов (в первую очередь представителей крупного бизнеса) и социума контролируемого ими экономического пространства. Идет ужесточение конкуренции между самими хозяйствующими субъектами, что существенно ограничивает их возможности по реализации собственных экономических интересов. В условиях недостаточного уровня доходов населения начали углубляться деформации системы интересов на уровне домашних хозяйств. Появились социальные группы, реализация экономических интересов которых стала крайне затруднительна (население моногородов, сельское население и т.п.). Учитывая, численность проживающих в сельской местности, следует признать, что задачи формирования и развития механизма реализации экономических интересов жителей села являются актуальными и требуют адекватного научного обоснования.

Дисбаланс системы экономических интересов, проявляющийся в росте дифференциации населения по уровню доходов, снижении качества жизни значительной части населения, в усилении монополизма крупных субъектов рынка, в ухудшении условий развития сектора малого и среднего предпринимательства, низком уровне социальной ответственности бизнеса и др., порождает определенные проблемы, сдерживающие развитие российской экономики.

Степень разработанности проблемы. Значительный вклад в исследование теоретических аспектов формирования и реализации экономических интересов внесли такие зарубежные ученые как О. Бем-Баверк, О. Вальрас, Т. Веблен, Ф. Визер, Т. Гоббс, П. Друкер, Дж. Кейнс, Ф. Кенэ, Р. Коуз, К. Маркс, А. Маршалл, К. Менгер, Дж. С. Милль, Д. Норт, А. Пигу, Д. Рикардо, А. Смит, А. Тюрго, Ф. Хайек, Дж. Ходжсон, Й. Шумпетер, М. Фридман и др.

Изучению различных аспектов развития хозяйств населения, занятости жителей сельской местности и механизма реализации их индивидуальных и коллективных экономических интересов посвящены работы В. Богдановского, Л. Бондаренко, И. Буздalова, В. Гимпельсона, П. Дугина, И. Загайтова, В. Закшевского, З. Калугиной, Р. Капелюшникова, К. Копач, А. Костяева, Н. Макарова, И. Меренковой, А. Минина, В. Пациорковского, Р. Прауста, А. Рыбникова, Т. Савченко, Е. Серовой, И. Суркова, К. Терновых, В. Узуна, А. Улезько, В. Ухоботова, А. Чаянова, А. Челинцева, И. Четвертакова, Т. Шанина и др.

Тем не менее, некоторые вопросы, связанные с проблемами реализации экономических интересов сельского населения, остаются изучены не до конца, а некоторые положения носят дискуссионный характер.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка концептуальных положений, методических и практических рекомендаций по развитию механизма реализации экономических интересов сельского населения и повышению уровня его занятости.

Реализация поставленной цели потребовала решения ряда задач, отражающих логику исследования:

- исследовать содержание категории «экономические интересы сельского населения» и механизма их реализации;
- изучить специфику сельских домохозяйств как элемента системы воспроизводства человеческого капитала аграрной сферы;
- дать оценку состояния и тенденций развития аграрной сферы Воронежской области и условий реализации интересов сельского населения;
- разработать концептуальные и методические подходы к совершенствованию механизма реализации экономических интересов сельского населения;
- обосновать перспективы повышения занятости и самозанятости сельского населения.

Предмет, объект и информационно-эмпирическая база исследования. Предметом исследования явились отношения, связанные с формированием и реализацией экономических интересов сельского населения. Предметная область исследования находится в рамках паспорта специальностей ВАК 08.00.05 в пределах раздела 1.2. АПК и сельское хозяйство: пункта 1.2.35. Особенности формирования и использования человеческого капитала в аграрном секторе, занятость и доходы сельского населения. Объектом исследования являются сель-

ское население и его экономические интересы. Информационно-эмпирическая база исследований формировалась на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ, Министерства сельского хозяйства России, экспертных оценок руководителей и специалистов аграрной сферы; материалов личных наблюдений, связанных с процессами формирования и реализации экономических интересов сельского населения.

Теоретико-методологическая и методическая база исследования. Теоретико-методологической основой исследования послужили труды ученых по вопросам теории и практики формирования и реализации экономических интересов населения, проживающего в сельской местности, функционирования домашних хозяйств, законодательные и нормативные акты, программные документы, регулирующие отдельные аспекты занятости и самозанятости сельского населения, материалы и разработки по проблемам совершенствования и повышения эффективности механизма реализации экономических интересов сельских жителей.

Проведенные исследования базировались на системном подходе к изучаемым объектам и процессам. В ходе работы использовались диалектический, абстрактно-логический, монографический, экономико-математический, экономико-статистический и другие методы экономических исследований.

Положения диссертации, выносимые на защиту. В работе защищаются следующие научные результаты, полученные автором:

- состав механизма реализации экономических интересов сельского населения и специфика его формирования;
- специфика домохозяйств сельского населения и факторы, влияющие на их поведение;
- оценка условий реализации экономических интересов сельского населения;
- приоритетные направления развития механизма реализации интересов сельского населения;
- прогнозная оценка сельскохозяйственной занятости сельского населения Воронежской области.

Научная новизна диссертационного исследования. В диссертации получен ряд положений, отличающихся научной новизной:

- обоснован состав механизма реализации экономических интересов сельского населения, представляющего собой совокупность структурных и функци-

ональных элементов, обеспечивающих подсистем, инструментов и методов, ориентированных на управление процессами формирования благоприятных условий реализации экономических интересов как сельского сообщества в целом, так и их отдельных групп, проживающих на локализованных территориях, характеризующихся собственной спецификой развития;

– выявлена специфика домашних хозяйств сельского населения, заключающаяся в наличии у них земельного участка, позволяющего вести сельскохозяйственное производство, относительно высокой доли в совокупных доходах домохозяйств, полученных от ведения хозяйства, в высоком уровне самозанятости сельского населения, в ограниченной локализации рынков, на которых может быть продана произведенная продукция, в преимущественной ориентации на продовольственное самообеспечение; в относительно низком качестве жизни, в ограниченной мобильности сельских семей, в их деформированной демографической структуре, в ограниченных возможностях ведения предпринимательской деятельности, а также выявлены и систематизированы в разрезе пяти групп (демографические, общественные, политико-правовые, экономические, социальные и природно-географические) факторы, оказывающие влияние на поведение сельских домохозяйств;

– дана оценка условий реализации экономических интересов сельского населения Воронежской области, связанная с устойчивым сокращением занятости сельского населения и рабочих мест на селе, более низким уровнем оплаты труда работников сельского хозяйства и среднедушевых доходов сельских домохозяйств, ограниченным экономическим и физическим доступом к значительной части экономических благ, невозможностью обеспечения полноценного питания жителей сельской местности, медленными темпами развития социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры села, повышением роли домашних хозяйств в балансировании доходов и расходов сельских семей и обеспечении их воспроизводства, деформацией демографической структуры, ростом трудовой миграции, падением уровня предпринимательской активности жителей села, неразвитостью системы потребительской кооперации и др.

– обоснованы и систематизированы приоритетные направления развития механизма реализации экономических интересов (формирование условий реализации экономических интересов, развитие сельской экономики, обеспечение роста доходов и ограничение роста расходов сельского населения и повышение

качества его жизни), предполагающие координацию действий государства, административно-территориальных образований территориально-отраслевых комплексов, хозяйствующих субъектов, органов местного самоуправления и домашних хозяйств с целью обеспечения баланса общественных, групповых и индивидуальных интересов;

– на основе разработанной методики определены прогнозные параметры, отражающие перспективные изменения отраслевой структуры производства и занятости сельского населения в хозяйствах различных категорий Воронежской области по пессимистичному, инерционному и оптимистичному сценариям развития, позволяющие расширить возможности реализации экономических интересов жителей сельской местности.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

Теоретическое значение работы состоит в обосновании состава механизма реализации экономических интересов сельского населения, специфики его формирования, выявлении особенностей сельских домохозяйств и факторов, влияющих на их поведение, в оценке условий реализации экономических интересов населения, проживающего в сельской местности.

Практическая значимость заключается в том, что обоснованные в работе прогнозные параметры сельскохозяйственной занятости сельского населения могут быть использованы руководителями и специалистами региональных и районных органов управления сельского хозяйства при обосновании перспектив развития аграрного производства и сельских территорий.

Предложенные в диссертационной работе научные разработки могут быть использованы в учебном процессе при преподавании учебных курсов по дисциплинам «Планирование и прогнозирование в АПК», «Экономика сельского хозяйства», «Организация предпринимательской деятельности», «Институциональная экономика» и др.

Апробация результатов исследования. Результаты исследований докладывались на международных, межрегиональных, межвузовских и вузовских научных и научно-практических конференциях в 2006-2016 гг. Отдельные материалы приняты к внедрению органами управления Воронежской области.

Основное содержание диссертации и результаты научных исследований изложены в 16 работах объемом 8,9 п.л. (в т.ч. авторских –5,9 п.л.), в т.ч. 5 работы в изданиях, рекомендованных ВАК.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

1.1. Экономические интересы сельского населения: сущность и механизмы реализации

Экономические интересы являются естественным базисом, определяющим стратегию и тактику поведения любого субъекта экономических отношений. Сложность системы экономических отношений, неоднородность и дифференциация субъектов по месту в воспроизводственном процессе обуславливают объективный характер возникающих между ними противоречий и требуют формирования и развития механизмов реализации интересов как отдельных индивидуумов, так и их различных групп.

А.А. Свитич [125], на основе изучения эволюция взглядов на сущность, природу и функции экономических интересов, считает, что в рамках экономической науки в настоящее время сложились три основных направления их исследования. В контексте первого направления интерес рассматривается как абсолютно субъективная категория, второго - как субъективно-объективная, третьего - как абсолютно объективная. К апологетам первого подхода относится значительная часть исследователей, развивающих идеи классической политической экономии и маржиналистов. В их представлении интерес является психологической категорией, отражающей субъективные склонности, желания, определяемые уровнем сознания личности и его восприятием окружающего мира. Второй подход придерживается компромиссной позиции, объединяющей в себе комбинацию объективной и субъективной сущностей. В их понимании экономический интерес обуславливается, с одной стороны, объективными условиями системы общественного воспроизводства, а с другой, - субъективностью интересов экономических агентов. В основе третьего подхода лежит концепция абсолютно объективной природы экономических интересов. По мнению сторонников данного подхода, объективность экономических интересов обуславливает объективный характер складывающихся экономических отношений и потребностей, поскольку они формируются вне зависимости от личного осознания.

М.Л. Альпидовская и Е.С. Стомпелева [5], являясь последователями второго подхода, предлагают выделять экономический интерес в качестве специфической экономической категории, отличающейся от других элементов надстройки, отмечая, что объективный характер экономических интересов не отрицает их связь с сознанием человека и его поведением. По их мнению, реальные интересы не могут существовать сами по себе, вне личностей, выступающих их носителями. Но при этом следует понимать, что экономические интересы могут формироваться и реализовываться лишь в системе отношений, возникающих между несколькими экономическими субъектами.

В современной экономической науке традиционно считается, что в основе экономических интересов лежат объективные экономические потребности, реализация которых обуславливает возникновение отношений, охватывающих различных субъектов собственности и экономических агентов. Исходя из этого, в широком смысле экономические интересы, как правило, представляются в виде осознанных потребностей, реализующихся в форме потребления экономических благ. Экономические блага представляют собой продукты, созданные человеческим трудом с целью удовлетворения определенных потребностей индивида.

С.В. Головин, А.А. Муравьев и В.В. Чекмарев [36] считают необходимым вести речь об экономических потребностях, к которым они предлагают относить потребности, связанные как с обеспечением безопасности жизнедеятельности индивидуума, так и с развитием отдельных личностей и общества в целом. Они подчеркивают, что удовлетворение экономических потребностей осуществляется в процессе потребления экономических благ, представляющих собой специфические свойства материальных и нематериальных объектов, позволяющих удовлетворять возникающие и меняющиеся экономические потребности.

В этой связи в современной экономической литературе существует множество определений экономического интереса через категорию потребности. Например, А.И. Воропаев [32] определяет интерес как потребность субъекта,

обусловленную уровнем развития научно-технического прогресса и производительных сил, производственных отношений, как побудительный и стимулирующий мотив экономической деятельности, ориентированный на повышение эффективности воспроизводственной системы общества, обеспечение экономического роста и на повышение жизненного уровня членов общества.

Не отрицая, что в основе интересов лежат потребности, В.Н. Лавриненко [75] считает необходимым подчеркнуть и различия между этими категориями. Интересы, по ее мнению, включают в себя не только потребности, но и пути и средства их удовлетворения.

Заслуживают внимания исследования А.М. Филипченко и Н.А. Денисовой [160], связанные с систематизацией подходов к раскрытию сущности категории «экономический интерес». По их мнению, наиболее часто экономический интерес определяется как:

- объективно возникающая экономическая потребность, формирующаяся в сознании индивидуума в виде побудительного импульса к экономической деятельности для удовлетворения этой потребности;
- конечный результат деятельности, достигнутый в процессе общественного воспроизводства;
- форма протекания экономических отношений, определяющаяся спецификой осуществления экономической деятельности и среды функционирования;
- система формирования осознанных экономических потребностей, реализация которых обеспечивает субъекту автономность развития;
- объективно-субъективный мотив, побуждающий индивидуумов к активной экономической деятельности и обеспечивающий взаимосвязь между статусом личности в системе общественного производства и ее экономическими потребностями;
- осознанный способ рационального удовлетворения потребностей в том или ином виде экономических благ;

- процесс планирования ожидаемых результатов экономической деятельности индивидуума с учетом ресурсов, к которым он имеет доступ;
- модель формирования индивидуальных потребностей, базирующаяся на положениях о потребностях, формирующихся в сознании человека исходя из его жизненного опыта и меняющихся в соответствии с целевыми установками и направленностью поведения.

Сложность экономических интересов обуславливает применение множества классификационных признаков, используемых при исследовании их многообразия и систематизации. Так в современной экономической литературе экономические интересы наиболее часто классифицируются по сфере экономических отношений (интересы в сфере производства, распределения, обмена и потребления), по содержанию собственности (интересы владения, пользования и распоряжения), по форме собственности и присвоения (индивидуальные, коллективные и общие), по значимости (главные и второстепенные), по уровню осознанности (осознанные и неосознанные), по последствиям реализации (конструктивные и деструктивные), по влиянию на развитие экономики (позитивно влияющие, негативно влияющие, нейтральные), по экономическим субъектам (интересы собственников, менеджеров, арендаторов, работников, производителей, продавцов, покупателей, посредников, государства и т.д.), по формам проявления (явные и скрытые), по характеру ценностей (интересы по обеспечению экономической свободы, стабильного жизнеобеспечения всех групп и слоев населения, по увеличению темпов экономического роста, по росту занятости населения, по снижению уровня инфляции и стабилизации цен, по обеспечению социального равенства и т.п.), по стадии жизненного цикла (зарождающиеся, усиливающиеся, стабилизирующиеся, угасающие) и др. [14]

Стратегической целью деятельности субъектов общественных отношений, по мнению М.А. Рольской [115], является их самовоспроизводство, устойчиво воспроизводящаяся жизнедеятельность индивидуумов в условиях, обеспечивающихся конкретной социально-экономической средой. Очевидно, что данная цель возникает объективно, но персонифицируется и реализуется в каждом

конкретном случае субъективно, поскольку воспроизводственные процессы многообразны, неоднородны по содержанию и сложны по своей структуре.

Мы разделяем позицию А.М. Михайлова [91], отмечающего необходимость выделения в качестве важных характеристик экономического интереса категорий «объект интереса» и «субъект интереса». Описание объекта интереса раскрывает предметную заинтересованность индивидуума, а указание субъекта – характеристику самого индивидуума, являющегося носителем интереса. А.М. Михайлов предлагает пять основных подходов к классификации интересов. В качестве классификационных признаков он использует: сферу возникновения и проявления (экономические, политические, духовные и другие интересы); масштаб проявления (личные, коллективные, общественные); носители экономических интересов (общество, государство, предприятия, организации, учреждения, социальные группы, коллективы, отдельные члены общества); направленность деятельности субъекта (производство, распределение, обмен, потребление, творческая деятельность и т.п.); место в системе общественного производства (государство, собственники, менеджеры, наемные работники, предприниматели, пенсионеры, иждивенцы и др.).

Экономические интересы выступают в роли одного из ключевых элементов механизма реализации объективных экономических законов и формой их проявления. Именно экономические интересы зачастую и формируют наиболее существенные, устойчиво повторяющиеся причинно-следственные связи, позволяющие вести речь как о всеобщих, так и общих и специфических экономических законах.

Оценив накопленный объем знаний по проблемам экономических интересов и возможностей их реализации, Н.А. Белкина и П.А. Слав [14] указывают на существование системы эмпирических закономерностей и законов, определяющих объективный характер исследуемого экономического явления. К их числу они относят:

– закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил (отражает производный характер интересов от

экономических отношений, обуславливает объективный характер дифференциации экономических интересов, определяемой экономическими отношениями и потребностями субъектов);

- существование объективных причинно-следственных связей, возникающих между экономическими интересами и отношениями собственности;

- закон разделения и кооперации труда (отражает содержание и формы трудовых процессов, мотивации работников и их стимулировании при обеспечении согласования экономических интересов и эффективного взаимодействия работников);

- существование причинно-следственных связей между потребностями и экономическими интересами, обусловленных действием закона возвышения потребностей (появление новых потребностей и усложнение их структуры вследствие возвышения потребностей);

- закон улучшения структуры потребления (наличие объективных тенденций к повышению качества потребностей и оптимизации структуры эволюционно развивающегося комплекса индивидуальных и общественных потребностей);

- закон спроса и предложения (отражает взаимосвязь и взаимообусловленность интересов производителей и потребителей в виде согласования их экономических интересов по поводу объемов экономических благ);

- закон соответствия номенклатуры, качества и объема продукции потребностям и условиям спроса (отражает взаимосвязь и взаимообусловленность интересов производителей и потребителей в виде согласования их экономических интересов по поводу структуры экономических благ);

- закон возмещения затрат на производство и сбыт продукции (отражает интересы производителей экономических благ, связанные с обеспечением эффективности экономической деятельности и возможности их воспроизводства).

По мнению А.В. Саяпина и А.А. Шаровой [124], субъективный характер экономических интересов проявляется в том, что каждый экономический субъект

ект, интегрируясь в систему общественного воспроизводства, осознано стремится получить некую выгоду. В рамках психологической трактовки интерес сводится к состоянию сознания, отражающего совокупность материальных и духовных потребности индивидуумов, предполагая субъективный характер раскрытия и интерпретации потребностей. Отмечая взаимосвязь категорий «экономический интерес» и «потребность», они подчеркивают и отличия между ними. Если материальная потребность отражает отношение субъекта к некоему благу, экономический интерес смещает акцент с отношения к благу на отношения с другими субъектами, что еще раз подтверждает необходимость включения любого хозяйствующего субъекта в систему общественных взаимодействий.

В качестве примера можно привести схему взаимосвязи интересов различной природы, предложенную А.Г. Здравомысловым [50] (таблица 1).

Таблица 1 – Взаимодействия интересов в различных сферах жизни общества

Интересы	Экономическая жизнь	Социальная жизнь	Политическая жизнь	Духовная жизнь
Экономические	Производство, собственность, распределение, потребление	Обмен, торговля	Материальные средства контроля политической деятельности	Материальные средства обеспечения духовной деятельности
Социальные	Предприятия, локальные общности	Классы, нации, этнические группы	Ассоциации, профессиональные и общественные организации	Система образования
Политические	Контроль и стимулы хозяйственной деятельности	Социальная политика	Государственная власть, политические партии	Идеология, средства массовой информации
Духовные	Трудовая мораль, отношение к богатству, собственности, деньгам	Традиции и инновации	Ценностные ориентации политики	Наука, искусство, религия, философия

Источник [50]

Структуризация интересов, по мнению А. Г. Здравомыслова реализуется через разделение труда между соответствующими группами, имеющими собственные интересы; через формирование отношений собственности и участие в

присвоении результатов общественного труда различных типов экономических агентов; через систему институтов, определяющих образ жизни людей различных социальных групп; через персонификацию общественных отношений, то есть через выработку определенных личностных типов, социальных характеров, наиболее пригодных для функционирования данного способа производства, жизнедеятельности всего общества.

Специфика экономических интересов, как считают В.А. Макина, И.А. Кузнецова и С.Н. Семенов [83], заключается в том, что они, являясь проекцией потребностей, отражают при этом и социальные условия жизни, представляя собой специфическую персонифицированную форму выражения общественных отношений.

Мы разделяем позицию Й. Горчева [39], считающего, что экономический интерес следует рассматривать в качестве важнейшего свойства любого экономического субъекта, влияющего на возможности удовлетворения сформировавшейся совокупности потребностей. Он также отмечает неоднородность структуры экономических интересов индивидов. При этом Й. Горчев подчеркивает, что существует группа, так называемых, первичных интересов, связанных с такими факторами воспроизводства человека как экономического агента как его автономность, наличие собственности на ресурсы, уровень доходов, условия жизни, рациональность поведения, уровень образования и компетентности, социальный статус, уровень институциональной среды и др.

Нельзя не согласиться с А.А. Марковским [84], отмечающим, что личный экономический интерес, несомненно, имеет объективный характер, что позволяет считать его универсальным, но также и субъективен, поскольку персонифицируется только в сознании отдельного индивидуума, что делает его по своему уникальным. То есть интерес, связанный с формированием общих условий воспроизводства, является универсальным, а с выбором индивидуальных условий – уникальным. Уникальный интерес собой представляет соотношение отдельных экономических потребностей и доступных для индивидуума способов их рационального удовлетворения.

О.С. Романова [116] указывает, что формирование экономического интереса начинается с актуализации потребностей индивида с учетом наличия альтернативных путей их удовлетворения, способностей самого индивида, его места в экономическом процессе и других факторов, определяющих специфику этих потребностей. В выборе индивидуальных потребностей и путей их удовлетворения заключается субъективная сторона экономических интересов, так как экономические интересы не существуют вне субъектов, выступающих в качестве их объективных носителей. Именно носитель экономического интереса определяет место и роль отдельных экономических интересов в структуре экономических интересов общества.

Следует отметить, что крайне важную роль в формировании системы интересов играет персонификация интересов, предполагающая выявление потребностей каждого индивидуума с учетом специфики его социального положения, интегрированности в систему общественного воспроизводства и т.п. Очевидно, что потребности человека безграничны, но именно на стадии персонификации экономических интересов должно происходить осознание разумности и реальности собственных потребностей с учетом имеющихся институциональных ограничений и уровня экономического развития территориальных экономических систем, являющихся пространственным базисом развития конкретного человека.

Ряд исследователей [137, 179] объективно полагают, что экономический интерес в своем развитии проходит такие этапы как осмысление, становление, проявление, реализация, институционализация. На этапе осмысления субъект осознает свои потребности и выстраивает собственную иерархию предпочтений. На этапе становления индивид изучает доступную совокупность способов удовлетворения потребностей и оценивает каждый из них с точки зрения выгоды. На этапе проявления индивид осуществляет выбор оптимального способа получения необходимых ему экономических благ с учетом институциональных ограничений. Реализация интереса представляет собой деятельность экономического субъекта, связанную с получением необходимых благ и удовле-

творением потребностей. На этом этапе возможна коррекция потребностей с учетом соотношения результатов деятельности и понесенных при этом затрат. На этапе институционализации осуществляется общественное признание тех или иных способов распределения и потребления благ через становление общественных институтов и формирование единой институциональной среды.

Иерархия экономических интересов напрямую зависит от уровня доходов и уровня жизни населения. В условиях, когда отсутствует необходимость постоянного поиска средств к существованию и для удовлетворения первичных потребностей возрастает потребность в самореализации личности, ее интеллектуальном развитии, повышении качества не только материальных, но духовных условий жизни.

Рост автономности индивида и повышение его мобильности, происходящие на фоне роста его доходов, влекут трансформацию соотношения личных и групповых интересов. Человек начинает выступать выразителем интересов группы и всего общества только в мере, соответствующей его персональным экономическим интересам. Углубление процессов индивидуализации обуславливает изменения системы экономических интересов личности. Это проявляется в непрерывной диверсификации самой системы интересов и трансформации ее структуры в пользу нематериальных потребностей, а также в усилении подчиненности групповых и общественных интересов индивидуальным экономическим интересам [39].

Констатируя изменчивость структуры личных экономических интересов, В.М. Юрьев [179] выделяет ключевые факторы, определяющие направления и интенсивность этих изменений. К их числу он относит: аккумулированный каждым индивидуумом человеческий капитал (определяет систему ценностей, структуру и иерархию потребностей), уровень общественного разделения труда и трудовую специализацию отдельных индивидуумов (определяет социальный статус человека, уровень его доходов, интеграцию в систему общественного воспроизводства и т.п.), соотношение различных форм собственности (определяет принципы и порядок распределения и присвоения результатов обществен-

ного труда), возможность непосредственного участия каждого индивидуума в экономической деятельности (формирует интерес в части создания безопасных условий труда, позволяющего обеспечить получение доходов, необходимых для воспроизводства рабочей силы), качество рабочей силы (связано с дифференциацией потребностей трудоспособного населения и возможностями их удовлетворения).

Общепризнанным способом естественного удовлетворения экономических потребностей является трудовая деятельность, предусматривающая как индивидуальный труд, так кооперацию с другими индивидуумами.

По мнению Е.Н. Лобачевой [79] экономический интерес напрямую зависит от типа экономического устройства общества и организации системы экономических взаимоотношений. Она считает, что на формирование личных экономических интересов влияет сложившаяся в обществе организационно-правовая форма защиты личности, связанная с отстаиванием ее экономических и юридических прав. Формирование коллективного интереса происходит под воздействием организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта, в рамках которого происходит кооперация труда. Общественный экономический интерес при этом формируется как результат системного взаимодействия всех экономических агентов в рамках согласования интересов различного уровня и сглаживания противоречий, возникающих в процессе развития всего общества.

Очевидно, что совокупность экономических интересов можно рассматривать как систему, поскольку она обладает такими признаками как: неоднородность взаимосвязанных элементов, явная локализация элементов, целостность совокупности и ее ограниченность, разнообразие внутренних связей, наличие внутренних противоречий, ликвидация которых предусматривает формирование специфических элементов, ответственных за процессы самоорганизации и саморегулирования.

А.Х. Шагиева [170] предлагает авторскую трактовку системы экономических интересов в разрезе нескольких групп субъектов экономических отношений (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура интересов субъектов экономических отношений [170]

Она считает, что в целях согласования интересов в системе многосубъектного процесса общественного производства, в первую очередь, следует установить единые для всей макроэкономической системы «правила игры», что позволит снизить уровень несогласованности экономической политики на мезо- и макроуровнях.

Именно экономические интересы определяют глубинную сущность отношения между людьми при том или ином способе организации воспроизводственного процесса. Экономические интересы формулируются в виде формали-

зованных целей, для достижения которых человек вырабатывает собственную программу действий и мотивирует себя к ее реализации.

Для описания системы экономических интересов М.Л. Альпидовская и Е.С. Стомпелева [5], предлагают использовать такие характеристики как целостность системы, ее структура, связи и отношения между ее элементами отражающие как сущность исследуемой системы, так и основные принципы ее построения и функционирования. Целостность системы предполагает системную взаимосвязь всех элементов системы, обеспечивающую возникновение синергетического эффекта, а структурность - некую иерархию и соподчиненность элементов, определяющую систему взаимосвязей между ними и логику их поведения. По их мнению, при обосновании совокупности целевых функций системы экономических интересов следует различать их объективную, нормативную и институциональную разновидности. М.Л. Альпидовская и Е.С. Стомпелева считают, что объективная функция отражает общий интерес системы (общность экономических интересов, реализующихся при совместной деятельности в рамках общественного производства), тогда как нормативная функция формируется под воздействием правил, установленных и закрепленных правовыми нормами и формальными институтами, обеспечивающих определенное ограничение интересов, формирование условий и механизмов их согласования. В то же время институциональная целевая функция формируется под воздействием не только формальных, но и неформальных институтов, создающих институциональные условия для реализации одних и ограничения для других интересов.

В современной экономической литературе под реализацией экономических интересов понимаются формы удовлетворения экономических потребностей, используемые на различных стадиях воспроизводственного процесса. Экономические интересы реализуются посредством вовлечения индивидуума в различные экономические, социальные, политические и другие процессы, возникающие под воздействием сформировавшегося механизма хозяйствования.

Б.Я. Гершкович [34] рассматривает реализацию интересов как специфический субъективно-объективный процесс осознанной деятельности в результате которой экономический субъект старается подтвердить или поднять социальный статус, обеспечивая удовлетворение собственных потребностей, используя способы и инструменты, допустимые сложившейся системой общественных отношений в рамках действующего законодательства.

Следует отметить неоднородность индивидуальных экономических интересов в силу неоднородности самих субъектов экономических интересов. Очевидно, что интересы работодателя и наемного работника существенно отличаются друг от друга, также как свою специфику имеют интересы предпринимателей, собственников, пенсионеров, иждивенцев и т.п. В этой связи возникают объективные предпосылки консолидации интересов отдельных личностей, объединенных по какому-либо признаку (территориальному, профессиональному, социальному, политическому и т.п.). За счет консолидации индивидуальных экономических интересов появляется возможность использовать более эффективные методы и инструменты их реализации, адаптировать систему общественных институтов к изменениям экономических потребностей социума.

Так О.С. Русинова [119] справедливо отмечает, что различные социальные группы населения все активнее и жестче формируют к государству и обществу экономические, социальные и политические требования. Интересы этих групп одновременно отражают как специфический срез общественных интересов, а, следовательно, и потребностей и ценностей, так и особенности интересов каждой конкретной социальной группы в условиях локализованных территорий. Она отмечает, что наличие консолидированных территориальных интересов позволяет сформировать группы давления и создать условия защиты этих интересов на региональном и федеральном уровнях.

Конфликт интересов является естественным объективным состоянием любой экономической системы. Причинами конфликтности интересов, по мнению В.М. Юрьева [179], являются:

- отсутствие реальных условий для реализации экономических интересов в силу недостаточного уровня развития системы общественного воспроизводства;
- недостаточный инновационный потенциал системы общественного воспроизводства;
- отсутствие баланса между структурой производства материальных и нематериальных благ и структурой потребления;
- недостаточность инвестиций в человеческий капитал;
- недостаточное развитие социальной инфраструктуры;
- существенная дифференциация доходов, углубляющая противоречия между различными социальными группами и слоями населения;
- низкий уровень развития системы информационного обеспечения экономической деятельности;
- фрагментарность и неоднородность развития институциональной среды;
- низкая эффективность экономической политики и деформации механизма согласования интересов.

Экономические интересы и порожденные ими противоречия могут носить как антагонистический, так и неантагонистический характер, что обуславливает возможность использования двух типов механизмов разрешения этих противоречий. Механизм первого типа ориентирован на формирование благоприятной среды реализации интересов всех противостоящих сторон за счет гармонизации интересов и достижения определенного компромисса, а второго типа – на ограничение интересов отдельных субъектов или их групп сферы экономической деятельности одного из субъектов вплоть до полной их ликвидации как экономического агента. Кроме того в системе механизмов реализации экономических интересов можно выделить институциональный и административный механизмы. Институциональный механизм предполагает регламентацию определенных видов взаимодействия экономических агентов через различные виды институтов, позволяющих сформировать систему инструментов разрешения конфликтов между субъектами, как правило, за счет ограничений их экономической

свободы, тогда как административный механизм реализует функции компенсирующего устройства, ориентированного на ликвидацию противоречий между консерватизмом социально-экономической системы и изменчивостью среды функционирования, позволяя за счет использования административных рычагов поддерживать баланс интересов и поддерживать в актуальном состоянии систему их согласования.

Разрешение возникающих экономических противоречий связано с выработкой рациональных форм взаимодействия субъектов, то есть форм сочетания их индивидуальных интересов. А формирование механизма согласования экономических интересов, как считает П.А. Канапухин [59] должно осуществляться исходя из следующих установок: 1) приоритет при разрешении противоречий интересов отдается стороне, доминирующей в конкретных социально-экономических условиях; 2) поиск компромисса осуществляется через уравнивание преимуществ и недостатков противостоящих сил с позиции общественных интересов; 3) в результате согласования система экономических интересов преобразуется либо количественно, либо качественно. В реальной жизни, по мнению П.А. Канапухина, существует два основных типа разрешения экономических противоречий. Первый тип предполагает использование методов, обеспечивающих максимально возможное согласование интересов всех сторон конкретного противоречия, а второй тип базируется на существенном ограничении интересов одной из противостоящих друг другу сторон и возможности ее ликвидации его как экономического субъекта.

Н.А. Белкина и П.А. Слав [14] считают, что при исследовании вопросов согласования экономических интересов целесообразно использовать положения теории альтернативной стоимости. По их мнению, применительно к проблемам экономических интересов применение этой теории позволяет обосновать выбор направлений согласования экономических интересов, используя в качестве критерия выбора стоимость потерь, возникающих при отказе от других возможностей. То есть все затраты, возникающие в связи с необходимостью согласования интересов, являются, по своей сути, альтернативными стоимостями

(ценностью альтернатив, от которых пришлось отказаться, при выборе одного из доступных комплексов ресурсов). Затраты ресурсов выражают ценность потенциальных возможностей, которыми жертвует субъект, выбирая индивидуальный путь удовлетворения потребностей и реализации интересов.

В то же время, как отмечает О.Ю. Колодина [63], добиться полного согласования экономических интересов практически невозможно, так как стремление удовлетворить интересы одного субъекта объективно приведет к невозможности полной реализации интересов других субъектов, поскольку каждый из них ориентируется на максимизацию возможной полезности при минимальном уровне затрат ресурсов и усилий. В качестве основных инструментов согласования интересов экономических субъектов она предлагает выделять: инструменты прямого воздействия (законодательство и система нормативно-правового обеспечения), инструменты косвенного воздействия (антимонопольная, налоговая, таможенная, инвестиционная, финансово-кредитная политика, общественные институты и т.п.), процедуры согласования позиций в отношении использования объектов собственности (аренда, траст, лизинг и т.п.), лоббирование (использование рычагов воздействия на различные элементы системы государственного и хозяйственного управления с целью отстаивания собственных интересов).

Вместе с тем нельзя не согласиться с И.М. Авдеевым [1], что согласование является лишь одним из частных способов взаимодействия носителей интересов. Если согласование предполагает эффективное взаимодействие всех экономических субъектов с учетом интересов каждого из них, то в ряде случаев интересы доминирующих субъектов реализуются путем прямого подчинения интересов других субъектов ради удовлетворения своих потребностей, а в определенных ситуациях интересы другой стороны могут вовсе не учитываться (игнорироваться) при реализации собственных интересов.

Основными условиями формирования эффективной системы согласования интересов при существующей социально-экономической системе, по мнению А.А. Лукьяновой [82] являются: равные возможности всех субъектов в ча-

сти реализации своих экономических интересов; балансирование интересов субъектов в рамках формирования парных связей на основе сохранения приоритетности принципа получения взаимной экономической выгоды; формирование и развитие механизма, корректирующего интересы индивидуумов в соответствии с целями и интересами отдельных социальных групп и всего общества.

Необходимо отметить, что в последние десятилетия начали возникать новые принципы, определяющие особенности формирования системы экономических интересов. К их числу А.А. Марковский [84] предлагает относить:

- трансформацию иерархии интересов в пользу духовных благ;
- рост зависимости структуры интересов от уровня интеллектуального развития индивидуума;
- доминирование субъективных факторов в определении потребностей и формировании интересов;
- увеличение значимости в иерархии интересов, связанных с получением новых знаний;
- наличие устойчивой прямой зависимости между уровнем доходов и уровнем образования;
- усиление дифференциации интересов под воздействием роста наукоемкости производства.

Н.В. Тумаланов и И.Н. Урсова [150] предлагают выделять два базовых подхода к оценке воздействия институциональной системы на систему экономических интересов. В рамках первого подхода система экономических интересов формируется исходя из интересов личностей, которые, как правило, консолидируются с целью более эффективного их удовлетворения, а в рамках второго - исходя из интересов общества, основным выразителем интересов которого является государство. Первый подход, по их мнению, базируется на постулате о том, что именно свобода личности гарантирует обществу максимальную экономическую выгоду, а государство обязано ограждать каждого индивидуума от

насилия, несправедливости, давления и обеспечивать равные гражданские и экономические права.

Социально-экономические институты, по мнению Н.С. Чернецовой и Т.Б. Никулиной [163], являются результатом процесса институционализации экономических интересов, представляющих собой одну из форм взаимосвязи экономических субъектов с условиями его существования. Они вполне справедливо считают, что становление традиций, формирование привычек и выбор модели поведения экономических агентов происходило в результате действий, направленных на формирование наиболее благоприятной среды реализации своих экономических интересов и, в конечном счете, удовлетворения имеющихся потребностей. Исходя из этой предпосылки, Н.С. Чернецова и Т.Б. Никулина определяют экономический институт как структурированную особым образом форму общественных экономических интересов, генерирующую условия их реализации.

Именно общественные институты, как считает В.Ю. Мелихов [86], оказывая воздействие на социально-экономическую систему, обуславливают стратегию ее адаптивной трансформации, формируют механизмы реализации экономических интересов, устанавливают формальные и неформальные институциональные ограничения для всех экономических агентов. Поскольку все хозяйствующие субъекты заинтересованы в единых «правилах игры» и установлении общего институционального порядка, то любые институциональные изменения согласуются с механизмами государственного воздействия на общество, регламентируя порядок и процессы реализации интересов в рамках формальных общественных институтов.

Л.В. Логинова [80] предлагает различать субъекты и объекты институционализации интересов. В качестве субъекта она выделяет некую социальную общность, имеющую совместные интересы и ориентирующаяся на их реализацию и защиту, а в качестве объекта – проблемы, факты, явления, тем или иным образом влияющие на интересы отдельных социальных групп или социума в

целом. Л.В. Логинова считает, что необходимость и объективность институционализации интересов обусловлена следующими моментами:

- главной предпосылкой институционализации является объективный характер процесса согласования экономических интересов, связанного с обеспечением подчинения интересов индивидов коллективным или общественным интересам, то есть с деиндивидуализацией интересов отдельных личностей;
- именно в ходе институционализации интересов общественные практики приобретают черты регулярности и долговременности, формируя признаки институтов;
- институционализация интересов регламентирует формирование совокупности норм и правил, регламентирующих процессы взаимодействия всех субъектов хозяйствования;
- институционализация интересов определяет и мотивирует поведение носителей интересов, обеспечивая соответствие потребностей реальным ожиданиям и социальную ориентацию базовых общественных институтов;
- институционализация интересов предусматривает формирование специальных организаций и учреждений, связанных с функционированием того или иного института и обеспечивающим контроль за его деятельностью.

В настоящее время существует множество подходов к исследованию институциональной системы. Наиболее часто выделяют пять ее уровней. К первому уровню принято относить институты, оказывающие прямое влияние на адаптацию экономических агентов (государство, фирмы, домохозяйства) к изменяющимся условиям хозяйствования. Второй уровень формируют отдельные экономические агенты, имеющие собственную систему экономических и социальных целей. Институты третьего уровня представлены международными институтами, обеспечивающими согласование деятельности экономических агентов в условиях глобализации мировой экономики. К четвертому уровню экономических институтов, как правило, относят олигархические структуры, лоббирующие собственные интересы через государственную экономическую политику при сохранении своего господствующего положения в ряде отраслей народ-

ного хозяйства. Пятый уровень институтов представляют органы государственного управления, транснациональные корпорации, международные экономические и финансовые организации.

С.Г. Кирдина [61], рассматривая совокупность институтов, предлагает вести речь об институциональной матрице, трактуя ее как устойчивую, исторически сформировавшуюся систему основных общественных институтов, связанных с появлением государства и определившим развитие всех последующих институциональных структур.

Некоторые исследователи при описании совокупности институтов и институциональных условий, формирующих среду функционирования хозяйствующих субъектов, используют термин «экономический порядок», определяя его как сформированную в обществе систему базовых правил и процедур, определяющих процесс взаимоотношений между экономическими агентами, обеспечивающих рациональное и устойчивое саморазвитие и самосовершенствование социально-экономической системы, предопределяющих правила экономического поведения индивидов. Формирование экономического порядка происходит исходя из следующих постулатов: для удовлетворения потребностей каждый индивид должен обеспечить получение дохода в какой-то из общепризнанных и легальных форм; получение дохода возможно только через участие индивида в экономическом процессе; стоимость произведенных обществом экономических благ должна соответствовать суммарному доходу составляющих его индивидов; структура произведенных экономических благ должна быть адекватной структуре совокупных потребностей; каждый индивид имеет свободный доступ к экономическим благам, необходимых для удовлетворения собственных потребностей и достижения определенного уровня жизни. Экономический процесс при этом трактуется как отношение между экономическими агентами в конкретной институциональной среде по поводу реализации экономических интересов, определяющие результативность совместной деятельности и порядок присвоения этих результатов.

Т. Веблен, считающийся основоположником теории институционализма, отмечал неоднозначную роль институтов в стимулировании экономического развития. Он считал, что институты, формируясь как результат уже свершившихся процессов и отражая обстоятельства прошлого, не могут полностью соответствовать экономическим реалиям современности, не говоря о будущем, они не только зачастую препятствуют научно-техническому прогрессу, но, в некоторых случаях, даже противоречат здравому смыслу. Т. Веблен также подчеркивал, что противоречие, возникающее из-за несоответствия рациональной организации деятельности индивида с иррациональностью общественных институтов, проявляется в конфликте интересов [28].

О.И. Водяненко и Е.Б. Жукова [30] считают, что существует тесная взаимосвязь между экономическими и институциональными интересами, что объективно обуславливает необходимость обеспечения баланса, поддержания условного равновесия между ними. Базовыми, по их мнению, становятся экономические интересы, получающие динамичное институциональное оформление за счет быстрой и эффективной реализации институциональных интересов. Государство как фундаментальный элемент институциональной структуры обеспечивает консолидацию экономических и институциональных интересов. Особое внимание они уделяют взаимодействию экономических и институциональных интересов в условиях постиндустриальной экономики, выделяя в качестве самостоятельных групп индивидов-новаторов, научное сообщество, бизнес-сообщество и государство (рисунок 2). О.И. Водяненко и Е.Б. Жукова приходят к объективному выводу о том, что сформировавшаяся система экономических институтов не может в полной мере учитывать интересы всех экономических агентов, оставаясь неустойчивой и низкоэффективной; в системе институциональных отношений существуют противоречия, соответствующие противоречиям, имеющимся в экономических отношениях; функциональная слабость и неразвитость институтов реализации экономических интересов обусловлена доминированием неформальных институтов, ограничивающих деятельность формальных институтов.

		Экономические интересы			
		Интересы идивидов-новаторов	Интересы научного сообщества	Интересы бизнес-сообщества	Интересы государства
Институциональные интересы	Интересы идивидов-новаторов	Рост благосостояния	Современная система образования	Обеспечение необходимых условий труда	Рост интеллектуальной ренты
	Интересы научного сообщества	Обеспечение условий проведения научных исследований	Формирование научно-исследовательской системы	Рост внедрения инноваций	Коммерциализация разработок, выход на мировой рынок инноваций
	Интересы бизнес-сообщества	Формирование системы корпоративных знаний	Партнерство в процессе подготовки специалистов	Повышение эффективности бизнеса	Рост бюджетной эффективности бизнеса
	Интересы государства	Повышение качества человеческого капитала	Финансирование научных исследований	Обеспечение конкурентоспособности инновационного бизнеса	Обеспечение устойчивого экономического роста

Рисунок 2 – Матрица взаимодействия интересов в постиндустриальной экономике [30]

Следует также отметить, что именно экономический интерес генерирует импульсы, воздействующие на механизм перераспределения ресурсов и экономических благ, что во многом обуславливает рациональность поведения всех экономических агентов и их деятельности в рамках удовлетворения меняющихся потребностей и достижения поставленных целей. Но обеспечение рациональности поведения сталкивается с проблемой неопределенности окружающей среды и объективно существующих рисков, существенно влияющих как на систему целеполагания отдельных субъектов, так и на уровень издержек, которые они должны понести при достижении установленных целей. Фактор риска и неопределенности и способность субъекта адаптироваться к изменениям условий функционирования в определенной степени ужесточают противоречия между конкурирующими между собой экономическими агентами и усложняют решение проблемы обеспечения равных возможностей реализации индивидуальных интересов, заставляя менее эффективных субъектов нести дополнительные затраты на управление рисками.

Изучение мирового многолетнего опыта управления развитием экономических систем различного уровня позволяет констатировать, что решение проблемы согласования экономических интересов невозможно без формирования в

обществе специальных механизмов их реализации. По мнению Е.В. Панюшкиной [103], эти механизмы функционируют в контексте сложившегося институционального обеспечения. Она справедливо отмечает, что в силу существования естественных объективных внутренних противоречий между различными элементами хозяйственного механизма идеального равновесного состояния системы интересов добиться практически невозможно, в силу чего полное согласование интересов экономических субъектов в реальных условиях остается недостижимым и крайне редко интересы каждого из субъектов реализуются в полной мере. Е.В. Панюшкина подчеркивает, что механизм согласования и реализации экономических интересов, как собственно и сам хозяйственный механизм, представляет собой совокупность специальных механизмов более низкого уровня, интегрированных в единый комплекс на принципах организационного единства, взаимопроникновения и системного взаимодействия, исходя из приоритетов определяемых институциональными ограничениями, определяемыми экономическими законами, действующим в рамках того или иного социально-экономического уклада. При этом механизм реализации интересов можно рассматривать и как совокупность экономических принципов, форм и методов ведения экономической деятельности, позволяющих обеспечить согласование общественных, групповых и индивидуальных интересов в рамках процессов общественного воспроизводства. Именно механизм реализации экономических интересов определяет специфику формализации взаимодействия объективно существующих закономерностей развития социально-экономических систем и деятельности людей, имеющей субъективный характер, но протекающей под воздействием объективных экономических законов, действующих независимо от воли и сознания человека.

Часто при раскрытии сущности различных экономических механизмов используют и иные подходы. Так, например, экономический механизм представляется как совокупность методов, рычагов и инструментов, направленных на достижение конечной цели [143], как совокупность процессов, организационных структур, форм и методов управления, а также правовых норм, при по-

мощи которых реализуются экономические законы и протекают процессы воспроизводства [110].

В современной экономической литературе описывается широкий круг механизмов, способов реализации, согласования, ограничения, консолидации, оптимизации экономических интересов, различающиеся принципами организации (рыночный, институциональный, государственный, смешанный и др.). В масштабах общества принципы согласования экономических интересов определяются экономической политикой государства, регламентирующей порядок решения отдельных экономических проблем, преодоления конкретных экономических противоречий, разрешения конфликтов. Именно государство определяет порядок организации и функционирования конкретных форм общественной жизни, инициирует создание и модернизацию необходимых формальных институтов и регулирует деятельность неформальных общественных институтов, формируя институциональную среду реализации экономических интересов.

Нельзя не согласиться с мнением Л.В. Сидниной [136], считающей, что до тех пор, пока ключевой институциональной единицей, обеспечивающей существование социума, является государство, то именно ему делегированы полномочия по согласованию интересов индивидов и отдельных их групп в рамках реализации общенациональных экономических интересов. Очевидно, что разные государства выполняют эту функцию по-разному в зависимости от исторического периода времени, социальной ориентации, формы управления, уровня развития гражданского общества и т.п. Разнонаправленные интересы могут быть объединены в единую систему и стать реальным мотиватором развития только в случае их подчинения национальным интересам.

Механизм реализации экономических интересов можно также представить в виде совокупности структурных и функциональных элементов, воздействующих на процессы формирования системы экономических интересов и их удовлетворения в рамках сложившейся институциональной среды на основе использования методов и инструментов, обеспечивающих возможность реали-

зации соответствующих экономических законов (закон возвышения потребностей, закон стоимости, закон спроса и предложения, закон денежного обращения и др.).

Поскольку существует объективная неоднородность индивидуальных экономических интересов в силу неоднородности самих субъектов экономических интересов, то возникают объективные предпосылки консолидации интересов отдельных личностей, объединенных по какому-либо признаку (территориальному, профессиональному, социальному, политическому и т.п.). За счет консолидации индивидуальных экономических интересов появляется возможность использовать более эффективные методы и инструменты их реализации, адаптировать систему общественных институтов к изменениям экономических потребностей социума.

В условиях относительно низкого уровня развития гражданского общества особую важность приобретают доступные для населения формы выражения и представления (так называемой артикуляции) интересов.

Современная экономическая наука различает несколько подходов к соотношению индивидуальных и групповых интересов (под группой в контексте данных исследований понимается совокупность людей, имеющих коллективную систему предпочтений, сформированную на основе индивидуальных предпочтений). Так, например, А.А. Некипелов [94] считает целесообразным игнорировать существование частных предпочтений отдельных групп, если они не сводятся к отдельным индивидуальным предпочтениям, и рассматривать групповые интересы как результат согласования личных интересов всех членов группы. При этом процесс согласования интересов направлен не на оптимизацию общественных предпочтений, а на поиск равновесия индивидуальных интересов. Оптимальный коллективный выбор, по мнению А.А. Некипелова, связан с достижением состояния, обеспечивающего гармонизацию и согласование индивидуальных интересов, а точкой гармонизации частных интересов является интерес группы. Очевидно, что группа в этом случае имеет интерес, отличный от интересов отдельных индивидуумов.

При других подходах групповой интерес может представлять собой сумму индивидуальных интересов всех членов группы или членов, имеющих наиболее сильное влияние и занимающих в группе доминирующее положение. Последний подход крайне актуален в тех случаях, когда для исследуемых групп характерен высокий уровень дифференциации участников по их месту в обеспечении воспроизводственного процесса и вкладу в формирование условий жизнедеятельности обособленных групп взаимосвязанных между собой индивидуумов.

Следует различать групповые и коллективные интересы. Коллектив традиционно рассматривается как частный случай группы людей, объединенных совместной деятельностью в рамках какого-либо хозяйствующего субъекта, тогда как группа может объединять людей, взаимодействие которых возникает по территориальному, социальному и другим аналогичным принципам.

В качестве специфической группы индивидуумов мы предлагаем выделять сельское население, возможности реализации экономических интересов которого существенно ограничиваются как спецификой развития самой отрасли аграрного производства, так и особенностями развития сельских территорий как пространственного базиса воспроизводства сельского сообщества. Несмотря на неоднородность групп сельского населения, объединенного по территориальному признаку (сельские поселения, сельские территории), у них возникают специфические экономические интересы, связанные как с социально-экономическим развитием конкретного локализованного сельского социума, так и развитием всего сельского хозяйства как многофункциональной подсистемы общественного производства.

Специфика групповых интересов сельского населения определяется, в первую очередь, проблемами, присущими современным сельским сообществам. К числу основных из них относятся:

- устойчиво сокращающееся количество рабочих мест на селе;
- низкий уровень доходов сельского населения;

– высокий удельный вес бедного населения и социально незащищенных групп;

– вымывание экономически активного населения;

– усиление деформации половозрастной структуры населения;

– низкий уровень развития социальной инфраструктуры;

– дефицитность бюджетов сельских поселений;

– низкая престижность сельскохозяйственного труда;

– некомфортный режим труда и отдыха;

– ограничения доступности кредитных ресурсов для граждан пенсионного возраста;

– низкий уровень предпринимательской активности;

– низкий уровень механизации производственных процессов домашних хозяйствах сельского населения;

– неразвитость кооперативной системы и др.

Очевидно, что неоднородность сельского населения крайне велика. Членами того или иного сельского сообщества могут быть представители крупного и малого агробизнеса, собственники и наемные работники, предприниматели и экономически неактивные граждане, люди участвующие как в сельскохозяйственном производстве, так и в других видах экономической деятельности и т.д. Но, несмотря на их разный статус и существенные различия в индивидуальных интересах, существует ряд экономических интересов, общность которых создает объективные предпосылки для консолидации интересов граждан в пределах зон локализации их совместного проживания.

К общегрупповым экономическим интересам сельского населения в масштабах отдельных сельских территорий можно отнести:

– рост доходов бюджетов сельских поселений;

– рост доходов как работающего, так и неработающего населения;

– повышение социальной ответственности предпринимательских структур, ведущих деятельность на конкретных сельских территориях;

- развитие социальной инфраструктуры и улучшение условий жизни;
- развитие системы социальной поддержки малоимущих граждан;
- развитие транспортной инфраструктуры;
- обеспечение экономической и физической доступности основных продуктов питания;

В масштабах общества экономические интересы сельского населения выражаются в:

- повышении заинтересованности государства в воспроизводстве традиционного сельского уклада жизни;
- усилении патернализма государства в отношении села;
- развитии системы поддержки малых форм хозяйствования и обеспечения самозанятости сельского населения;
- обеспечении равного доступа сельского и городского населения к общественным благам;
- повышении качества жизни сельского населения и формировании предпосылок улучшения демографической ситуации;
- государственном стимулировании наращивания рекреационного потенциала сельских территорий и др.

Многообразие и неоднородность экономических интересов сельского населения обуславливает необходимость формирования специального механизма их реализации. Механизм реализации экономических интересов сельского населения представляет собой совокупность структурных и функциональных элементов, обеспечивающих подсистем, инструментов и методов, ориентированных на управление процессами формирования благоприятных условий реализации экономических интересов как сельского сообщества в целом, так и их отдельных групп, проживающих на локализованных территориях, характеризующихся собственной спецификой развития.

Схема, отражающая состав механизма реализации экономических интересов сельского населения, приведена на рисунке 3.

Рисунок 3 – Состав механизма реализации экономических интересов сельского населения

Сложная иерархическая структура механизма реализации экономических интересов сельского населения предполагает выделение в качестве основных структурных элементов государства, административно-территориальных образований, территориально-отраслевых комплексов, хозяйствующих субъектов, общественных организаций, сельских территорий и домашних хозяйств. Каждый из структурных элементов включен в состав данного механизма в рамках реализации функций, связанных с персонификацией, консолидацией, согласованием, ограничением, регулированием, воспроизводством и мотивацией интересов. Возникновение данных функций требует не только выделения соответствующих функциональных элементов, но и формирования адекватной обеспечивающей системы, основными элементами которой являются: системы социального обеспечения, образования, здравоохранения, обеспечения безопасности, правового, нормативного и информационного обеспечения. В качестве основных инструментов реализации экономических интересов предлагается использовать экономическую, социальную, антимонопольную, финансово-кредитную и налоговую политику, систему государственной поддержки и различного рода целевые программы. Сложность механизма требует сбалансированного использования экономических, политических, административных, политических методов, методов консолидации усилий, общественного контроля, саморегулирования и самоорганизации, обеспечивающих пропорциональность развития социально-экономических систем различного уровня с учетом согласования интересов их отдельных элементов.

Механизм реализации экономических интересов формируется в рамках реализации принципов согласованности целей (цели функционирования отдельных механизмов не должны противоречить глобальной цели развития социально-экономической системы), системности (все элементы механизма взаимодействуют между собой, обеспечивая его целостность как системы), приоритетности функций (состав и значимость структурных элементов определяется объемом реализуемых ими функций), согласования интересов (ми-

нимизация противоречий за счет обеспечения компромисса и институционального ограничения экономических интересов отдельных субъектов экономических отношений и их групп), непрерывности (объективный характер воспроизводства экономических интересов требует непрерывности функционирования механизма их реализации), экономической рациональности (поведение всех экономических агентов определяется экономической целесообразностью их поведения и системой мотивации), адаптивности (механизм должен обладать определенной гибкостью, позволяющей различным элементам адекватно реагировать на изменения условий функционирования), компетентности (каждый элемент ориентирован на реализацию конкретных компетенций, определяемых его функционалом) и др.

Эффективность функционирования механизма реализации экономических интересов сельского населения зависит от уровня реализации соответствующих функций каждым его структурным элементом, качества развития отдельных обеспечивающих систем и адекватностью используемых методов и инструментов.

1.2. Домохозяйства в системе реализации экономических интересов сельского населения

Приоритетность индивидуальных интересов, декларируемая современными течениями экономической теории, не отвергает целесообразность их консолидации на различных уровнях. Традиционной формой интеграции интересов индивидуумов являются домохозяйства, рассматривающиеся в качестве базиса воспроизводства человеческого капитала.

Исследуя многообразие подходов к исследованию домашних хозяйств, И.А. Гаммершмидт [33] выделяет следующие основные различия. Если в рамках неоклассической теории домохозяйство трактуется как универсальная потребительская единица (домохозяйства - это субъект, включенный в экономический процесс как потребитель товаров и услуг), то институциональная теория представляет домашнее хозяйство как специфическую организацию, реализующую функции формирования человеческого капитала, а семья рас-

смачивается как особый институт, характеризующийся особенностью своего экономического поведения. Она отмечает, что переплетение идей этих двух теорий в рамках теории домашнего хозяйства обусловило необходимость рассмотрения домохозяйства не только как потребителя, но и как активного производителя экономических благ. Домохозяйство в современной трактовке рассматривается как сложный объект, для исследования которого характерен междисциплинарный подход, учет конкретных исторических условий, усиление социальной составляющей их развития.

В рамках современной экономической теории домашнее хозяйство, по мнению М.В. Попова [105], может быть определено как особый социально-экономический институт, характеризующийся такими количественными и качественными параметрами как устойчивость развития, полнота выполнения функций, число членов, величина и структура бюджета, объем сбережений и т.д., как совокупность проживающих совместно лиц, имеющих или даже не имеющих родственных связей, ведущих совместное хозяйство в рамках сложившихся норм, правил и требований, формирующих совместный бюджет, определяющих набор видов осуществляемой деятельности, что позволяет минимизировать трансакционные издержки всех членов домашнего хозяйства.

С.А. Белозеров [15] отмечает, что домашние хозяйства, с момента своего появления на экономической арене, отражают хозяйственную самостоятельность семьи или отдельного человека в процессе экономического и социального воспроизводства населения, частичную обособленность индивидуума в процессе производства и потребления экономических благ. Домашнее хозяйство существовало, и будет существовать при всех общественно-экономических формациях, поскольку индивидуальная и семейная форма производства является естественной формой ведения экономической деятельности. Вместе с тем необходимо отметить, что домохозяйства представляют собой довольно сложные социально-экономические системы, объединяющие личные и вещественные элементы. К личным элементам, по мнению

Л.В. Камдиной [58], следует относить субъекты домохозяйств, обладающие совокупностью личных качеств, а к вещественным - предметы, формирующие условия существования домашнего хозяйства (жилье, объекты недвижимости, движимое имущество, продукты питания и т.д.) Домашние хозяйства как системы характеризуются связями и отношениями между формирующими их элементами.

В современной экономической литературе довольно часто параллельно используются термины «домохозяйство» и «домашнее хозяйство». В статистике домашнее хозяйство рассматривается как элемент национальной экономики, а домохозяйство – как группа лиц с общим бюджетом и жильем. Некоторыми исследователями домохозяйства определяются через совокупность отношений семьи с другими экономическими субъектами, отражающими место и функции семьи в экономическом процессе и обороте ресурсов, товаров и т.п.. Н.А. Иванова [51] вполне справедливо предлагает использовать термины «домашнее хозяйство» и «домохозяйство» в качестве синонимов, считая, что общность лиц, ведущих совместную деятельность в рамках семейных отношений может быть представлена и как институт, и как организация.

Н.Н. Тельнова, Е.А. Остапенко и А.К. Кобозев [79] формулируют следующие методологические требования к формированию концепции экономики домохозяйств: домохозяйства должны рассматриваться как функциональные субъекты производства и потребления, осуществляющие воспроизводство домохозяйственного сообщества в целом и его отдельных участников и конкурирующие между собой за временные, трудовые, материальные и другие ресурсы; совокупность домашних хозяйств необходимо рассматривать как институты, объединяющие постоянно взаимодействующих между собой индивидов, ориентированных как на создание общего блага всех членов домохозяйственного сообщества, так и исключительно на индивидуальную полезность отдельных личностей; домашние хозяйства нельзя исследовать вне социального и экономического окружения, определяющего наиболее существенные характеристики их развития.

Д.Е. Денисова [43] указывает на уникальность домохозяйства как специфического экономического субъекта, организованного, как правило, на основе семьи, определяющей его внутреннее субъективно-личностное содержание. Эта уникальность проявляется, в первую очередь, в воспроизводственной функции домашнего хозяйства, включающей в себя: непосредственное биологическое воспроизводство человека (репродуктивная функция), воспитание подрастающего поколения (функция социализации), организацию совместно со школой образовательного процесса членов домохозяйства (функция накопления знаний), воспроизводство всех членов домохозяйства (рекреационная функция), материальное обеспечение нетрудоспособных членов семьи, уход за ними и психологическая поддержка (патронажная функция), обеспечение условий экономического воспроизводства домашнего хозяйства (функция самообеспечения).

Кроме воспроизводственной функции домашним хозяйствам присущи и другие функции, основными из которых, по мнению большинства исследователей, производственная, потребительская и сберегательная.

Е.А. Чулкова [167] определяет домашнее хозяйство как самоорганизованный экономический субъект с ограниченным бюджетом и территориально обособленным местом проживания его членов, реализующий свои основные функции в процессе производства, потребления, накопления, снабжения и воспроизводства человеческого капитала. Она выделяет пять базовых функций домохозяйств: снабженческую, производственную, сберегательную, потребительскую, функцию воспроизводства.

Представляют интерес исследования генетической взаимосвязи и эволюционной расходимости функциональности домашних хозяйств и семьи, проведенные И.А. Бондаренко [21]. В качестве основной целевой функции семьи она определяет воспроизводство человека, а целевой функции домохозяйства – воспроизводство капитала. Для каждой из исследуемых категорий она выделяет специфические и неспецифические функции. Так к специфическим функциям семьи она относит репродуктивную, экзистенциальную,

культурологическую функцию и функцию социализации, а к специфическим функциям домашнего хозяйства – снабженческую, сберегательную, потребительскую и производственную функции. Основными неспецифическими функциями семьи, по мнению И.А. Бондаренко, являются общение, обеспечение безопасности, удовлетворение физиологических и духовных потребностей, тогда как к неспецифическим функциям домохозяйств она относит управленческую функцию, функцию контроля над расходами, обеспечения финансовой устойчивости и т.п.

В настоящее время нет единого подхода к разрешению вопроса о роли семьи и домохозяйства в формировании человеческого капитала. На наш взгляд, функция воспроизводства капитала относится к числу экономических функций и может быть реализована только в рамках домашнего хозяйства как субъекта экономической деятельности, тогда как семья все-таки относится не к экономическим, а социальным общественным институтам. Но проблема воспроизводства человеческого капитала является одной из ключевых при исследовании сущности домашних хозяйств и их роли в системе реализации индивидуальных экономических интересов.

Изучение сущности экономической категории «человеческий капитал» и природы ее возникновения были начаты еще в XVIII веке в рамках двух основных подходов. Первый подход предполагал идентификацию человеческого капитала в качестве одного из факторов труда, а второй – его отождествление с человеческим индивидуумом. В соответствии с первым подходом человеческий капитал рассматривался как элемент общественного богатства и объединял в себе врожденные и полученные способности, знания, умения, навыки, профессиональную квалификацию, рассматриваемые в качестве объективных производительных факторов труда. Второй подход предусматривает рассмотрение человека как личности в качестве специфической формы капитала.

Несмотря на существование обособленной теории человеческого капитала единой трактовки данной экономической категории пока так и не сложилось.

Так И.А. Гурбан [42] предлагает трактовать человеческий капитал как специфическую форму капитала, отражающую приобретенные индивидом знания, умения, способности, здоровье, компетенции и мотивацию к экономической деятельности, имеющие потребительскую ценность и направленные на рост благосостояния отдельных экономических субъектов и общества в целом. По мнению В.М. Юрьева и Т.В. Касаевой [178] человеческий капитал следует рассматривать как экономическую категорию, характеризующуюся наличием пространственно-временных границ и качественных параметров, отражающих условия воспроизводства экономических отношений воспроизводства индивидуального, группового и национально-государственного капитала. При этом индивидуальный человеческий капитал определяется ими как элемент общественных производительных сил, групповой человеческий капитал (социальный) – представляет собой совокупность правил, ценностей, норм, межличностных связей, регламентирующих взаимодействие как внутри социальных групп, так и между ними, а национально-государственный человеческий капитал интегрирует в себе социальный, идеологический и политический капиталы, интеллектуальные приоритеты общества и др.

Но, как правило, все определения человеческого капитала базируются на трактовке этой экономической категории, данной одним из основателей теории человеческого капитала Г. Беккером [12]. Человеческий капитал он предлагал раскрывать как совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, рациональное использование которой создает предпосылки роста доходов на уровне индивида, группы индивидов или общества.

Состав элементов человеческого капитала, предложенный А.В. Улезько, С.В. Мистюковой и А.А. Тютюниковым, приведен на рисунке 4.

Рисунок 4 – Состав механизма реализации экономических интересов сельского населения [153]

Являясь частной формой капитала, человеческий капитал нуждается в непрерывном воспроизводстве. По мнению Н.Н. Королёвой [65] воспроизводство человеческого капитала в узком смысле представляет собой воспроизводство потенциальных способностей человека, позволяющих получать доход, в широком смысле - воспроизводство самого индивида как биологического носителя значимых способностей и качеств. Н.Н. Королёва считает, что можно вести речь об интенсивном типе воспроизводства человеческого капитала, характеризующемся ростом темпов и качества воспроизводства за счет рациональной политики инвестирования в развитие индивидов.

О.М. Сулова [145] рассматривает воспроизводство человеческого капитала в виде непрерывного процесса производства и потребления потребностей субъекта в течение его жизнедеятельности. Цель воспроизводства человеческого капитала связана с обогащением жизни индивида и обогащением общества за счет потребления продуктов его экономической деятельности. Она справедливо отмечает тот факт, что в течение всей жизни индивида его человеческий капитал проходит значительное множество, так называемых, малых оборотов, каждый из которых предусматривает стадии потребления и накопления человеческого капитала. Накопление человеческого капитала заключается в формировании новых качеств индивида (возвышении потребностей и развитии новых способностей). Переход между стадиями отражает изменение характера процесса воспроизводства и характера отношений между субъектом человеческого капитала и прочими экономическими субъектами в процессе социально-экономического взаимодействия.

Воспроизводство человеческого капитала, по мнению О.В. Шулаевой [175] проходит три основных стадии: формирование, обмен (распределение), потребление (использование). Несколько с иных позиций процесс воспроизводства человеческого капитала описывает С.В. Штрацбург [174]. Он считает, что в процессе воспроизводства человеческий капитал индивида проходит три основные стадии: инвестиционную (осуществляется процесс первоначального накопления капитала), производственную (человеческий капитал

вовлекается в процесс общественного производства, реализуя свой потенциал) и постпроизводственную (период с выхода капитала из процесса общественного производства до его полного износа). Последняя стадия крайне важна с позиций воспроизводства домохозяйств и связана как с инвестициями в поддержание здоровья старшего поколения, так с передачей опыта, практических умений и навыков следующему поколению.

Мы разделяем позицию Е.А. Святодуха [126], утверждающего, что исследование процессов воспроизводства человеческого капитала должно происходить на основе следующих методологических предпосылок: человеческий капитал воспроизводится не только как капитал, но и как рабочая сила; воспроизводство человеческого капитала объединяет стадии производства (формирования), распределения, обмена и потребления; обязательным условием воспроизводства человеческого капитала служит трансформация определенной части доходов в инвестиции, направляемые на воссоздание отдельных элементов человеческого капитала; типология воспроизводства человеческого капитала обуславливает выделение простого, деградирующего и расширенного воспроизводства; движение человеческого капитала условно делится на два периода: инвестиционный (происходит формирование человеческого капитала) и период реализации капитала (участие человека в процессе общественного производства). В качестве основных функций человеческого капитала Е.А. Святодух выделяет: экономическую (связана с ростом дохода индивида, направляемого на его воспроизводство как субъекта человеческого капитала и членов его семьи), стимулирующую (способствующую росту доходов за счет формирования и реализации знаний и умений), инновационную (человеческий капитал выступает в роли главного мотиватора и источника нововведений), социальную (развитие человека как личности, повышение социального статуса), инвестиционную (непрерывное вложение средств в человеческий капитал с целью его расширенного воспроизводства), креативную (возможность самовыражения, реализации творческого и интеллектуального потенциала индивида).

В качестве особенностей человеческого капитала М.П. Сергеев, Ш.И. Гафуров и Л.И. Гурьянова [133] предлагают выделять следующие моменты: человеческий капитал рассматривается как базовая ценность общества и основной фактор экономического развития; формирование человеческого капитала связано со значительным объемом средств, инвестируемых как самим человеком, так обществом в целом; человеческий капитал, формирующийся в виде знаний, умений и способностей, может аккумулироваться; человеческий капитал физически и морально изнашивается, амортизируется и меняет свою стоимость; человеческий капитал характеризуется довольно низкой степенью ликвидности; человеческий капитал не может быть отделен от своего носителя; использование человеческого капитала и получение доходов от этого использования контролируется индивидом.

Б.Х. Лолаева [81] выделяет следующие функции человеческого капитала: воспроизводственную, персонификации знаний, инновационную, саморазвития человека и интеграции потоков знания и стоимости. Она ведет речь о нескольких способах реализации человеческого капитала, зависящих от фаз воспроизводственного цикла. В фазе производства, по ее мнению, происходит приобретение знаний и их трансформация в способности человека, в фазе распределения - формирование созидательного потенциала отдельных индивидов, вовлеченных в процесс общественного производства, в границах отдельных экономических субъектов, в фазе обращения - осуществляется стоимостная оценка капитала и товарный обмен элементов капитала на экономические блага, необходимые для удовлетворения его потребностей и воспроизводства, в фазе потребления созидательный потенциал субъектов человеческого капитала проявляется в потоках новых благ и знаний.

Формирование и развитие человеческого капитала невозможно без инвестиций по всем векторам развития индивида, максимальную отдачу которых можно обеспечить лишь при комплексном использовании всех источников их финансирования: личных доходов индивидуума, доходов семьи, средств хозяйствующих субъектов, бюджетов различных уровней (рисунок 4). [153]

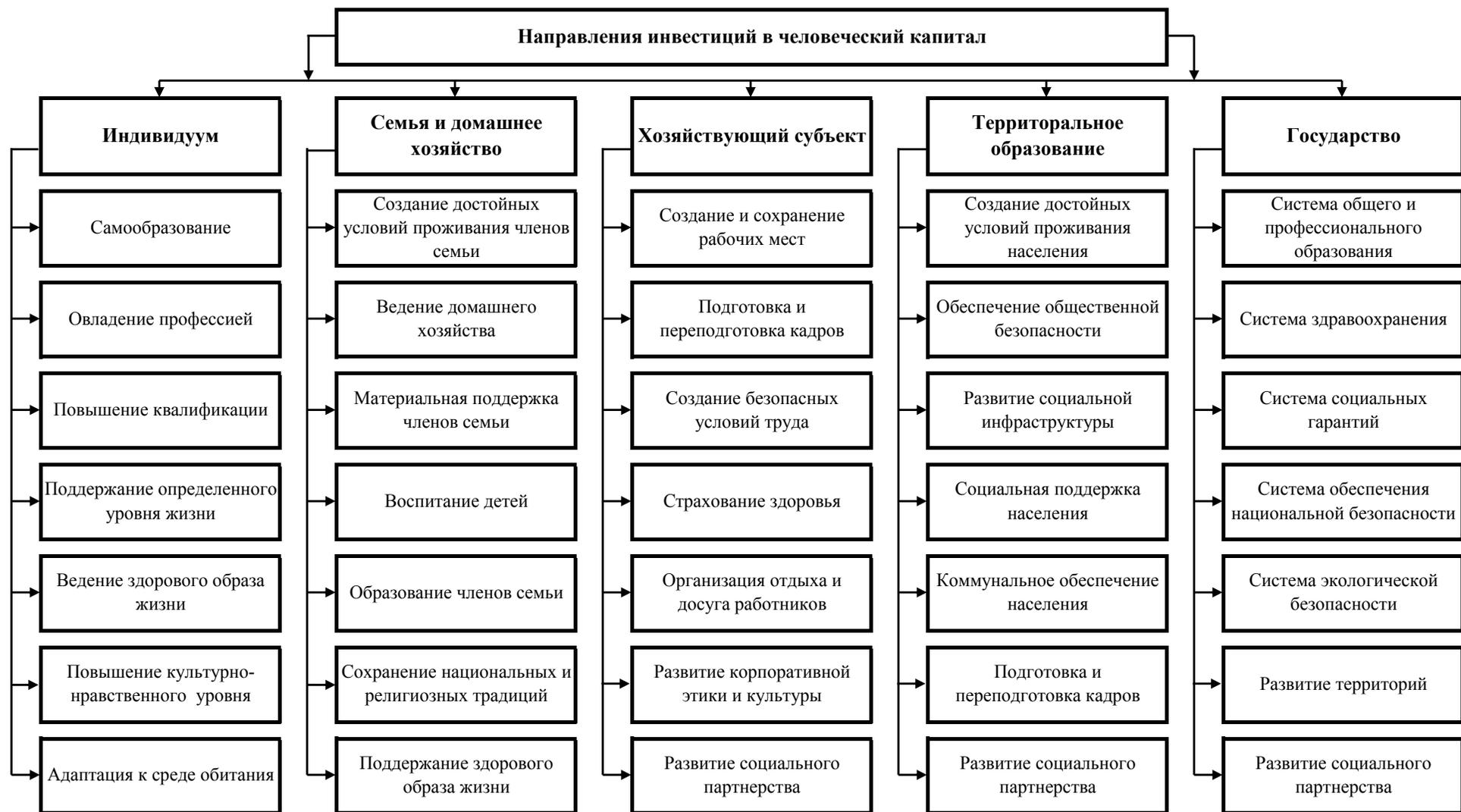

Рисунок 5 – Направления инвестиций в человеческий капитал [153]

И.А. Бондаренко приходит к выводу, что реализация функций домашних хозяйств происходит через осуществление их деятельности на макро- и микроэкономическом уровнях. Результаты проведенной ею систематизации способов реализации функций домохозяйств приведены на рисунке 6.

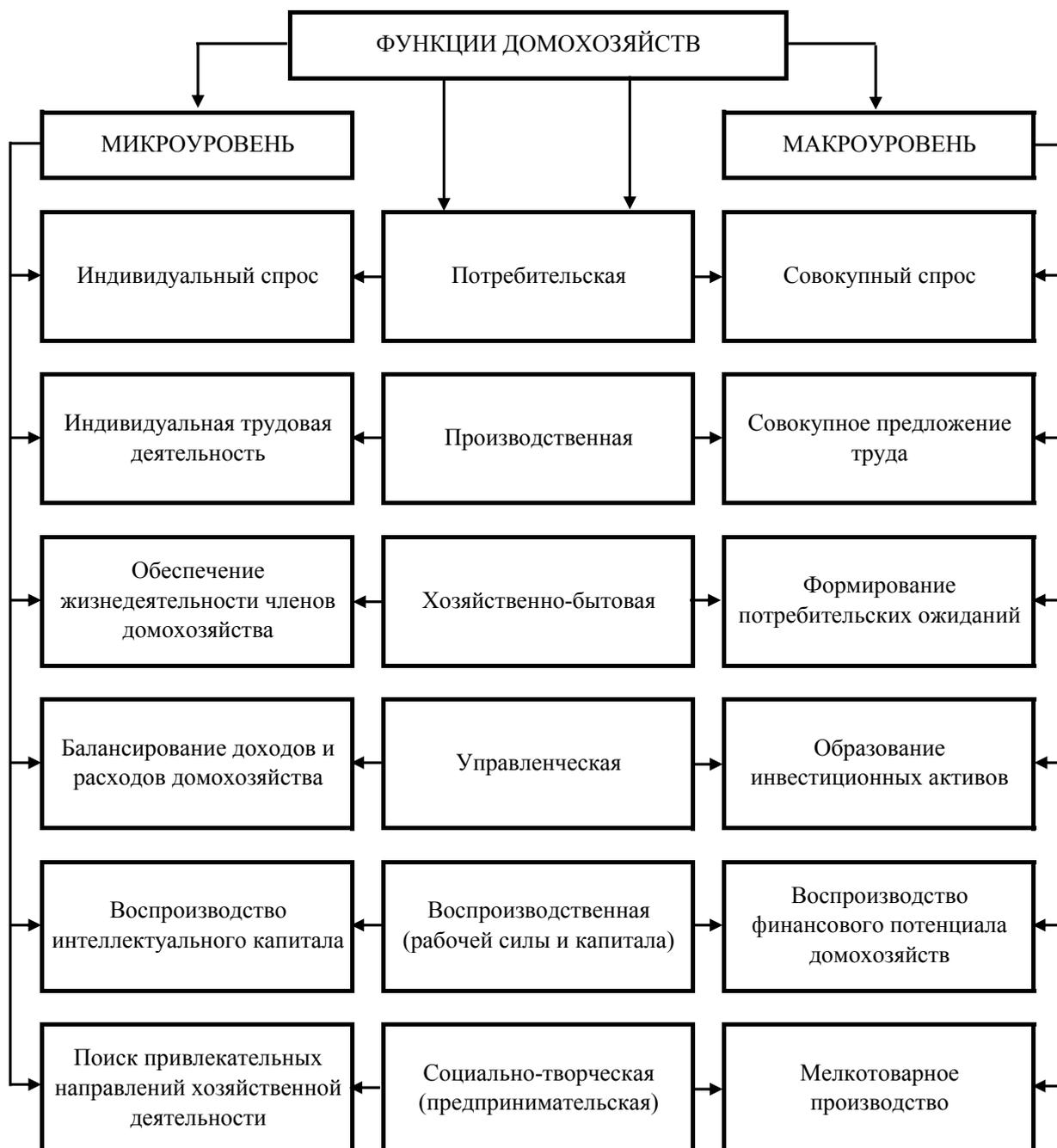

Рисунок 6 – Реализация функций домохозяйства по уровням экономической системы [21]

Следует отметить, что набор функций домохозяйств, отображенный на рисунке 6, не совпадает с перечнем функций, выделенных И.А. Бондаренко при сопоставлении функций семьи и домашнего хозяйства.

Н.З. Торгай [147] предполагает выделение воспроизводственной, трудовой или производственной, предпринимательской, организационной, потребительской, сберегательной и финансовой функций домашних хозяйств.

Отмечая разнообразие форм существования объединения индивидов, претендующих на статус домашнего хозяйства, М.В. Попов [105] считает необходимым учитывать степень соответствия этих сообществ общепринятому понятию «домашнее хозяйство» через полноту реализуемых ими функций.

Он предлагает выделять три типа такого соответствия: полное (домашнее хозяйство в полной мере выполняет все присущие ему функции), частичное (реализуется большая часть основных функций) и относительное (деятельность домашних хозяйств ориентируется на выполнение одной-двух базовых функций). Заслуживают внимания выводы, сделанные М.В. Поповым, по поводу взаимосвязи уровня развития домашних хозяйств с уровнем развития регионов и их особенностей. Он не просто отмечает тот факт, что функциональная структура домохозяйств тесно коррелирует с уровнем социально-экономического развития региона, но и указывает на кардинальные изменения характера деятельности домохозяйств при переходе к рыночной экономике и образе их поведения. Значительная часть домашних хозяйств сохранила стереотипы экономического поведения, присущего централизованной экономике, тогда как другая их часть пытается активно адаптироваться к новым условиям, расширяя свою производственную функцию. Если в регионах с достаточным уровнем экономического развития преобладают внешняя производственная и потребительская функции, то в дотационных регионах потребительская функция домашних хозяйств существенно искажена, а внешняя производственная функция практически не развита, что вынуждает домохозяйства делать акцент на внутреннюю производственную деятельность или рассчитывать на помощь от государства. Для оценки эффективности региональной политики М.В. Попов предлагает использовать разницу в сберегательных возможностях различных групп населения, дифференцированных

по уровню доходов, и динамику десберегательного поведения домохозяйств из наименее обеспеченных групп.

Дифференциация домашних хозяйств по уровню доходов обусловлена существенным экономическим неравенством в обществе. Е.Б. Поспелова [107] отмечает многообразие форм его проявления, которое может выражаться в неравенстве текущих доходов, благосостояния, качества жизни, доступности экономических блага, отсутствием социальных лифтов и т.п. К числу основных причин существующего экономического неравенства в России она относит: неразвитость института профессиональных союзов, непоследовательность пенсионной политики и незавершенность реформы пенсионной системы, барьеры на пути развития малого бизнеса, коррупционный характер экономических отношений в сфер производства, обмена, распределения и потребления экономических благ.

Неоднородность домашних хозяйств не ограничивается их дифференциацией по уровню доходов. Так, например, Т.В. Лаврова [77] предлагает различать функционально-ограниченные, нестабильные и экономически ответственные домашние хозяйства, которым присущи неодинаковые интересы. Для функционально-ограниченных домохозяйств, основанных на личной собственности, доминирующими являются личные интересы, связанные с распределением и использованием доходов семьи, улучшением качества человеческого капитала и т.п., тогда как у экономически ответственных домохозяйств преобладает сочетание личных и частных интересов, связанного с формированием доходов за счет наращивания производственного потребления.

Собственную классификацию домашних хозяйств предлагает И.А. Бондаренко [21]. В качестве классификационных признаков она использует статусно-ролевую структуру, степень профессиональной и территориальной мобильности, тип финансового поведения и модель приспособления к изменениям на рынке труда. По статусно-ролевой структуре она различает домохозяйства, состоящие из лиц, связанных между собой родственными отноше-

ниями, домохозяйства, члены которого не связаны отношениями родства, домохозяйства, в которые входят лица и связанные, и не связанные родственными узами. По степени профессиональной и территориальной мобильности в данной классификации выделяются мобильные домохозяйства, перемещающиеся в течение жизненного цикла из одних профессиональных и территориальных групп в другие, и немобильные, жестко привязанные к конкретным профессиональным и территориальным группам. По типу финансового поведения различают домохозяйства-сберегатели (присуще позитивное финансовое поведение), домохозяйства-антисберегатели (присуще негативное финансовое поведение), домохозяйства со смешанным типом поведения (присуща смена позитивного и негативного поведения), пассивные домохозяйства (не осуществляют никаких финансовых действий). По способу приспособления к изменениям на рынке труда выделяют домохозяйства, основанные на традиционной модели трудовой деятельности (первичность мужской трудовой занятости по отношению к женской занятости), домохозяйства, использующие эгалитарную модель адаптивного партнерства (рост трудовой занятости женщин и передача мужчинам части ее домашних обязанностей), домохозяйства, использующие переходную модель постепенной адаптации (постепенное перераспределение домашних обязанностей между членами семьи).

Рассматривая домашнее хозяйство как специфический институт И.А. Бондаренко [23], определяет их институциональный порядок как признаваемую всеми экономическими субъектами систему формальных и неформальных правил поведения и ограничений, обеспечивающих членам домашних хозяйств реализацию собственных экономических интересов в рамках их согласования с интересами остальных субъектов, справедливо отмечая, что институциональный порядок формируется спонтанно в результате объективного взаимодействия всех общественных институтов.

К числу правил, определяющих поведение домашних хозяйств и их членов, а также упорядочивающих взаимоотношения между ними, по мне-

нию Т.В. Лавровой [76] необходимо относить: рациональный выбор источника доходов, сбор, обработку и анализ информации для принятия инвестиционных решений, формирование и удовлетворение потребностей домохозяйства его отдельных членов, оптимизация структуры расходов; формирование структуры домашнего хозяйства; обеспечение взаимодействия с другими общественными институтами.

Следует отметить, что структурная неоднородность домашних хозяйств предполагает существование объективных противоречий, основными из которых, по мнению Т.В. Лавровой [77], являются:

- противоречие между стремлением к максимальному удовлетворению потребностей и относительно низким уровнем доходов;
- противоречия, связанные с приоритетностью и возможностями удовлетворением материальных и духовных потребностей;
- противоречие между целями, связанными с ростом человеческого капитала, и низким уровнем доходов, ограничивающим инвестиции в развитие человеческого капитала;
- противоречие между текущими и долгосрочными потребностями, обусловленные нестабильностью макроэкономической ситуации и низким уровнем сбережений домашних хозяйств.

А.В. Сонников [141], развивая методологию субъектно-объектного подхода к исследованию экономики домашних хозяйств, акцентирует внимание на взаимосвязи потребностей, собственности и экономических интересов. По его мнению, именно эта взаимосвязь является фундаментальной основой, обеспечивающей познание особенностей специфики экономических отношений, присущих домашним хозяйствам как особому типу экономических субъектов. Основная идея, предлагаемого им подхода заключается в различиях процессов трансформации потребностей домашнего хозяйства в экономический интерес в зависимости от типа экономической системы и доминирующего типа собственности. В соответствии с предложенным подходом потребности домашних хозяйств и его отдельных членов являются пер-

вичными, тогда как интересы, определяющие поведение домохозяйств, оформляются под воздействием отношений собственности. А.В. Сонников приходит к выводу, что теоретический и методологический базис исследования домохозяйств формировался в соответствии с трансформацией концепции «человека экономического» в концепцию «человека социального» с учетом комплексного влияния институционального, кардиналистского и ординалистского подходов (рисунок 7).

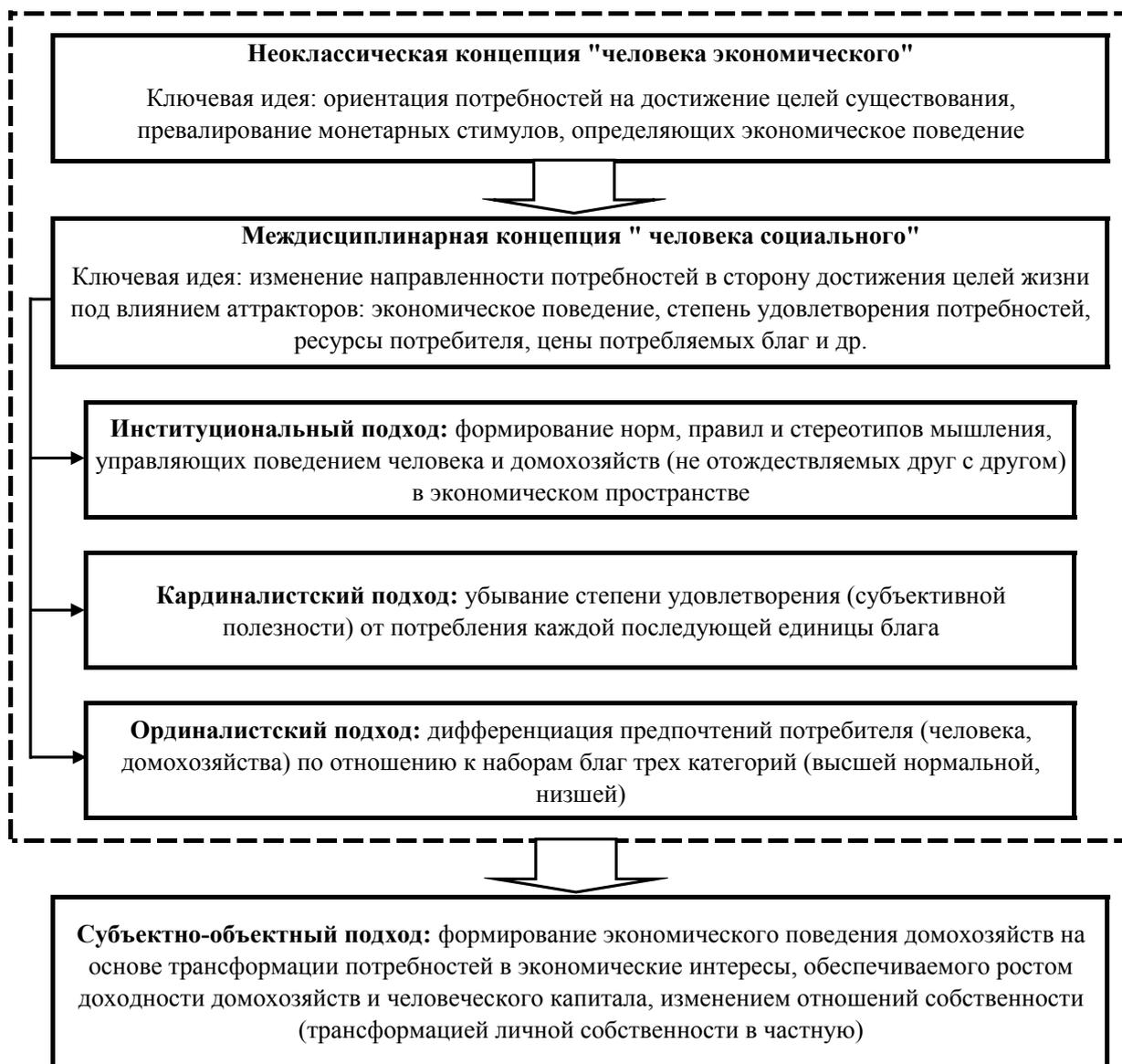

Рисунок 7 – Подходы к исследованию экономики домашних хозяйств [141]

Очевидно, что любое действие любого домашнего хозяйства мотивировано, в первую очередь, интересами его отдельных членов, но при этом согласованных между собой.

Деятельность домохозяйств связана с реализацией совокупности функций, основными из которых являются воспроизводственная, производственная, потребительская и сберегательная и др. Соотношения между функциями определяются типом домохозяйства, обуславливающим выбор стратегии и модели поведения.

В современной экономической литературе существует множество подходов к описанию таких моделей, но, как правило, в качестве основных выделяются модели выживания, простого воспроизводства, рационального потребления, избирательного потребления, неограниченного потребления, отражающие поведение отдельных групп домохозяйств в соответствии с их социальным расслоением.

Модель поведения домашних хозяйства напрямую определяется спецификой их потребительской функций, связанной с реализацией основной задачи – воспроизводством человеческого потенциала. К формам экономического поведения домашних хозяйств традиционно относятся трудовая и предпринимательская активность их членов, финансовое и сберегательное поведение, формирование бюджета и оптимизация структуры расходов, адаптация к изменениям внешней среды функционирования, инвестиционная стратегия и др.

Модель выживания присуща домохозяйствам с критически низким уровнем среднедушевых доходов, основными источниками которых, как правило, являются заработная плата членов домашних хозяйств и получаемые ими трансфертные платежи. К этой группе домохозяйств относятся семьи пенсионеров, работников бюджетной сферы, инвалидов, многодетные семьи. Существенную роль в формировании доходов домохозяйств этого типа играет помощь родственников. Модель поведения этих домохозяйств можно отнести к моделям неэкономического поведения, так как низкий уровень потребления экономических благ позволяет обеспечивать воспроизводство членов домашних хозяйств лишь на физиологическом уровне.

Модель простого воспроизводства свойственна домохозяйствам с уровнем среднедушевых доходов, незначительно превышающих уровень прожиточного минимума. В домохозяйствах этого типа потребление, как правило, носит ярко выраженный отложенный характер и базируется на полном отказе от необязательных в конкретной ситуации товаров и услуг. Уровень доходов позволяет осуществлять простое воспроизводство, но основная цель потребительского поведения ограничивается удовлетворением жизненно необходимых потребностей в условиях жестко ограниченного бюджета и ограниченных возможностей биологического воспроизводства.

Модель рационального потребления используется домашними хозяйствами со средним уровнем среднедушевых доходов. Кроме заработной платы и трансфертных платежей дополнительными источниками доходов могут являться доходы от собственности и ведения предпринимательской деятельности. Уровень доходов членов домохозяйств этого типа позволяет обеспечить довольно высокий уровень текущего потребления и использовать кредитные ресурсы для решения средне- и долгосрочных экономических задач. Данным домохозяйствам присуще ограниченное сберегательное поведение и преобладание качественного роста материальных и духовных потребностей над количественным, обусловленное ориентацией на максимизацию полезностей.

Модель избирательного потребления присуща домохозяйствам с относительно высоким уровнем среднедушевых доходов, основными источниками которых являются предпринимательская деятельность и доходы от собственности. Домохозяйства этого типа ориентированы на инвестиционный характер потребления, подтверждающего их определенный статус, могут обеспечить как количественный, так и качественный рост индивидуальных потребностей. Доминирующим мотивом их потребительского поведения является максимизация полезности и качества приобретаемых экономических благ в условиях не жестко ограниченных финансовых возможностях.

Модель неограниченного потребления наблюдается у домашних хозяйств с самым высоким уровнем среднедушевых доходов. Господствующий мотив поведения домохозяйств данного типа – максимальная самореализация, рост качества всех потребляемых экономических благ, формирование индивидуализированного спроса на эксклюзивные товары и услуги. Практически полное отсутствие финансовых ограничений зачастую обуславливает нерациональность поведения и приводит к появлению на рынке статусных товаров, обладание которыми демонстрирует превосходство их владельцев над остальными субъектами.

Выбор той или иной модели поведения происходит в соответствии со стратегией развития конкретного домашнего хозяйства, определяемой целевыми ориентирами и имеющимся ресурсным потенциалом. Одним из приоритетов развития домашних хозяйств является воспроизводство его совокупного человеческого потенциала, обеспечивающее рост доходов и повышение уровня жизни в рамках выбранной парадигмы потребления экономических благ.

Г.М. Россинская [117] отмечает, что поведение домашних хозяйств должно рассматриваться в нескольких разрезах: во-первых, как элемент механизма реализации интересов потребителя и производителя экономических благ в соответствии с реализуемыми функциями; во-вторых, как элемент механизма формирования социальной структуры общества в контексте основных атрибутивных признаков; в-третьих, как элемент механизма обеспечения устойчивой обратной связи потребителей с производителями; в-четвертых, как стремление к достижению определенного качества и уровня жизни, в-пятых, форма разрешения противоречия, порожденного двойственностью природы человека, позиционирующего себя с одной стороны в качестве чистого индивида, а с другой стороны - в качестве элемента социума.

И.А. Гаммершмидт [33] предлагает определять типы поведения домохозяйств в зависимости от объемов внутреннего производства и уровня товарности, выделяя потребительские, потребительски-товарные и предприни-

матерские домохозяйства. Критерием отнесения хозяйств к той иной группе, по ее мнению, будет являться доля доходов, полученных от реализации продукции и услуг собственного производства.

Особую форму домохозяйств представляют собой домашние хозяйства сельского населения. Их специфика определяется такими моментами как: наличие земельного участка, позволяющего вести сельскохозяйственное производство; относительно высокая доля в совокупных доходах домашних хозяйств доходов, полученных от ведения хозяйства; высокий уровень самозанятости сельского населения, связанный с жестким дефицитом рабочих мест на селе; высокий уровень локализации рынков, на которых можно продать произведенную продукцию; ориентация на продовольственное самообеспечение; низкое качество жизни, обусловленное неразвитостью социальной инфраструктуры и низким уровнем доходов; ограниченная мобильность сельских семей; деформированная структура семей, вызванная массовым отъездом молодежи и представителей других групп экономически активного населения; ограниченные возможности ведения предпринимательской деятельности и т.п.

М.Е. Мусллова [92], исследуя особенности реализации домохозяйствами сельской местности и малых городов своей трудовой функции, отмечает в качестве основных из них жестко ограниченные возможности занятости трудоспособного населения, более низкую квалификацию рабочей силы по сравнению с городами и высокий уровень интенсивности отъезда экономически активного населения в более развитые регионы и крупные города.

Т. Шанин отмечает, что в настоящее время развивается теория «эксплолярных типов» хозяйствующих субъектов, основой которой служит типология семейного хозяйства. Существует три основных подхода, обуславливающих специфику исследования сельских домохозяйств. В контексте первого подхода крестьянство рассматривается как специфическое переходящее явление и признается устойчивой социальной структурой, в контексте второго подхода крестьянство признается общими экономическими и социологическими теориями

как некая относительно устойчивая структура, не требующая выделения ее специфических свойств, в рамках третьего подхода крестьянство рассматривается как социокультурный феномен и обуславливает необходимость разработки специальной теории, раскрывающей особенности формирования и развития крестьянских семей и их домашних хозяйств. В рамках теории крестьяноведения Т. Шанин выделяет четыре взаимосвязанных блока: семейный двор, аграрное производство, село и его культура, сельское хозяйство как элемент общественного производства [29].

По мнению Т.В. Савченко, А.В. Улезько и Л.В. Киященко [122], домашние хозяйства сельской местности являются основным инструментом балансирования доходов и расходов членов семьи и играют роль специфического индикатора, характеризующего уровень развития аграрного производства на конкретной сельской территории. Чем значимее уровень развития аграрного производства и выше уровень занятости населения, тем менее значимую роль в формировании бюджета сельской семьи играет производство в домашних хозяйствах. И чем слабее развит общественный сектор аграрного производства, тем значимее будет для сельской семьи доход, получаемый от ведения собственного хозяйства, а в ряде случаев домашние хозяйства могут являться единственным источником доходов членов домохозяйств. В такой ситуации подсобный характер хозяйств населения исчезает, а хозяйство превращается из потребительского в товарное, приобретая предпринимательские черты, но не теряет при этом своих глубинных характеристик, присущих трудовым семейным хозяйствам.

Доминирующей формой семейных хозяйств сельской местности России продолжают оставаться приусадебные хозяйства при относительно слабо развитом фермерском секторе. Исходя из стратегических целей, Т.В. Савченко, А.В. Улезько и Л.В. Киященко [122, 181] предлагают выделять пять основных моделей развития сельских домохозяйств.

1. Модель хозяйства потребительского типа, характерную для семей, у которых преобладающая часть доходов формируется вне пределов домохо-

зяйства. Как правило, в хозяйствах такого типа производственная деятельность ориентирована, в первую очередь, на реализацию социальных функций по сохранению традиционного уклада жизни крестьян, трудовому воспитанию детей, поддержанию порядка на территории хозяйства, обеспечения членов семьи органическими продуктами питания и др. Производство при этом ведется на приусадебном участке в личное время с преобладанием ручного труда.

2. Модель мелкотоварного приусадебного хозяйства, выбор которой присущ для семей, относительно устойчиво получающих на своих приусадебных участках определенные излишки отдельных видов продукции, которые они реализуют на локальных рынках, но получаемые при этом занимают в бюджете семьи малый удельный вес. Социальный результат деятельности домашних хозяйств такого типа превалирует над экономическим, а само сельскохозяйственное производство действительно носит подсобный характер.

3. Модель товарного приусадебного хозяйства, переход к которой осуществляется при условии отсутствия относительно устойчивых источников доходов за пределами домашних хозяйств или при возникновении у участников хозяйства осознанной потребности в ведении предпринимательской деятельности. Для товарных приусадебных хозяйств первого типа присуще многопрофильное аграрное производство, тогда как хозяйства второго типа, как правило, являются узкоспециализированными.

4. Модель трудового фермерского хозяйства присуща семейным хозяйствам, развивающим бизнес за пределами усадеб только за счет труда членов домохозяйства. Такие хозяйства часто называют крестьянскими, акцентируя внимание на их трудовой сущности. Размер производства в этих хозяйствах лимитируется размером трудового потенциала членов семьи, но допускается привлечение сторонних организаций для выполнения отдельных работ.

5. Модель фермерского типа хозяйства, базирующегося на применении наемного труда, реализуется фермерами, ориентированными на ведение довольно масштабного производства с постоянным использованием наемных

работников труда. Семейный характер хозяйств такого типа проявляется лишь через право собственности и семейное управление производственно-финансовой деятельностью.

б. Модель семейной корпорации используется тогда, когда размеры предприятия семейного типа выходят за рамки, установленные для субъектов малого бизнеса, но при этом управление бизнесом осуществляют члены одной семьи.

Значительная часть исследователей считает, что в современных условиях именно семейное домохозяйство способно выступить основным инструментом «сшивания» социально-экономического пространства села.

На основе обобщения сложившихся подходов к изучению поведения домашних хозяйств [18, 22, 87, 90, 123, 52, 159], нами были систематизированы и представлены в разрезе шести групп факторы, тем или иным образом влияющие на это поведение (демографические, общественные, политико-правовые, экономические, социальные и природно-географические). Результаты проведенной систематизации представлены на рисунке 8.

Совокупное влияние демографических, общественных, политико-правовых, экономических, социальных и природно-географических факторов обуславливает существующую деформацию воспроизводства домохозяйств как базиса сельского образа жизни и существования традиционной крестьянской семьи. Вместе с тем домохозяйства продолжают оставаться основным элементом системы воспроизводства человеческого капитала аграрной сферы. Для существенной части сельского населения именно домохозяйства играют весомую роль в продовольственном обеспечении семей. Консолидация доходов, поступающих из различных источников (заработная плата, пенсии, пособия, субсидии, выручка от реализации излишков произведенной продукции и т.п.), позволяет сбалансировать уровень потребления экономических благ и инвестировать средства в развитие человеческого капитала сельской семьи (рождение детей, поддержание здоровья, получение образования, повышение квалификации, интеллектуальное и физическое развитие и др.).

Рисунок 8 – Факторы, влияющие на поведение домашних хозяйств сельского населения

Важнейшим предназначением семьи, а значит и домашнего хозяйства, является воспитание подрастающего поколения, направленное на формирование нравственных качеств и моральных ценностей, гражданской позиции, на способность человека к социальной адаптации. В рамках ведения домашнего хозяйства подрастающее поколение приобретает житейский опыт, учится осознавать потребности других людей и учитывать их интересы, формирует стереотипы поведения и собственную систему ценностей.

Домашние хозяйства являются центром концентрации экономических интересов индивидуумов, связанных семейными отношениями и рамками совместного ведения хозяйственной деятельности. Именно на уровне домохозяйств наиболее ярко проявляются проблемы, связанные с персонификацией индивидуальных интересов, их консолидацией, согласованием, ограничением, регулированием, воспроизводством и мотивацией. При этом даже наличие родственных связей не гарантирует легкость разрешения противоречий, возникающих между членами домохозяйств из-за конфликта личных интересов. Чем ниже уровень совокупных доходов домашнего хозяйства, тем острее становятся противоречия между его членами, претендующими на приоритетность удовлетворения собственных интересов. Относительно низкий уровень доходов сельского населения и низкое качество жизни значительной его части естественным образом ограничивают уровень потребностей селян и усиливают центробежные тенденции, связанные с неконтролируемым обществом оттоком экономически активного населения из села, деформацией демографической структуры домашних хозяйств, разрушением семейной системы воспроизводства человеческого капитала аграрной сферы.

Практически утратив свое воспроизводственное предназначение, сельские домохозяйства в ближайшее время могут существенно сократить и свою производственную функцию в силу катастрофического старения сельского населения. В этой связи проблема сохранения сельского образа жизни и контроля за сельскими территориями должна считаться одним из основных приоритетов аграрной политики государства.

2. УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

2.1. Тенденции изменения численности сельского населения, его занятости, уровня доходов и качества жизни

Экономические потребности человека формируются под воздействием совокупности факторов, определяющих место индивида в системе общественного развития и стереотипы его социального и экономического поведения, тогда как возможности их удовлетворения ограничиваются уровнем доходов, получаемых от участия в процессе общественного воспроизводства или в виде социальных трансфертов, и физической доступностью экономических благ, необходимых для реализации экономических интересов.

Одним из наиболее универсальных показателей, отражающих возможности реализации экономических интересов сельского населения, является изменение его численности. Из областей Центрально-Черноземного региона лишь Белгородская область в 2015 г. по числу сельского населения превышала уровень 1990 г., в Липецкой области это соотношение ставило 90,4%, в Воронежской – 80,0%, Тамбовской – 73,7%, Курской – 66,9% (таблица 1).

Таблица 2 – Среднегодовая численность сельского населения по областям ЦЧР, тыс. чел.

Регионы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. к 1990 г., %
Белгородская область	508,6	522,5	524,7	521,0	520,2	511,1	100,5
Воронежская область	961,5	969,2	936,1	900,3	844,4	768,9	80,0
Курская область	550,3	540,7	501,4	447,5	395,1	368,0	66,9
Липецкая область	457,9	463,0	442,7	433,3	427,1	413,9	90,4
Тамбовская область	573,7	559,0	523,9	483,0	453,0	422,7	73,7

Источник: по данным Росстата [161]

Следует заметить, что тенденции сокращения численности сельского населения являются объективным условием развития развитых и развивающихся стран. Даже в условиях плановой экономики Советского Союза переток населения из села в город считался естественным процессом и в значительной мере позволял решить проблему профицита трудовых ресурсов в сельской местности. Изменение численности населения Воронежской обла-

сти по данным Всесоюзных переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг. отражено в таблице 2.

Таблица 3 – Численность населения Воронежской области по данным Всесоюзных переписей, тыс. чел.

Показатели	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1989 г. к 1970 г., %
Население всего	2 526,9	2 478,5	2 469,8	97,7
в т.ч. сельское	1 375,5	1 138,4	965,1	70,2
Доля сельского населения, %	54,4	45,9	39,1	X

Источник: [52, 127]

За двадцать лет (с 1970 г. по 1989 г.) численность сельского населения Воронежской области сократилась почти на 30%, тогда как за период с 1990 по 2015 г. – на 20%. Но если сокращение численности населения в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века было результатом продуманной политики, связанной с быстрым ростом числа рабочих мест в промышленности, транспорте и других отраслях народного хозяйства, то в постреформенный период причины миграции сельского населения были связаны, главным образом, с катастрофическим падением уровня его жизни и невозможностью реализации своего трудового потенциала.

Основным источником получения доходов населения традиционно считается трудовая деятельность, но число занятых в сельскохозяйственном производстве продолжает устойчиво сокращаться (таблица 2).

Таблица 4 – Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве по областям ЦЧР, тыс. чел.

Регионы	В среднем за год в периоде:					2011-2014 гг. к 1991-1995 гг., %
	1991-1995	1996-2000	2001-2005	2006-2010	2011-2014	
Белгородская область	221,9	144,0	141,4	124,8	130,7	58,9
Воронежская область	327,0	236,3	215,6	169,9	155,7	47,6
Курская область	214,1	130,2	138,0	110,1	98,5	46,0
Липецкая область	161,2	105,0	86,6	69,7	66,4	41,2
Тамбовская область	202,8	132,1	133,8	123,7	118,3	58,3

Источник: по данным Росстата [161]

Исключением является Белгородская область, в которой численность занятых в сельском хозяйстве, начиная с 2009 г. начала расти. Из остальных

областей ЦЧР наименьшими темпами численность занятых в аграрном секторе сокращалась в Тамбовской области (58,3% к уровню 1991-1995 гг.). В Воронежской области за исследуемый период она снизилась более чем в два раза, тогда как численность сельского населения с 1990 г. по 2015 г. – только на 20%.

Еще более быстрыми темпами сокращается численность работников сельскохозяйственных организаций (таблица 5, рисунок 9).

Таблица 5 – Среднегодовая численность занятых в сельскохозяйственных организациях по областям ЦЧР, чел.

Регионы	В среднем за год в периоде:		
	2001-2005	2006-2010	2011-2014
Белгородская область	67 765,9	46 007,0	42 969,2
Воронежская область	102 139,5	64 623,8	48 030,2
Курская область	63 162,8	30 618,4	21 991,8
Липецкая область	46 931,6	30 187,8	25 298,2
Тамбовская область	49 534,6	25 810,2	20 034,6

Источник: по данным Росстата [161]

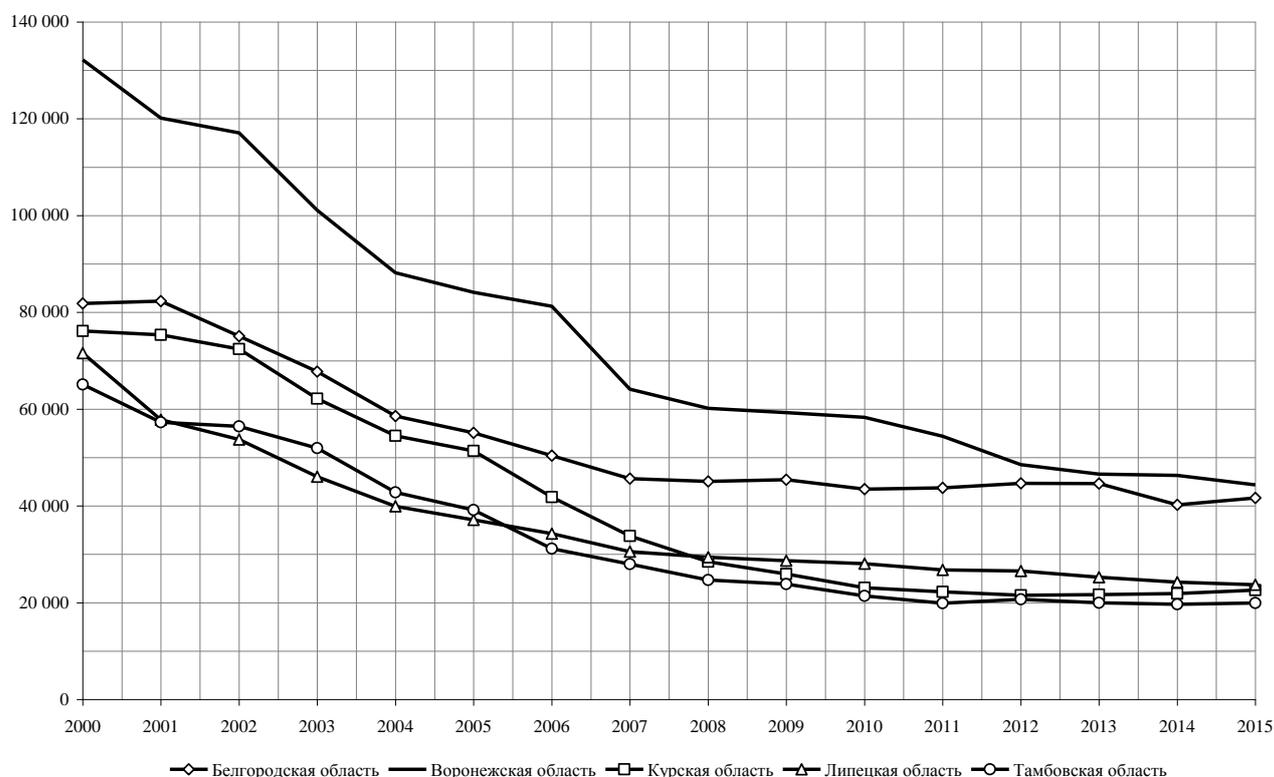

Рисунок 9 – Численность занятых в сельскохозяйственных организациях по областям Центрального Черноземья, тыс. чел.

Если в 2014 г. доля работников, занятых в сельскохозяйственных организациях, в общей численности занятых в сельскохозяйственном производстве в Липецкой области сократилась до 36,6% (в 2000 г. – 57,9%), то по Белгородской - с 50,1% до 31,1%, по Воронежской - с 49,8% до 30,2%, по Курской – с 50,2% до 23,1%, по Тамбовской – с 42,5% до 16,7%.

Самые высокие темпы сокращения числа занятых в сельскохозяйственных организациях с 2000 г. по 2015 г. наблюдаются по Воронежской области. Если в 2000 г число работников сельскохозяйственных организаций в регионе составляло 132,2 тыс. человек, то в 2015 г. – всего 44,4 тыс. чел. (33,6% к уровню 2000 г.).

По данным выборочного обследования по проблемам занятости населения, проведенного Воронежстатом, уровень занятости сельского населения Воронежской области в 2009-2014 гг. находился на уровне 52%-57% при устойчивом росте его экономической активности (с 58,6% в 2010 г. до 60,4% в 2014 г.).

Согласно данным официальной статистики в 2015 г. 26,5 тыс. чел. из числа сельских жителей Воронежской области относятся к категории лиц, основным видом деятельности которых была работа в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского хозяйства для продажи или обмена, еще 20,9 тыс. чел. вели в домашних хозяйствах производство продукции сельского хозяйства для продажи или обмена при наличии других доходных занятий (таблица 6).

Кроме того, производством сельскохозяйственной продукции для собственного конечного потребления в 2015 г. в Воронежской области занималось 378,3 тыс. чел., в т.ч. 160,1 тыс. чел. были заняты только этим видом деятельности (из них 14,5 тыс. - безработные, 145,6 тыс. - не входящие в состав рабочей силы) и 218,2 тыс. чел. имели помимо деятельности в домашних хозяйствах другое доходное занятие.

Таблица 6 – Занятость населения производством продукции сельского хозяйства в домашнем хозяйстве в 2015 г., тыс. чел.

Регионы	Занятые в домашних хозяйствах производством продукции сельского хозяйства, предназначенной для:							
	для продажи или обмена			собственного конечного потребления				
	всего	из них		всего	занятые только этой деятельностью	из них		
		занятые только этой деятельностью	лица, имеющие помимо этой деятельности другое доходное занятие			В т.ч. отработали в неделю, часов	лица, имеющие помимо этой деятельности другое доходное занятие	
			безработные	лица, не входящие в состав рабочей силы				
Белгородская область	36,5	26,4	10,1	254,0	99,7	6,5	93,2	154,3
Воронежская область	47,3	26,5	20,9	378,3	160,1	14,5	145,6	218,2
Курская область	37,7	22,2	15,5	218,3	92,3	8,6	83,7	126,0
Липецкая область	29,5	13,8	15,7	109,5	45,3	4,9	40,4	64,2
Тамбовская область	75,8	62,6	13,3	129,9	64,2	6,2	58,0	65,7

Источник: по данным Росстата [109]

Информация о численности занятых по месту основной работы в областях ЦЧР в 2015 г. приведена в таблице 7.

Таблица 7 – Численность занятых по месту основной работы в 2015 г., тыс. чел.

Регионы	Всего, тыс. чел.	в т.ч. лица, у которых основная работа была			
		в организациях со статусом юридического лица	в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица	по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве	в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского хозяйства для продажи или обмена
Белгородская область	773,6	626,4	37,2	83,5	26,4
Воронежская область	1 110,1	875,6	47,1	160,9	26,5
Курская область	547,0	437,5	25,4	61,9	22,2
Липецкая область	571,0	490,3	21,0	45,9	13,8
Тамбовская область	501,6	377,8	20,2	41,0	62,6

Источник: по данным Росстата [109]

Доля лиц, у которых основная работа была в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского хозяйства для продажи или обмена, в 2015 г. в Воронежской области составила 2,4%. Это минимальный

уровень по областям ЦЧР (наряду с Липецкой областью). В Белгородской области в 2015 г. он находился на уровне 3,4%, в Курской – 4,1%, а в Тамбовской области – 12,5%. Низкий удельный вес лиц, у которых основная работа была в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского хозяйства для продажи или обмена, свидетельствует об ограниченном предпринимательском потенциале сельского населения и о низкой конкурентоспособности хозяйств населения, обусловленной дискомфортной средой функционирования.

Определенный интерес представляет информация о соотношении занятого населения и численности лиц, не входящих в состав рабочей силы в трудоспособном возрасте. Если в Белгородской области на 100 занятых по месту основной работы приходился 21 человек, а в Курской и Липецкой областях – 22 человека, то в Тамбовской области на 100 занятых приходится уже 26, а в Воронежской – 27 человек. При этом следует отметить, что в число занятых по основному месту работы включены лица, у которых в качестве основной работы была деятельность в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского хозяйства для продажи или обмена.

Данные о численности лиц, не входящих в состав рабочей силы в трудоспособном возрасте по категориям, по областям Центрально-Черноземного региона приведены в таблице 8.

Таблица 8 – Численность лиц, не входящих в состав рабочей силы в трудоспособном возрасте, по категориям в 2015 г., тыс. чел.

Регионы	Всего	из них					Выразили желание работать
		Не выразили желание работать	в том числе				
			обучающиеся очной формы обучения	пенсионеры	лица, ведущие домашнее хозяйство		
Белгородская область	166,1	141,0	77,2	28,9	21,2	13,7	25,0
Воронежская область	298,1	249,7	124,2	40,3	43,0	42,2	48,3
Курская область	122,0	100,5	46,4	24,9	15,8	13,4	21,5
Липецкая область	125,5	109,8	58,7	21,4	24,9	4,8	15,7
Тамбовская область	131,8	112,4	59,7	20,8	16,5	15,3	19,4

Источник: по данным Росстата [109]

В 2015 г. в структуре населения Воронежской области, не входящего в состав рабочей силы в трудоспособном возрасте, доля лиц, ведущих домашнее хозяйство, составляла 14,4%, что опосредованно характеризует довольно высокий уровень самозанятости населения.

Приход в село крупного капитала и новых технологий привел к росту спроса на высококвалифицированных работников, система подготовки которых был полностью разрушена в ходе реформирования многоуровневой системы аграрного образования, что привело к росту дефицита трудовых ресурсов при их существующей избыточности.

Нельзя не отметить и относительно низкий уровень заработной платы лиц, занятых производством сельскохозяйственной продукции. Если в 2015 г. среднемесячная начисленная заработная плата работников по всем видам экономической деятельности в Воронежской области составила 24 906 руб., то по сельскому хозяйству всего 20 707 руб. (82,3% от среднеобластного уровня). В Белгородской области в 2015 г. среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства достигла 27,9 тыс. руб., а по Липецкой – 22,8 тыс. руб. (таблица 9). Среди регионов ЦЧР именно Воронежская область в последние годы имеет самый низкий уровень оплаты труда работников сельского хозяйства.

Таблица 9 – Среднемесячная номинальная заработная плата и выплаты социального характера в расчете на одного работника сельскохозяйственных организаций, руб.

Регионы	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Российская Федерация	3 852,1	10 241,4	12 024,0	13 563,4	15 196,7	17 209,5	19 280,2
Белгородская область	4 431,0	14 606,0	17 773,7	20 974,5	22 633,6	25 277,8	27 890,2
Воронежская область	3 112,0	9 985,7	12 240,3	14 370,7	16 299,2	18 431,3	20 706,8
Курская область	2 824,0	11 504,1	14 125,3	16 197,9	18 680,3	20 079,5	22 174,5
Липецкая область	4 370,0	12 341,3	14 084,7	16 021,2	18 921,5	20 673,0	22 838,2
Тамбовская область	2 735,0	10 678,8	12 280,6	15 070,5	18 023,2	20 591,8	23 565,1

Источник: по данным Росстата [149]

При этом уровень заработной платы по всем регионам Центрального Черноземья превышал среднероссийский уровень среднемесячной номинальной заработной платы и выплат социального характера.

Одним из важнейших критериев оценки возможности реализации экономических интересов сельского населения является соотношение уровня

оплаты работников сельского хозяйства с уровнем оплаты труда в целом по экономике региона. Величины этих соотношений по областям Центрально-Черноземного региона приведены в таблице 10.

Таблица 10 – Соотношение среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства и с заработной платой по экономике региона, %

Регионы	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Белгородская область	65,2	57,0	64,4	90,7	99,6	103,9	101,0	104,9	108,6
Воронежская область	72,4	62,0	56,9	68,8	75,3	72,7	74,0	76,1	82,3
Курская область	56,5	49,7	50,6	81,3	86,1	85,8	87,2	86,2	91,9
Липецкая область	62,1	56,3	62,1	78,8	81,6	81,5	87,3	88,3	91,9
Тамбовская область	66,1	52,1	53,9	83,6	84,6	88,2	93,4	98,1	107,0

Источник: по данным Росстата [149]

Самое низкое соотношение между среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства и с заработной платой по экономике региона отмечается по Воронежской области (всего 82,3%), тогда как в Белгородской и Тамбовской областях уровень оплаты труда сельскохозяйственных работников превышал уровень оплаты в целом по региональной экономике на 8,6% и 7,0% соответственно. Следует отметить, что отраслевые различия в уровне оплаты труда являются одним из факторов, усиливающих процессы трудовой миграции сельского населения.

В структуре совокупных доходов населения Воронежской области доля оплаты труда в последние годы составляла около трети, тогда как на долю социальных выплат приходилось более 20%, на долю доходов от ведения предпринимательской деятельности – около 11%, на долю доходов от собственности – около 4%, при этом доля прочих доходов, к которым официальная статистика относит неучтенные заработную плату и другие виды доходов, находится на уровне 35% от совокупных доходов (таблица 11).

Таблица 11 – Структура денежных доходов населения Воронежской области, %

Виды доходов	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Оплата труда	34,8	34,4	33,3	34,4	32,8	31,1
Социальные выплаты	18,2	23,6	22,3	21,4	20,6	18,6
Доходы от собственности	5,2	3,3	2,5	3,1	3,9	3,9
Доходы от предпринимательской деятельности	13,0	10,6	11,2	11,0	10,7	11,1
Другие доходы	28,8	28,1	30,7	30,1	32,0	35,3

Источник: по данным Росстата [149]

Если среднедушевой месячный доход по Воронежской области в 2014 г. составил 25,5 тыс. руб., то для сельского населения по разным данным около 16,5 тыс. руб. При этом среднедушевые потребительские расходы городских домохозяйств в 2014 г. составили 158,1 тыс. руб., тогда как по сельским домохозяйствам всего 123,7 тыс. руб., в Белгородской области эти показатели составляли 173,3 тыс. руб. и 147,8 тыс. руб. соответственно.

Более низкий уровень доходов сельского населения объективно обусловил и более низкое качество его питания по сравнению с городским населением. Если среднесуточная калорийность продуктов питания, потребленных городским населением Воронежской области, составляла в 2014 г. 2875 кКал, то у сельского населения – 2841 кКал. В Белгородской области наблюдается несколько иная картина: калорийность питания сельского населения существенно превышает калорийность питания городского: 3268 и 2758 кКал соответственно (таблица 12).

Таблица 12 – Калорийность потребленных продуктов питания в среднем на члена домохозяйства в сутки, кКал

Регионы	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Сельская местность					
Белгородская область	2 906	2 960	3 078	2 985	3 268
Воронежская область	2 587	2 629	2 629	2 651	2 841
Курская область	2 722	2 805	2 758	2 785	2 836
Липецкая область	2 761	2 788	3 033	3 148	3 084
Тамбовская область	2 642	2 624	2 686	2 582	2 528
Городская местность					
Белгородская область	2 659	2 470	2 633	2 785	2 758
Воронежская область	2 659	2 568	2 559	2 653	2 876
Курская область	2 385	2 459	2 581	2 519	2 551
Липецкая область	2 384	2 328	2 359	2 415	2 345
Тамбовская область	2 183	2 109	2 168	2 095	2 003

Источник: по данным Росстата [149]

Среднесуточное потребление белков сельским жителем Белгородской области достигает 99 г, жиров – 138 г, углеводов – 403 г., а в Воронежской области 78 г, 115 г и 370 г соответственно (таблица 13).

Таблица 13 – Содержание питательных веществ в потребленных продуктах питания в среднем на члена домохозяйства в сутки, г

Регионы	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Белки					
Белгородская область	78,4	86,0	92,1	88,1	99,2
Воронежская область	66,1	69,9	71,8	72,8	77,8
Курская область	70,7	76,5	75,1	74,6	76,2
Липецкая область	77,5	80,7	84,5	85,9	85,0
Тамбовская область	70,0	70,9	73,5	70,5	70,8
Жиры					
Белгородская область	115,2	114,6	126,0	122,6	138,1
Воронежская область	95,8	100,3	100,3	105,7	114,9
Курская область	101,5	108,5	106,0	104,2	105,7
Липецкая область	106,3	109,1	120,2	125,8	121,5
Тамбовская область	97,2	97,3	101,2	94,8	92,4
Углеводы					
Белгородская область	385,7	393,0	390,5	378,9	403,3
Воронежская область	362,3	358,8	356,9	349,1	370,4
Курская область	378,6	377,6	372,9	384,5	392,1
Липецкая область	370,3	367,5	400,1	414,8	409,2
Тамбовская область	369,3	363,8	367,8	359,1	350,4

Источник: по данным Росстата [149]

При этом следует признать, что, в значительной мере, достигнутый уровень питания сельского населения обеспечивается за счет потребления продукции, произведенной на сельских подворьях.

Еще одним ограничителем возможностей реализации экономических интересов сельского населения является продолжающееся сужение его доступа к услугам в области образования и здравоохранения. Так называемая оптимизация сети образовательных и медицинских учреждений резко снизила привлекательность жизни в значительной части сельских поселений и ограничила возможности воспроизводства человеческого капитала.

И.Ю. Юрова, Е.А. Андриянова, Л.М. Федорова и В.В. Масляков [177], обобщая результаты исследования различий в состоянии здоровья сельского и городского населения, приходят к выводу о том, что сельское население имеет гораздо худшее и физическое, и психическое здоровье. Сложившуюся ситуацию они объясняют следующими причинами: во-первых, более слож-

ными и неблагоприятными условиями труда и быта, низким уровнем защищенности работников от воздействия неблагоприятных факторов, неразвитостью коммунальной и инженерной инфраструктуры; во-вторых, ограниченным доступом к квалифицированной и высокотехнологичной медицинской помощи; в-третьих, консервативностью взглядов сельского населения, недоверием к официальной медицине и склонностью к самолечению, невосприятием некоторых патологических состояний как болезни и их интерпретацией через призму бытовых представлений, стремлением скрыть отдельные заболевания, например психические, из-за страха осуждения или непонимания, ориентацией на девиантное поведение в рамках группы, ведущее к потере здоровья (например, алкоголизация).

Ухудшение здоровья сельского населения сопровождается снижением качества его медицинского обслуживания. Так по данным В.П. Косолапова, Ю.М. Чубирко, Г.В. Сыч и И.Е. Чубирко [66] обеспеченность врачами в РФ составляет 13,8 на 10 тыс. сельского населения в 2014 г. (13,9 в 2013), в районах Воронежской области - 13, в 2014 г. (13,0 в 2013). Отмечено снижение обеспеченности врачами в сельской местности в РФ на 0,8%, в Воронежской области данный показатель вырос на 2,3% соответственно. Обеспеченность средним медицинским персоналом в РФ составляет 53,6 на 10 тыс. сельского населения в 2014г. (56,1 в 2013), в Воронежской области - 50,8 в 2014г. (52 в 2013 г.). Прослеживается тенденция снижения обеспеченности средним медицинским персоналом как в РФ на 4,5%, так и на территории Воронежской области на 2,3% соответственно. Обращает на себя внимание существенный дефицит медицинских работников всех специальностей. Выраженная централизация стационарной помощи при значительной децентрализации амбулаторной помощи накладывает свой отпечаток на этапность в оказании медицинской помощи сельскому населению.

Продолжается сокращение количества образовательных организаций в сельской местности Воронежской области (таблица 14).

Таблица 14 – Деятельность дошкольных и общеобразовательных организаций
Воронежской области

Показатели	Годы						
	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Дошкольные образовательные организации							
Количество организаций всего	667	513	525	527	534	537	511
в т.ч. в сельской местности	332	196	199	197	204	201	177
Численность детей всего, тыс. чел.	50,4	61,8	66,1	71,1	75,5	84,4	91,7
в т.ч. в сельской местности	9,9	10,1	10,6	11,8	13,4	15,9	17,9
Охват детей, %	44,9	51,1	53,2	55,8	56,3	60,1	64,5
в т.ч. в сельской местности	22,6	23,7	24,5	26,6	29,1	33,9	35,1
Общеобразовательные организации							
Количество организаций всего	1 197	937	903	867	855	841	827
в т.ч. в сельской местности	902	666	632	602	597	592	582
Численность учащихся всего, тыс. чел.	321,2	201,0	198,3	195,0	194,4	199,3	204,4
в т.ч. в сельской местности	119,9	68,0	63,0	60,7	59,0	59,5	59,6

Источник: по данным Воронежстата [31]

С 2000 г. по 2015 г. количество дошкольных организаций в сельской местности сократилось почти на 47%, при этом численность детей их посещающих выросла на более чем на 80%. Следует отметить, что охват детей сельского населения в возрасте от 1 до 6 лет в Воронежской области в 2015 г. составлял всего 35,1%. Незрелость системы дошкольного образования в сельской местности существенно ограничивает трудовые возможности сельского населения и сдерживает рост рождаемости, что, в конечном счете, суживает потенциал реализации экономических интересов и роста человеческого капитала сельской семьи.

Сокращается доступ сельских жителей Воронежской области и к культурно-досуговым услугам. С 2000 г. по 2014 г. количество библиотек в сельской местности сократилось с 847 до 683 (на 19,4%), а культурно-досуговых учреждений с 875 до 701 (на 19,9%) (таблица 15).

Таблица 15 – Наличие объектов социально-культурного назначения в сельской местности
Воронежской области

Показатели	Годы					
	2000	2010	2011	2012	2013	2014
Библиотеки	847	719	713	699	687	683
Культурно-досуговые учреждения	875	761	741	718	707	701

Источник: по данным Воронежстата [31]

Попытки государства остановить процессы деградации социально-культурной инфраструктуры села за счет строительства новых объектов социально-культурного назначения в сельской местности значимых успехов в масштабах области пока не принесли (таблица 16).

Таблица 16 – Ввод в действие объектов социально назначения в сельской местности Воронежской области

Показатели	Годы					
	2000	2010	2011	2012	2013	2014
Общеобразовательные организации, мест	576	1 080		160	500	165
Дошкольные образовательные организации, мест	60	40	210	130	255	352
Мощности больничных организаций, коек				20		
Мощности амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену	10	150	70	214		958
Учреждения культуры клубного типа, мест					200	200

Источник: по данным Воронежстата [31]

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области в 2015 г. в сельской местности (Верхнехавском и Новоусманском районах) были введены в эксплуатацию дошкольные образовательные организации на 252 места. В Кантемировском районе вступили в строй поликлиника на 120 посещений в смену, в т.ч. детское отделение – на 20 посещений в смену и дом-интернат для престарелых и инвалидов на 100 мест. В сельских муниципальных районах области были построены врачебные амбулатории на 2 042 посещения в смену, сооружены плоскостные спортивные сооружения (футбольные поля, игровые площадки и др.) общей площадью 42,8 тыс. кв. метров. В г. Россошь построено учреждение культуры клубного типа на 380 мест. Из объектов коммунального назначения в сельской местности области в 2015 г. были сданы в эксплуатацию 188,4 км газовых сетей и 86,8 км водопроводов [100].

Объем жилищного фонда сельского населения Воронежской области за последние 15 лет менялся незначительно (таблица 17).

Таблица 17 – Жилищный фонд сельского населения Воронежской области

Показатели	Годы						
	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Жилищный фонд всего, тыс. кв. м	23 004	22 722	22 848	23 057	23 344	23 577	23 749
в т.ч. частной собственности	22 071	22 098	22 229	22 453	22 799	23 054	23 290
из нее граждан	21 090	21 770	21 897	22 114	22 543	22 813	23 079
государственной	726	176	170	172	160	164	152
муниципальной	153	448	448	432	385	359	307
в среднем на одного жителя, кв. м	24,9	28,2	28,8	29,4	30,1	30,6	30,8
Доля жилищного фонда, %, оборудованного							
водопроводом	27	42	42	44	46	48	52
водоотведением (канализацией)	24	39	40	41	43	45	48
отоплением	25	54	54	56	60	63	66
ваннами (душами)	20	33	33	35	37	39	41
газом	82	93	93	93	94	94	94
горячим водоснабжением	13	31	32	33	36	39	41

Источник: по данным Воронежстата [31]

Более половины сельского жилищного фонда не интегрированы в системы водоснабжения и водоотведения, всего 41% - имеют возможности горячего водоснабжения.

Устойчивая тенденция сокращения рабочих мест в сельской местности и относительно низкий уровень заработной платы в сельском хозяйстве существенно сужают возможности сельского населения в удовлетворении своих потребностей и ограничивают объем потребляемых экономических благ.

В этой ситуации хозяйства населения, отождествляющиеся с производственной системой домашних хозяйств сельского населения, становятся важнейшим инструментом балансировки доходов и расходов сельских семей, позволяющим обеспечить их выживание и инвестировать хотя бы незначительные средства в воспроизводство своего человеческого капитала.

Хозяйства населения Воронежской области в 2015 г. произвели 94,2% картофеля, 87,9% овощей, 38,8% фруктов и ягод, 36,8% молока, 57,5% мяса крупного рогатого скота, 16,1% мяса птицы, 12,3% мяса свиней, 38,2% яиц,

но уровень товарности по этим видам продукции был крайне невысок: по картофелю – 13,9%, по овощам – 6,5%, по фруктам и ягодам – 1,8%, молоку – 28,3%, по мясу крупного рогатого скота – 42,4% мясу птицы – 9,1%, мясу свиней - 44,4%, яйцам – 2,8% (таблица 18).

Таблица 18 – Место хозяйств населения Воронежской области в производстве основных видов сельскохозяйственной продукции в 2015 г.

Виды продукции	Произведено		Доля хозяйств населения в общем объеме производства, %	Уровень товарности в хозяйствах населения, %
	в хозяйствах всех категорий, тыс. т	в хозяйствах населения, тыс. т		
Зерновые	4 253,7	61,4	1,4	6,2
Сахарная свекла	4 916,2	115,5	2,4	100,0
Подсолнечник	1 005,1	3,5	0,3	48,0
Картофель	1 809,4	1 704,1	94,2	13,9
Овощи	514,8	452,6	87,9	6,5
Плоды и ягоды	118,0	45,8	38,8	1,8
Молоко	807,7	297,5	36,8	28,3
Скот и птица на убой в живом весе	342,8	93,4	27,2	36,5
Крупный рогатый скот	90,8	52,2	57,5	42,4
Свиньи	111,4	13,7	12,3	44,4
Овцы и козы	5,1	4,2	82,4	92,9
Птица	133,5	21,5	16,1	9,1
Яйца, млн. шт.	882,2	336,7	38,2	2,8

Источник: по данным Росстата [111, 161]

Если в производстве картофеля и овощей доминирование хозяйств населения Воронежской области остается довольно устойчивым, то их роль в производстве фруктов и ягод характеризуется понижательным трендом (рисунок 10). В конце 90-х годов прошлого столетия хозяйства населения производили более 99% картофеля и около 90% овощей, но наметившийся к концу нулевых годов тренд снижения их доли в областных объемах производства вновь изменил направление. Максимальная доля хозяйств населения в 1999-2000 гг. превышала 70%.

Рисунок 10 – Удельный вес хозяйств населения Воронежской области в производстве продукции растениеводства, %

В производстве животноводческой продукции резко снизилась роль хозяйств населения в производстве мяса свиней и птицы (рисунок 11).

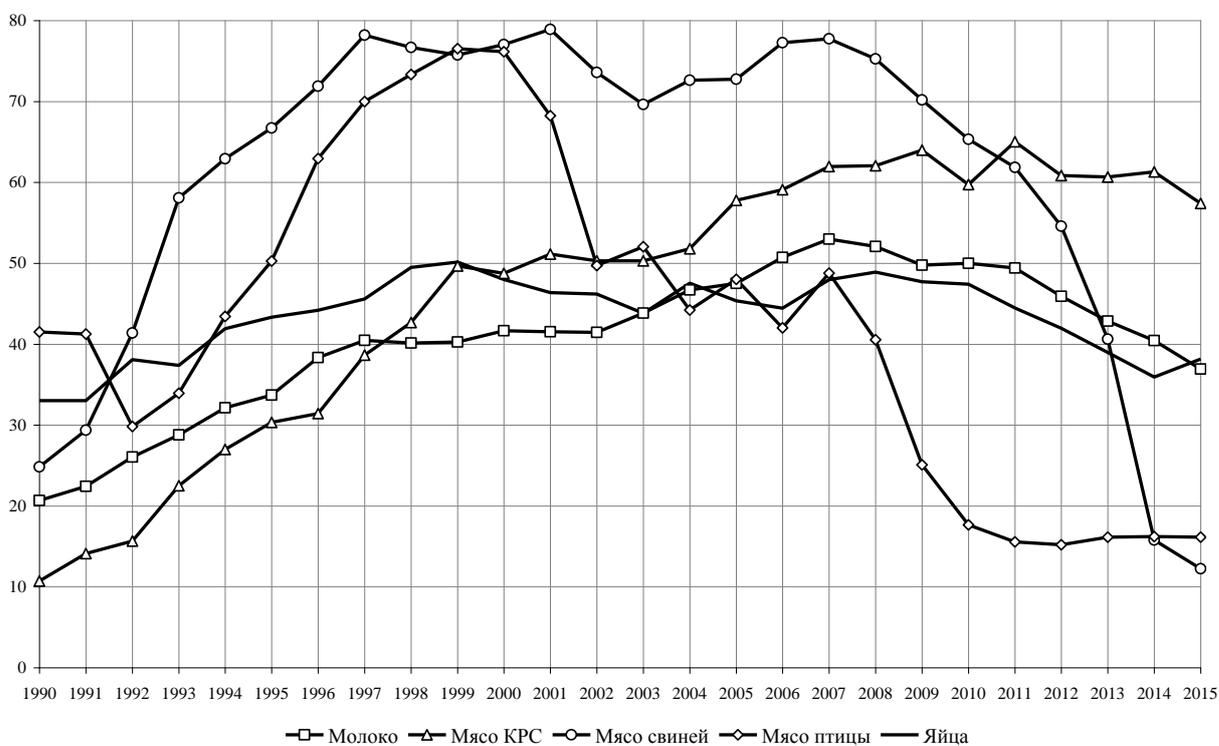

Рисунок 11 – Удельный вес хозяйств населения Воронежской области в производстве продукции животноводства, %

Устойчивая тенденция снижения удельного веса хозяйств населения наблюдается и в производстве молока. Участие хозяйств в развитии мясного скотоводства отличается неустойчивостью тренда.

Следует отметить, что возможности роста товарной продукции в хозяйствах населения существенно ограничены высоким уровнем локализации местных рынков и неразвитой системой заготовительной и снабженческо-сбытовой кооперации.

Кроме того производственные возможности домашних хозяйств устойчиво сокращаются в силу неуклонного старения сельского населения и деформации его демографической структуры. Отсутствие рабочих мест с достойным уровнем оплаты труда приводит к «вымыванию» из села экономически активного населения как в виде переезда сельских семей на новые места жительства, так и в форме временной трудовой миграции.

И.В. Попова [106] справедливо отмечает, что в основе стратегии развития хозяйств населения лежат мотивы, определяющие изменение экономического поведения сельского населения в рамках формирования возможностей реализации их экономических интересов. А поведение сельского населения должно рассматриваться в виде субъективного аспекта их хозяйственной деятельности, отражающего как личные, так и групповые интересы, в виде системы взаимообусловленных поступков и мотивированных действий отдельных групп индивидов, связанных с удовлетворением их экономических и социальных потребностей. Экономическое поведение сельского населения в рамках обеспечения самозанятости определяется влиянием ряда факторов: ограничениями предельно допустимых размеров хозяйств населения, установленными действующим законодательством, трудовым потенциалом сельской семьи, уровнем потребностей семьи, природно-климатическими условиями, уровнем развития социальной и инженерной инфраструктуры, потребительской кооперации, уровнем локализации рынков, участием крупных товаропроизводителей в решении проблем развития сельских территорий и малых форм хозяйствования на селе и др.

Уровень потребностей сельской семьи определяется социально-экономическим положением ее отдельных членов, уровнем их потребительских ожиданий, уровнем доходов, уровнем образования, степенью интегрированности в локальный социум и т.п.

И. Стародубровская и Н. Миронова [142] предлагают в качестве самостоятельного направления исследований проблем реализации экономических интересов сельского населения выделять проблему повышения уровня рисков развития сельского сообщества. В этом контексте они выделяют три основных вызова, без разрешения которых не возможно обеспечить устойчивое развитие села. Первый вызов – это вызовы деградации человеческого капитала, поскольку в условиях усиливающегося оттока активной части сельского населения нарастает деформация демографической структуры сельских поселений, увеличивается доля социально апатичных людей, не способных адаптироваться к новым условиям, нежелающих возвращаться к активной экономической деятельности даже в тех случаях, когда такая возможность появляется, что создает труднопреодолимую инерцию сжатия. Вторым вызовом - вызовом обеспечения базовых потребностей населения, обусловленный сжатием спроса на экономические блага в силу сокращения сельского населения и снижения уровня их реальных доходов, что ведет к локализации местных рынков, и снижению объемов и качества предлагаемых сельскому населению экономических благ и росту цен на них. Третьим вызовом - вызовом деградации среды обитания, заключающийся в необратимости износа и разрушения жилищного фонда, социальной и инженерной инфраструктуры, углублении экологических проблем, хищническом отношении к природным ресурсам, обуславливающим деградацию локальных экосистем.

Наряду с этими вызовами-рисками, можно выделить риск ухода из сел крупных товаропроизводителей, обеспечивающих работой значительную часть трудоспособного населения. Яркую характеристику сельских территорий, деградирующих вследствие отсутствия крупных и средних сельскохозяйственных организаций, дала З.И. Калугина: «Апатия, отказ от элементарных стандартов потребления, переход на натуральное хозяйство, сокращение

потребностей, распространение асоциального поведения (воровство, пьянство), снижение профессионализма, нежелание работать – характерные черты сегодняшней жизни жителей сельских поселений, в которых нет работодателя» [56].

Радикальные изменения образа сельского жизни, традиционного для колхозно-совхозной системы аграрного производства, породили объективную проблему низкой адаптационной способности сельского населения. Очевидно, что основным способом адаптации населения является изменение своего поведения в соответствии с изменениями социально-экономической среды. Отдельный индивид или их группы, являясь субъектом адаптации, должны уметь извлекать уроки из прошлого опыта, понимать тенденции изменения условий жизни и в соответствии с этим формировать новые модели своего поведения. В современной литературе наиболее часто выделяют активную, традиционную и девиантную модели поведения сельского населения и стратегии их адаптации [55, 168].

Долгое время считалось, что основной моделью адаптации сельского населения к изменениям социально-экономической среды в условиях сокращения рабочих мест и низкой доходности аграрного труда является рост самозанятости на приусадебных участках. Но О.Н. Бушуева [27] считает, что углубившаяся дифференциация сельского населения обусловила возникновение новых моделей его адаптации, не ориентированных, главным образом, на развитие самостоятельного производства в рамках домашнего хозяйства. Она считает, что в последнее время все большую популярность приобретают такие типы адаптивных моделей, как вторичная и дополнительная занятость, работа вне отрасли сельского хозяйства, работа вне населенного пункта вахтовым методом, предпринимательская деятельность и др., при чем преобладание тех или иных моделей определяется как региональной спецификой, так и доминированием отдельных социальных групп. Можно четко выявить отличия в моделях адаптации у фермеров и предпринимателей, «бюджетников», безработных, пенсионеров, занятых и не занятых аграрным производством и т.д.

Очевидно, что принципиальные изменения условий реализации экономических интересов сельского населения могут произойти лишь в случае существенной модернизации действующей политики развития сельского хозяйства и сельских территорий. На наш взгляд, она, в первую очередь, должна быть ориентирована на предотвращение социальных эксклюзий сельского населения.

В социологии термин «социальная эксклюзия» используется для описания процессов ограничения возможностей вовлечения отдельных групп населения в общественные процессы, их социальной адаптации, дискриминации по доступу к социальным и экономическим благам и т.п.

Ф.М. Бородкин [24], считает, что процесс социальной эксклюзии возникает тогда, когда в жизни отдельных индивидов или их групп возникают ситуации, связанные с нарушением социальных прав, гарантированных международным, национальным и региональным законодательством, регламентирующим вопросы занятости населения, его трудовой деятельности, социальных гарантий. Он справедливо отмечает, что социальная эксклюзия является результатом рефлексии человека, осознания им ситуации и ее критической оценки, состояние социальной эксклюзии всегда субъективно и, определяется исходя из социально-психологического состояния рефлексирующего человека. Процесс социальной эксклюзии необходимо рассматривать в виде устойчивой последовательности определенных состояний, этапов, иерархий, изменения возможностей удовлетворения тех или иных потребностей, цепочки обстоятельств, влияющих на переход отдельных личностей или их групп из традиционного состояния в фазу социальной эксклюзии.

Основными формами проявления социальных эксклюзий на селе, по мнению группы исследователей под руководством А.М. Сергиенко [176], являются: безработица (отсутствие государственных гарантий по обеспечению занятости с минимально установленным уровнем оплаты труда), бедность (неспособность государства обеспечить необходимый уровень оплаты труда и социальных трансфертов), неправоновые трудовые практики (наличие теневого рынка труда и отсутствие социальных гарантий), информационная экс-

клюдия (ограничение доступа к социальной, экономической, правовой и другим видам информации), ограничение доступа к социальным ресурсам (низкий уровень социальной и общественной защиты, социальной безопасности и т.п.). Основная гипотеза их исследований базировалась на утверждении о том, что слаборегулируемая рыночная экономика усиливает взаимовлияние экономического поведения сельского населения и социальных эксклюзий. Группы населения, ориентирующиеся на реализацию стратегии активизации экономического поведения, в значительной мере застрахованы от рисков возникновения социальных эксклюзий, с другой стороны, развитие процессов социальной эксклюзии на селе существенно ограничивает возможности населения по переходу на модель повышения уровня экономической активности.

Особое внимание в плане ограничения процессов развития социальной эксклюзии на селе должно уделяться вопросам социализации молодежи и формированию условий реализации их экономических интересов. Н.И. Чернобровкина и М.А. Кужелев [164] считают, что в настоящее время можно выделить пять основных источников, обуславливающих возникновение молодежных лишений и исключений. Во-первых, это углубляющаяся деформация демографической структуры сельского общества; во-вторых, усиливающаяся дезинтеграция связей между различными поколениями; в-третьих, невнятность молодежной и социальной политики государства; в-четвертых, сохраняющееся утилитарное отношение государства и бизнес-сообщества к молодежи; в-пятых, стратификационный характер существующей системы образования. Они совершенно справедливо отмечают, что образ жизни сельской молодежи непосредственно обусловлен содержанием сельскохозяйственного уклада, со спецификой организации времени и пространства сельского сообщества. Причем, на формирование сельского образа жизни оказывает, в первую очередь, не цикличность аграрного производства, а его нестабильность и низкая доходность сельскохозяйственного труда в условиях роста дисперсности и депопуляции сельского населения. Лишь в отдельных сельских населенных пунктах имеются объективные источники, обеспечива-

ющие условия реализации экономических интересов молодежи и формирующие так называемые «цепочки преимуществ», создающие благоприятные условия для самореализации молодого поколения. К основным звеньям цепочки преимуществ принято относить: относительно высокий уровень доходов членов семьи, человеческий капитал семьи, предпринимательскую активность, наличие на конкретной сельской территории достойно оплачиваемых рабочих мест, общий уровень развития сельского населенного пункта, благоприятную демографическую структуру и др.

Одним из ключевых факторов роста социальных эксклюзий на селе является рост бедности сельского населения. Проводя типологизацию групп бедного сельского населения и оценивая тенденции их формирования, А.М. Сергиенко [135] отмечает, что в последние годы наблюдается некоторое снижение обездоленных при росте бедных и относительно бедных; не наблюдается снижение численности постоянно бедного населения при увеличении числа «новых» бедных; среди бедного населения растет уровень социальной апатии и наблюдается рост социально пассивных и малоактивных граждан, в том числе и среди сельской молодежи; в поведении бедного населения начинают преобладать модели деструктивного поведения, усиливающие процессы деградации сельского социума.

И.Н. Буздалов [25] предлагает рассматривать политику развития сельского хозяйства и сельских территорий через призму теории аграрных отношений. В основе предлагаемого им теоретико-методологического подхода к раскрытию объективных закономерностей, движущих сил аграрных отношений лежит выделение трех ключевых компонент этих отношений: человека как субъекта воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве; собственности как системы отношений по поводу присвоения результатов воспроизводственного процесса и форм их экономической реализации; государства как макрорегулятора процессов общественного воспроизводства. Центральная роль в этой триаде, по мнению И.Н. Буздалова, должна отводиться крестьянину с его системой общечеловеческих ценностей, специфическими сословными интересами, индивидуальностью навыков работы на земле и ду-

ховных начал, всего крестьянского образа жизни и его нерушимом праве собственности на землю.

Оценивая влияние качества жизни сельского населения на воспроизводственные процессы в аграрной сфере, И.Ю. Солдатова [140] предлагает акцентировать внимание на нескольких основополагающих моментах:

– качество жизни населения сельского хозяйства определяется единством субъективных и объективных оценок, отражающих экологическое состояние локальной территории, уровень обеспеченности ресурсами и условия их использования, безопасность среды обитания, доступность и качество медицинских и образовательных услуг, возможность реализации творческих способностей и др.; качество жизни отражает степень удовлетворения базовых личных и групповых потребностей и интересов индивидов;

– существенным фактором, ограничивающим возможности реализации экономических интересов сельского населения, остается рост дифференциации доходов сельского и городского населения, а также среди отдельных социальных групп;

– низкий уровень доходов сельских семей и рост трудовой миграции является следствием снижения уровня сельскохозяйственной занятости при крайне низком уровне диверсификации сельской экономики;

– концепция повышения качества жизни сельского населения должна базироваться на сочетании методологий системного, комплексного и индивидуального подходов и ориентироваться на формирование механизмов диверсификации сельской экономики, повышение сельскохозяйственной и несельскохозяйственной занятости жителей сельских населенных пунктов, рост уровня их доходов, преодоление дифференциации в условиях жизни между городом и селом;

– основу сельской экономики должно составлять конкурентоспособное и эффективное аграрное производство на основе сбалансированного развития субъектов крупного, среднего и малого агробизнеса.

2.2. Сельскохозяйственная занятость и самозанятость сельского населения Воронежской области

Важнейшими условиями, определяющими возможности реализации экономических интересов сельского населения является уровень социально-экономического развития сельских территорий и выгодность их географического положения. Так наблюдается тесная связь между изменениями численности сельского населения и указанными выше факторами (таблица 19).

Таблица 19 – Численность сельского населения по муниципальным районам Воронежской области на начало года, тыс. чел.

Районы	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. в % к 2009 г.
Новоусманский	64,2	64,7	73,1	74,5	75,8	77,2	79,2	80,7	125,7
Рамонский	21,4	20,8	23,5	23,7	23,7	23,7	24,1	24,4	114,1
Семилукский	27,3	26,9	29,7	29,5	29,2	29,0	29,5	29,6	108,7
Лискинский	40,3	39,6	44,0	43,1	42,5	41,9	41,7	41,4	102,7
Верхнехавский	24,5	24,5	25,1	25,1	25,0	24,8	24,7	24,4	99,8
Россошанский	30,8	30,7	31,8	31,4	31,2	30,9	30,7	30,6	99,2
Борисоглебский	11,8	11,5	13,1	12,6	12,2	11,9	11,8	11,6	98,7
Бобровский	30,7	30,4	29,6	29,3	28,9	28,5	29,2	30,0	97,7
Павловский	31,6	31,6	31,8	31,5	31,3	31,1	30,9	30,8	97,4
Острогожский	26,7	26,4	27,3	26,9	26,5	26,2	26,0	25,8	96,9
Богучарский	25,4	25,2	25,3	25,0	24,9	24,8	24,6	24,4	96,2
Хохольский	23,0	22,7	22,3	22,3	22,3	22,1	22,2	22,1	96,1
Репьевский	16,6	16,5	16,0	15,9	15,9	15,8	15,7	15,7	94,7
Ольховатский	20,8	20,7	20,4	20,2	20,2	20,1	19,8	19,6	94,4
Новохоперский	22,3	21,9	22,8	22,3	22,0	21,6	21,3	21,0	94,3
Поворинский	16,3	16,3	16,3	16,1	15,9	15,7	15,5	15,3	93,7
Калачеевский	36,5	35,9	37,0	36,2	35,5	34,9	34,4	34,0	93,3
Бутурлиновский	20,2	19,6	21,3	20,6	20,1	19,6	19,1	18,7	93,0
Верхнемамонский	20,9	20,6	21,5	21,1	20,7	20,3	19,9	19,4	92,9
Каширский	26,1	25,8	25,1	25,0	24,8	24,7	24,3	24,2	92,8
Панинский	19,0	18,5	19,3	18,7	18,2	17,7	17,5	17,3	91,1
Подгоренский	21,1	21,0	21,1	20,8	20,3	19,9	19,6	19,2	91,0
Каменский	11,2	11,0	11,3	11,0	10,8	10,5	10,3	10,2	90,7
Таловский	30,9	30,4	30,3	29,7	29,2	28,6	28,0	27,6	89,3
Кантемировский	27,1	26,7	26,0	25,4	24,8	24,2	23,8	23,6	87,2
Воробьевский	19,0	18,6	18,8	18,3	17,9	17,5	17,1	16,6	87,2
Нижнедевицкий	21,8	21,4	20,5	20,2	19,8	19,4	19,0	18,7	85,9
Терновский	23,4	23,0	22,0	21,5	20,9	20,4	19,8	19,5	83,4
Аннинский	28,6	28,1	27,2	26,4	25,7	25,1	24,5	23,8	83,4
Петропавловский	21,4	21,1	19,9	19,4	19,0	18,5	18,1	17,8	83,2
Грибановский	18,8	18,4	17,3	16,9	16,5	16,1	15,8	15,6	83,2
Эртильский	16,4	16,1	14,3	13,9	13,6	13,3	13,1	12,8	78,2
Всего	833,3	824,5	804,9	794,6	785,4	776,0	771,2	766,6	92,0

Источник: по данным Воронежстата [10]

Лишь в 4 муниципальных районах Воронежской области в 2009-2015 гг. отмечается рост сельского населения, но если в Новоусманском, Рамонском и Семилукском районах этот рост объясняется их близостью к областному центру, то в Лискинском районе - именно эффективной социально-экономической политикой районных властей и более широкими возможностями реализации трудового потенциала экономически активной части сельского населения. Более чем на 10% за период с 2014 г. по 2016 г. сократилось сельское население Эртильского района (на 21,8%), Грибановского и Петропавловского (на 16,8%), Терновского и Аннинского (на 16,6%), Нижнедевицкого (на 14,1%), Воробьевского и Кантемировского (на 12,8%) и Таловского района (на 10,7%).

Низкий уровень диверсификации сельской экономики по-прежнему обуславливает высокую зависимость домохозяйств от сельскохозяйственной занятости их членов. В последние годы все существеннее становится дифференциация муниципальных районов по масштабу развития аграрного бизнеса. Приход на село крупных бизнес-структур и быстрое развитие интегрированных агропромышленных формирований холдингового типа, ориентированных на использование современных технологий аграрного производства оказал неоднозначное влияние на изменение числе рабочих мест на селе. Особенно в неблагоприятных условиях оказались депрессивные сельские районы, сельскохозяйственные организации которых не смогли выдержать конкуренции.

Так в 2015 г. в трех районах (Петропавловском, Репьевском и Борисоглебском) не функционировало ни одной сельскохозяйственной организации. В сельскохозяйственных организациях Поворинского района в 2015 г. работало всего 86 человек, Богучарского – 271 человек, Каменского района – 361 человек. В 10 районах в отчетном периоде отмечается рост численности работников сельскохозяйственных организаций. Наибольших успехов в этом достигли Нижнедевицкий район (на 84,9%), Каширский (на 76,4%) и Острогжский (на 75,3%) (таблица 20).

Таблица 20 – Численность сельского населения по муниципальным районам Воронежской области, занятого в сельскохозяйственных организациях, чел.

Районы	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2009 г.
Нижнедевицкий	318	570	661	747	751	638	588	184,9
Каширский	377	773	683	751	779	726	665	176,4
Острогожский	535	483	900	491	863	936	938	175,3
Верхнехавский	398	488	489	526	565	522	495	124,4
Таловский	1 323	1 267	1 243	1 324	1 424	1 476	1 604	121,2
Подгоренский	531	581	599	587	630	594	595	112,1
Эртильский	686	613	645	661	806	797	758	110,5
Новохоперский	387	355	282	298	361	361	417	107,8
Новоусманский	523	341	345	610	570	529	549	105,0
Лискинский	3 891	4 194	4 359	4 280	4 158	3 916	4 077	104,8
Рамонский	902	594	764	782	870	931	862	95,6
Воробьевский	635	386	507	618	669	653	545	85,8
Павловский	2 470	2 410	2 296	2 279	2 301	2 143	2 056	83,2
Ольховатский	740	697	621	532	562	576	585	79,1
Бобровский	1 663	1 491	1 426	1 259	1 113	1 128	1 276	76,7
Панинский	838	879	901	814	701	774	637	76,0
Бутурлиновский	1 514	1 397	1 305	1 182	1 417	1 135	1 063	70,2
Калачеевский	1 692	1 632	1 625	1 511	1 197	1 054	1 183	69,9
Аннинский	3 058	2 879	2 638	2 551	2 613	2 532	2 122	69,4
Каменский	526	488	412	436	484	397	361	68,6
Росошанский	2 916	2 662	2 384	2 220	2 157	2 036	2 000	68,6
Хохольский	680	707	641	577	510	488	459	67,5
Семилукский	765	665	653	696	582	561	509	66,5
Грибановский	1 053	826	648	637	546	489	673	63,9
Богучарский	442	391	292	285	279	270	271	61,3
Верхнемамонский	1 006	966	935	846	757	565	564	56,1
Поворинский	168	53	19	16	16	58	86	51,2
Терновский	1 114	1 005	842	407	389	487	529	47,5
Кантемировский	1 858	1 682	1 491	1 285	1 164	1 012	855	46,0
Борисоглебский	26	26	22	22	21	21		
Петропавловский	257	152	9	7	7			
Репьевский	83	91	207	175	163			

Источник: по данным Воронежстата [10]

Но темпы роста численности работников сельскохозяйственных организаций не в полной мере характеризуют роль сельскохозяйственных организаций в обеспечении занятости сельского населения. В силу отсутствия официальных статистических данных о численности трудоспособных в разрезе сельских районов предлагается использовать показатель, отражающий соотношение работников сельскохозяйственных организаций и сельского населения района (таблица 21).

Таблица 21 –Приходится сельского населения на 1 работника сельскохозяйственных организаций, чел.

Районы	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Лискинский	10,4	9,5	10,1	10,1	10,2	10,7	10,2
Аннинский	9,3	9,8	10,3	10,3	9,9	9,9	11,5
Павловский	12,8	13,1	13,9	13,8	13,6	14,5	15,0
Россошанский	10,6	11,5	13,3	14,2	14,5	15,2	15,3
Эртильский	23,9	26,3	22,1	21,1	16,9	16,7	17,3
Таловский	23,4	24,0	24,3	22,4	20,5	19,4	17,5
Бутурлиновский	13,3	14,0	16,3	17,5	14,2	17,3	18,0
Бобровский	18,5	20,4	20,8	23,3	26,0	25,2	22,9
Грибановский	17,8	22,3	26,6	26,5	30,1	33,0	23,5
Панинский	22,6	21,1	21,4	23,0	26,0	22,9	27,5
Острогожский	49,8	54,6	30,3	54,8	30,7	28,0	27,7
Кантемировский	14,6	15,9	17,5	19,8	21,3	23,9	27,8
Рамонский	23,7	35,0	30,7	30,4	27,3	25,5	27,9
Каменский	21,4	22,6	27,5	25,3	22,4	26,5	28,6
Калачеевский	21,5	22,0	22,8	24,0	29,7	33,1	29,1
Воробьевский	29,9	48,2	37,1	29,6	26,7	26,8	31,3
Нижнедевицкий	68,4	37,6	31,0	27,1	26,4	30,4	32,3
Подгоренский	39,7	36,1	35,2	35,4	32,2	33,5	32,9
Ольховатский	28,1	29,7	32,8	38,0	35,9	34,8	33,9
Верхнемамонский	20,8	21,3	23,0	24,9	27,3	36,0	35,3
Каширский	69,2	33,4	36,8	33,3	31,9	34,0	36,6
Терновский	21,0	22,9	26,1	52,7	53,8	41,8	37,5
Хохольский	33,8	32,1	34,8	38,6	43,6	45,3	48,3
Верхнехавский	61,6	50,1	51,4	47,8	44,3	47,4	49,8
Новохоперский	57,5	61,7	80,8	74,9	60,8	59,9	51,1
Семилукский	35,6	40,4	45,5	42,4	50,2	51,7	58,0
Богучарский	57,5	64,5	86,6	87,7	89,3	91,8	90,7
Новоусманский	122,7	189,7	211,8	122,1	133,0	146,0	144,2
Поворинский	97,2	306,9	858,6	1 004,2	992,7	270,4	179,9
Борисоглебский	453,3	444,2	593,5	574,1	582,3	566,9	
Петропавловский	83,2	138,7	2 210,7	2 774,3	2 718,0		
Репьевский	199,9	180,8	77,2	90,9	97,4		

Источник: по данным Воронежстата [10]

По этому показателю абсолютным лидером является Лискинский район, причем в этом районе наблюдается устойчивый рост данного показателя, тогда как в Аннинском районе, находящемся на втором месте, соотношение между численностью сельского населения и работников сельскохозяйственных организаций существенно изменилось лишь в 2015 г.

Основным показателем, характеризующим эффективность занятости работника в сельскохозяйственных организациях, является уровень оплаты труда (таблица 22).

Таблица 22 – Среднемесячная заработная плата работников сельскохозяйственных организаций Воронежской области, тыс. руб.

Районы	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Нижнедевицкий	9,5	12,7	15,2	20,2	22,8	23,7	34,2
Верхнехавский	9,0	10,2	12,6	16,5	20,3	24,0	28,9
Рамонский	9,8	10,6	13,6	15,7	22,0	25,9	28,0
Лискинский	12,1	14,5	17,0	20,4	22,2	23,6	27,3
Новоусманский	11,2	14,6	17,2	15,9	17,7	21,2	23,8
Острогожский	9,7	10,2	16,0	26,8	26,6	27,3	23,6
Новохоперский	7,9	8,4	12,7	19,1	21,0	22,1	22,2
Семилукский	10,8	12,4	13,8	13,9	17,1	18,6	21,7
Таловский	8,4	8,9	9,9	11,7	13,9	16,2	21,6
Бобровский	9,0	9,4	12,5	13,7	17,0	19,9	20,8
Поворинский	9,5	8,6	11,5	12,4	13,2	16,8	20,6
Павловский	8,9	9,9	12,1	14,7	16,3	18,3	20,6
Каменский	7,1	7,5	8,5	11,2	14,8	17,6	20,4
Кантемировский	8,3	8,7	8,6	10,4	12,2	14,6	20,4
Грибановский	7,0	8,0	9,2	10,6	19,7	20,0	20,2
Каширский	9,5	11,8	14,1	15,7	17,1	19,4	20,0
Терновский	8,5	8,2	10,0	12,7	13,8	17,0	19,8
Подгоренский	9,8	10,0	12,3	14,6	15,7	17,4	19,3
Воробьевский	9,0	9,3	11,7	12,5	14,8	17,2	19,3
Аннинский	8,8	9,9	11,4	13,2	14,6	16,5	19,0
Панинский	9,6	10,2	9,9	12,3	14,4	17,5	19,0
Ольховатский	10,4	11,1	11,8	13,5	15,5	15,9	19,0
Эртильский	7,7	7,9	11,6	15,2	15,2	17,1	18,9
Калачеевский	8,2	8,3	10,3	11,8	14,5	17,0	18,8
Хохольский	10,9	10,6	12,8	14,7	17,3	17,6	18,1
Россошанский	8,5	9,2	11,0	12,8	14,5	16,6	18,1
Богучарский	9,3	8,7	11,8	12,5	13,9	15,8	17,5
Бутурлиновский	8,6	9,9	11,0	13,1	15,9	16,1	17,3
Верхнемамонский	8,5	9,2	10,9	12,2	13,6	15,4	16,8
Борисоглебский	7,4	8,6	9,5	9,4	10,4	10,2	
Петропавловский	6,0	3,8	10,1	9,1	9,3		
Репьевский	10,5	11,9	12,0	15,7	19,2		

Источник: по данным Воронежстата [10]

В 2015 г. в четырех районах заработная плата работников сельскохозяйственных организациях превышала уровень среднемесячной начисленной заработной платы работников по всем видам экономической деятельности в Воронежской области (24,9 тыс. руб.). В Нижнедевицком районе она составила 34,2 тыс. руб., в Верхнехавском – 28,9 тыс. руб., в Рамонском – 28,0 тыс. руб., а в Лискинском районе - 27,3 тыс. руб. Еще в шести районах (Новоусманском, Острогожском, Новохоперском, Семилукском, Таловском и Бобровском) среднемесячная заработная плата работников сельскохозяйствен-

ных организаций превышала аналогичный показатель в среднем по Воронежской области (20,7 тыс. руб.).

Дополнительным косвенным показателем, отражающим уровень масштабы аграрного производства является доля фермерских хозяйств в посевных площадях (таблица 23) и поголовье сельскохозяйственных животных (таблица 24).

Таблица 23 – Доля крестьянских (фермерских) хозяйств в площади посевных площадей хозяйств всех категорий Воронежской области, %

Районы	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Петропавловский	46,3	46,8	46,2	46,6
Каширский	39,8	41,6	43,4	46,5
Борисоглебский	40,1	38,0	43,1	41,5
Новохоперский	31,2	30,8	37,1	40,4
Калачеевский	29,7	30,6	36,8	37,4
Хохольский	27,6	29,2	33,5	33,9
Верхнехавский	27,8	29,4	31,3	32,6
Верхнемамонский	31,3	31,3	31,8	31,9
Таловский	25,1	25,6	30,1	31,3
Богучарский	32,3	30,8	30,9	30,4
Грибановский	25,4	26,0	27,1	30,3
Поворинский	26,3	25,1	26,8	29,0
Кантемировский	25,4	25,8	27,2	26,8
Ольховатский	17,6	17,7	26,2	26,2
Терновский	20,7	23,5	25,3	25,4
Панинский	19,5	20,5	20,3	25,3
Воробьевский	26,3	24,2	24,5	25,1
Россошанский	19,8	22,8	24,0	23,5
Новоусманский	22,8	25,3	24,1	22,6
Бобровский	23,0	23,0	22,2	22,2
Аннинский	20,8	21,1	20,6	20,2
Острогожский	28,3	17,9	17,9	16,8
Бутурлиновский	14,1	14,5	14,8	16,0
Каменский	13,1	9,0	11,4	14,0
Эртильский	12,6	12,6	12,4	13,2
Семилукский	9,0	10,5	11,6	12,6
Нижнедевицкий	9,4	10,0	9,4	9,7
Рамонский	6,5	6,7	12,5	9,7
Репьевский	7,2	7,3	7,9	8,5
Подгоренский	8,3	6,8	7,7	8,2
Павловский	5,6	6,5	5,8	6,0
Лискинский	3,9	0,6	0,4	0,4

Источник: по данным Воронежстата [10]

Наибольший удельный вес в структуре посевных площадей крестьянские (фермерские) хозяйства занимают в Петропавловском (46,6%), Кашир-

ском (46,5%) и Борисоглебском районах (41,5%), тогда как в Лискинском районе их удельный вес составляет всего 0,4%. Определенные сомнения возникают относительно Репьевского района, фермеры которого обрабатывают всего 8,5% посевных площадей, тогда как по данным официальной статистики численность работников сельскохозяйственных организаций в Репьевском районе в 2014 и 2015 гг. была нулевой.

Таблица 24 – Доля крестьянских (фермерских) хозяйств в поголовье крупного рогатого скота и свиней в хозяйствах всех категорий Воронежской области, %

Районы	Крупный рогатый скот	Коровы	Свиньи
Аннинский	3,8	4,4	2,8
Бобровский	4,3	6,8	0,7
Богучарский	25,2	26,3	
Борисоглебский	6,9	4,6	
Бутурлиновский	6,2	4,8	38,1
Верхнемамонский	11,5	11,2	
Верхнехавский	26,4	30,8	0,0
Воробьевский	9,6	6,9	31,9
Грибановский	8,5	11,2	
Калачеевский	3,4	1,2	
Каменский	4,1	5,3	
Кантемировский	5,9	3,6	
Каширский	12,8	14,0	7,7
Лискинский	1,4	2,0	0,9
Нижнедевицкий	10,7	7,2	
Новоусманский	9,9	9,0	
Новохоперский	17,1	7,6	1,1
Ольховатский	15,8	16,3	8,9
Острогожский	17,2	13,5	
Павловский	1,7	1,3	0,0
Панинский	13,4	9,8	5,6
Петропавловский	12,4	11,0	
Поворинский	46,4	33,1	
Подгоренский	1,4	1,0	2,6
Рамонский	4,6	10,8	
Репьевский	2,1	1,4	
Россошанский	2,4	1,0	2,7
Семилукский	15,8	14,9	11,6
Таловский	11,3	14,7	0,0
Терновский	9,4	5,4	0,1
Хохольский	3,9	4,1	4,7
Эртильский	1,8	0,3	

Источник: по данным Воронежстата [10]

По доле крестьянских (фермерских) хозяйств в поголовье крупного рогатого скота лидирующие позиции в Воронежской области занимают Поворинский (46,4%), Верхнехавский (26,4%) и Богучарский (25,2%) районы; по доле в поголовье коров первые три места занимают они же – 33,1%, 30,8% и 26,3% соответственно. Менее 3% коров от общерайонного поголовья крупного рогатого скота содержится в крестьянских (фермерских) хозяйствах Россошанского (2,4%), Репьевского (2,1%), Эртильского (1,8%), Павловского (1,7%), Подгоренского (1,4%) и Лискинского (1,4%) районов. Наименьшим удельным весом крестьянских (фермерских) хозяйств в поголовье коров характеризуются Лискинский (2,0%), Репьевский (1,4%), Павловский (1,3%), Калачеевский (1,2%), Подгоренский (1,0%), Россошанский (1,0%) и Эртильский (0,3%) районы.

Давление со стороны крупных производителей свинины и угроза заражения африканской чумой свиней обусловили сброс поголовья свиней в значительной части фермерских хозяйств. Не менее 500 голов свиней в 2015 г. содержалось в фермерских хозяйствах лишь четырех районов: в Новохоперском – 905 гол., Россошанском – 532 гол., Бутурлиновском – 512 гол., Воробьевском – 500 гол.

Очевидно, что развитие сектора крестьянских (фермерских) хозяйств не смогло компенсировать сокращение занятости в сельскохозяйственных организациях, а значит и снижение доходов, получаемых населением от сельскохозяйственной занятости.

Процессы устойчивого старения сельского населения и сокращение его трудового потенциал объективно обуславливают снижение численности поголовья сельскохозяйственных животных в хозяйствах населения. В 2015 г. на одного сельского жителя Воронежской области согласно данным официальной статистики [161] приходилось 0,18 головы крупного рогатого скота, содержащегося в хозяйствах населения, 0,07 головы коров, 0,05 головы свиньи.

Таблица 25 – поголовье скота, содержащегося в хозяйствах населения, в расчете на 1 сельского жителя в 2015 г., гол.

Районы	Крупный рогатый скот	Коровы	Свиньи
Аннинский	0,27	0,10	0,05
Бобровский	0,15	0,07	0,01
Богучарский	0,27	0,10	
Борисоглебский	0,22	0,16	0,27
Бутурлиновский	0,17	0,06	0,04
Верхнемамонский	0,22	0,09	
Верхнехавский	0,05	0,02	0,02
Воробьевский	0,34	0,14	0,03
Грибановский	0,50	0,16	0,19
Калачеевский	0,21	0,07	0,05
Каменский	0,39	0,12	0,06
Кантемировский	0,30	0,10	
Каширский	0,06	0,02	0,05
Лискинский	0,06	0,02	0,05
Нижнедевицкий	0,18	0,07	0,05
Новоусманский	0,02	0,01	0,02
Новохоперский	0,17	0,11	0,06
Ольховатский	0,17	0,07	0,05
Острогожский	0,27	0,12	0,03
Павловский	0,18	0,07	0,02
Панинский	0,19	0,09	0,12
Петропавловский	0,29	0,13	
Поворинский	0,11	0,06	0,09
Подгоренский	0,28	0,06	0,06
Рамонский	0,04	0,02	0,03
Репьевский	0,26	0,14	0,05
Росошанский	0,15	0,06	0,16
Семилукский	0,10	0,04	0,03
Таловский	0,14	0,06	0,04
Терновский	0,25	0,11	0,12
Хохольский	0,27	0,07	0,07
Эртильский	0,47	0,13	0,11

Источник: по данным Воронежстата [10]

Если на одного сельского жителя Грибановского района в 2015 г. приходилось 0,5 головы крупного рогатого скота, содержащегося в хозяйствах населения, Эртильского – 0,47 головы, а Каменского – 0,93 головы, то в Рамонском районе данный показатель находился на уровне 0,04 головы, в

Верхнехавском 0,05 головы, в Лискинском – 0,06 головы. По числу коров, приходящихся на 1 сельского жителя, в 2015 г. лидировали Борисоглебский и Грибановский районы (по 0,16 головы), а также Репьевский и Воробьевский районы (по 0,14 головы). Наибольшее количество свиней, содержащихся в хозяйствах населения, в расчете на 1 сельского жителя в 2015 г. отмечается в Борисоглебском (0,27), Грибановском (0,19) и Россошанском (0,16) районах.

Таким образом, можно констатировать, что сложившаяся система сельскохозяйственной занятости сельского населения Воронежской области не обеспечивает уровня дохода, позволяющего в полной мере удовлетворить даже базовые потребности основной части сельского социума и обеспечить хотя бы простое воспроизводство человеческого капитала.

Попытки массовой диверсификации сельской экономики можно признать в целом неудачными. Единичные примеры удачного развития сельского туризма, организации активного отдыха, возрождения народных промыслов, производства экологически чистой продукции, производства продуктов питания с эксклюзивными потребительскими свойствами пока не находят широкого круга последователей.

В современной экономической литературе диверсификация экономики сельских территорий считается магистральным направлением повышения эффективности и устойчивости их развития. Но при этом системных исследований факторов, ограничивающих диверсификационный потенциал сельской экономики, пока недостаточно.

На наш взгляд, к числу основных факторов, существенно сужающих диверсификационные возможности сельских территорий, можно отнести:

- необходимость довольно значительного объема стартовых инвестиций для организации новых несельскохозяйственных производств;
- ограниченный доступ к финансовым ресурсам;
- низкий уровень сбережений сельского населения;
- низкий спрос на производимые непродовольственные товары в силу высокой локализации местных рынков;

- неразвитость сбытовой и снабженческой кооперации;
- низкую конкурентоспособность производимых товаров в силу малого масштаба производства;
- низкий уровень государственной поддержки сельского не аграрного предпринимательства;
- высокие риски развития новых производств и неготовность основной массы сельского населения к ведению собственного бизнеса;
- неразвитость рынка сельского туризма;
- дифференциацию в географическом положении, в уровне развития инженерной, транспортной, рыночной и логистической инфраструктуры;
- неверие в возрождение деградирующих сельских территорий;
- непонимание жителями села политики государства в отношении судьбы сельского населения в условиях резкого ограничения доступа к медицинским, образовательным и другим социальным услугам и др.;
- разобщенность интересов сельского социума и разрушение системы межличностных связей, обусловивших падение эффективности коллективных действий по реализации групповых интересов сельских сообществ.

Одной из принципиальных ошибок государства в области стратегии развития сельских территорий, на наш взгляд, стало рассмотрение данной проблемы в отрыве от развития аграрного производства. Переход на территориальную модель развития практически «свел не нет» социальную ответственность субъектов аграрного бизнеса за развитие сельских территорий, природными ресурсами которых они пользуются в процессе производства. Государство, делая ставку на высокотехнологичные интегрированные агропромышленные формирования, нарушило принцип обеспечения равного доступа хозяйствующих субъектов к ресурсам и средствам государственной поддержки, и, по сути, вывело малые формы хозяйствования на селе за рамки государственной помощи. А в условиях сокращения рабочих мест при внедрении инновационных технологий крупными бизнес-структурами и падения доходов сельского населения от сельскохозяйственной занятости проведение

диверсификации сельской экономики без массивной государственной поддержки представляется невозможным.

Одним из способов консолидации усилий сельских сообществ в рамках реализации индивидуальных и групповых экономических интересов является развитие общественных объединений. По мнению А.М. Сергиенко [134], специфика общественных объединений в сельском социуме определяется тем, что, с одной стороны, сельские сообщества являются хранителями культурных, бытовых, социальных, производственных и других традиций, исторически сложившихся в рамках локальных территорий, предполагающих высокий уровень взаимной поддержки, защиту групповых интересов, обеспечение социального воспроизводства, а с другой стороны, сельское население является субъектом интенсивной адаптации к изменениям условий жизни. По данным Министерства юстиции РФ на 01.01.2014 г. основными видами российских общественных объединений являлись общественные организации (51,9% от совокупности общественных объединений) и профессиональные союзы (29,1%). На долю остальных объединений приходилось менее 20%, их которых наибольшее распространение получили общественные фонды (5%) и общественные движения (1,7%).

Губернатор Воронежской области А.В. Гордеева [38] считает, что одним из наиболее эффективных способов организации взаимодействия сельского населения и общественных организаций на селе являются органы территориального общественного самоуправления (ТОСы), как самая простая и понятная каждому форма осуществления местного самоуправления. На начало 2016 г. в Воронежской области было зарегистрировано более 900 ТОСов, объединивших около 85 тыс. человек. Как правило, они формировались в населенных пунктах, не являющихся административными центрами муниципальных образований. ТОСам предоставлены значительные права по реализации функций местного самоуправления, в т.ч. связанных с развитием социальной и коммунальной инфраструктуры. К компетенции ТОСов также относится организация культурно-массовых мероприятий, осуществление обще-

ственного контроля на локальных сельских территориях, лоббирование групповых интересов и законодательных инициатив. Существенную помощь в деятельности ТОСов оказывают муниципальные и региональные органы власти. С целью повышения эффективности такого сотрудничества по инициативе правительства области в регионе создается специализированный ресурсный центр, ориентированный на оказание методической и информационной помощи ТОСам. В состав этого формирования предлагается включить коворкинг-центр с конференц-залом на 70 человек, информационно-консультационный и проектно-методический центры. По мнению А.В. Гордеева плюсы ресурсного центра несомненны и видны уже сейчас, а спрос на его услуги будет устойчиво расти по мере развития местного самоуправления. Опыт первых продуктивно работающих ТОСов позволяет констатировать, что интерес сельского населения к этому механизму вовлечения граждан в процессы местного самоуправления довольно высок. При условии роста финансирования ТОСов они могут существенно расширить сферу своей деятельности и кроме организации культурно-массовых и спортивных мероприятий, контроля за деятельностью коммунальных служб структуры ЖКХ, осуществлять экологический контроль, проводить консультации по экономическим и юридическим вопросам, пропагандировать здоровый образ жизни, развивать сельский туризм, заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, местных традиций, оказывать помощь социально незащищенным гражданам и др.

Еще одним способом формирования условий реализации экономических интересов сельского населения является лоббирование интересов аграриев как обобщенной социально-экономической группы. Основными направлениями такого лоббирования, по мнению А.С. Кучерова и А.С. Лылова [74], являются:

– рост объемов государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей всех форм хозяйствования;

- содействие восстановлению собственного производства тракторов и сельскохозяйственных машин;
- развитие земельного законодательства и контроль за рынком земли;
- снижение межотраслевого диспаритета цен;
- развитие аграрной науки и профессионального аграрного образования;
- активизация борьбы с монополизмом на аграрных рынках;
- обеспечение доступа сельскохозяйственных производителей к кредитным ресурсам;
- обеспечение физической и экономической доступности продовольственных ресурсов;
- стимулирование развития малых форм хозяйствования на селе;
- развитие сельских территорий и их социальной инфраструктуры;
- создание условий, позволяющих повысить закрепление молодежи на селе и т.п.

Развитие сельских территорий, учет интересов всех социальных групп в рамках действующей государственной политики, процесс рационализации процессов соуправления (государство, местное самоуправление, структуры гражданского общества), по мнению Д.Н. Нечаева, «... слабо коррелируются с моделью нового государственного управления, в рамках которой подход к государству исходит из существенных признаков его подобия крупным корпорациям. У государства есть бюджет, доходы, расходы и даже своего рода акционеры – граждане, являющиеся одновременно и его клиентами. Они заинтересованы в том, чтобы услуги государственных учреждений были максимально дешевы и доступны. Интересы публичного, коллективного блага не выходят на передний план и не входят в число основных приоритетов» [96, С. 59].

Именно поэтому стратегия сельского развития в качестве основных целей должна предусматривать:

- создание социально-экономических условий, необходимых для реализации селом всего спектра присущих ему функций и решения задач территориального развития;
- формирование условий устойчивого роста экономики сельских территорий и повышения уровня эффективности использования их аграрного потенциала;
- сокращение региональной и отраслевой дифференциации в доходах сельского населения и качества его жизни;
- обеспечение рационального использования ресурсов и устойчивого развития локализованных экосистем;
- рост сельскохозяйственной и несельскохозяйственной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни;
- создание условий для повышения предпринимательской инициативы сельского населения и диверсификации сельской экономики;
- ограничение темпов роста депопуляции сельского населения за счет снижения темпов его оттока из мест постоянного проживания и увеличения продолжительности жизни.

В Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [144] в качестве основных проблем, сдерживающих развитие сельских территорий и формирование возможностей реализации экономических интересов сельского населения, выделяются: отсутствие системы обеспечения межведомственного взаимодействия и координации деятельности по развитию сельских территорий; относительно низкий уровень государственной поддержки сельского хозяйства; относительно низкая доходность аграрного производства; ограниченные возможности технико-технологической модернизации сельского хозяйства; низкий инновационный потенциал сельской экономики; суженные возможности формирования налоговой базы бюджетов сельских поселений; высокий уровень дифференциации сельских территорий по уровню развития социальной инфраструктуры и качеству жизни населения; сохранение ведомственных барьеров, огра-

ничающих доступность ресурсов развития для сельского населения; низкая эффективность институтов местного самоуправления, неразвитость институтов гражданского общества; игнорирование наличия проблемы утрата традиционной культуры села и разрушение системы материальных и духовных ценностей необходимых для самоидентификации человека.

В результате исследования условий реализации экономических интересов сельского населения Воронежской области были сделаны следующие выводы:

– к числу основных факторов, влияющих на тип экономического поведения сельского населения, относятся: его социально-экономическое положение, уровень экономических потребностей, совокупность экономических и социальных интересов, жизненные установки различных групп населения и стереотипы их поведения, социальная ориентация аграрной и экономической политики;

– выбор стратегии экономического поведения отдельных групп сельского населения осуществляется исходя из их экономических интересов, социального положения, системы материальных и духовных ценностей, отношения к труду, уровня консервативности, готовности к смене места жительства и образу жизни и т.п.;

– кардинальные институциональные преобразования и перманентный кризис обусловили рост дифференциации сельского населения, рост масштаба и углубление уже существовавших форм эксклюзий и появление их новых разновидностей;

– наблюдается рост числа людей, неспособных удовлетворить свои потребности, в том числе и среди высококвалифицированных работников, проживающих в деградирующих сельских населенных пунктах;

– группы сельского населения, вовлеченные в процесс социальной эксклюзии, могут использовать различные стратегии социальной адаптации в соответствии со сложившимся уровнем конкурентоспособности, трудовым

потенциалом, творческими способностями, уровнем экономической и предпринимательской активности и т.п.;

– в силу отсутствия эффективных механизмов согласования и реализации экономических интересов различных групп сельского населения наблюдаются обострение социальных противоречий и рост уровня социальной эксклюзии их наиболее социально незащищенной части.

Игнорирование и недооценка индивидуальных и групповых интересов сельского населения при разработке программ развития аграрного производства и сельских территорий ведут к деформации мотивационной системы жизнедеятельности сельских сообществ, разрушению традиционной среды обитания крестьян, ослаблению социальных связей, углублению дифференциации различных социальных групп и т.п. Любые планируемые изменения в аграрной политике государства и политике территориального развития должны оцениваться с позиций влияния на поведение сельского населения и возможностей удовлетворения их повседневных потребностей.

3. ПОВЫШЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК БАЗОВОЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

3.1. Приоритетные направления развития механизма реализации экономических интересов сельского населения

Механизм реализации интересов сельского населения является структурным элементом механизма развития сельских территорий. Именно существующая федеральная и региональная политики развития сельских территорий и сельского хозяйства определяют условия функционирования механизма реализации интересов и направления его совершенствования.

Переход от отраслевой модели сельского развития к территориальной принципиально изменил приоритеты государства в формировании механизма управления сельским развитием: основным объектом приложения усилий государства стало не сельское хозяйство, а сельские территории. Но в рамках перехода к новой модели развития произошел разрыв в стратегии развития сельских территорий и стратегии развития сельского хозяйства как отрасли общественного производства. Хозяйствующие субъекты, особенно крупные бизнес-структуры, практически самоустранились от решения социальных проблем контролируемых ими сельских территорий, а государство так и не смогло сформировать эффективную систему государственно-частного партнерства, ориентированную на обеспечение сбалансированного развития всех субъектов аграрных отношений.

Государство не смогло предложить внятной программы по обеспечению роста доходов сельского населения в условиях продолжающегося устойчивого сокращения занятости населения в сельскохозяйственных организациях, снижения качества демографической структуры сельских сообществ, старения сельского населения и неразвитости системы сельской кооперации. Надежды на быстрые темпы диверсификации сельской экономики себя не оправдали и в ближайшей перспективе роста несельскохозяйственной занятости не предвидится, особенно на фоне, так называемой, «оптимизации» сети образовательных, медицинских, культурных и других учреждений

и организаций, финансируемых за счет бюджетных средств. Масштабного появления новых игроков на сельских локальных потребительских рынках также не будет в силу их насыщенности и высокой конкуренции. Высокий уровень локализации потребительских рынков в условиях неразвитости системы заготовительной и снабженческо-сбытовой кооперации существенно ограничивает развитие некрупных промышленных и перерабатывающих производств, а низкий платежеспособный спрос сельского населения не стимулирует рост предложения на рынке услуг. В этих условиях основной проблемой реализации экономических интересов сельского населения является рост их доходов и рационализация структуры их потребностей.

На уровне государства развитие этого механизма связано, в первую очередь, с реализацией функций социального обеспечения и мотивации трудовой активности жителей сельской местности, в т.ч. и в рамках их самозанятости. В условиях старения сельского населения именно система социального обеспечения является своеобразным гарантом его выживания. Во многих сельских семьях именно пенсии и различного рода пособия становятся важнейшим источником поступления денежных средств. Население сельских территорий, испытывающих процесс деградации и характеризующихся нарастающим уровнем социальной эксклюзии, объективно подвержено сжатию экономических и социальных индивидуальных потребностей, деградации их структуры, потерей веры в будущее и утраты потребности в труде как естественного источника доходов. Без создания эффективной системы мотивации трудовой активности преодолеть процессы деградации человеческого капитала на селе в рамках реализации существующей аграрной политики и политики сельского развития представляется крайне проблематичным.

По мнению Т.М. Баландина и А.А. Савенко [11], проблема мотивации трудоспособного населения к реализации различного рода трудовой деятельности традиционно решалась в контексте реализации специфической социально-экономической модели, включающей в себя две подсистемы мотивационного принуждения: экономического (за счет широкого применения ма-

териальных факторов стимулирования труда) и социально-экономического (мотивирование за счет повышения качества социальной базы общества и отдельных хозяйствующих субъектов, обеспечения жильем, предоставление бесплатных или на льготных условиях медицинских, образовательных, социокультурных и других услуг и т.п.). Они считают, что в современных условиях модель данного типа не может работать эффективно, поскольку ориентирована на использование ограниченных подсистем мотивации в условиях неизменности трудовых отношений. Полагая, что современная система мотивации не должна механически сводиться к использованию примитивных факторов материального вознаграждения и широкому применению технологий социального обеспечения трудоспособного населения, Т.М. Баландин и А.А. Савенко предлагают на государственном уровне обосновать комплексный подход к модернизации действующей системы мотивации трудовой активности населения, включающей всю совокупность современных средств стимулирования человека к осуществлению трудовой деятельности: создание безопасных условий труда, комфортности реализации трудовых функций, предоставление возможностей профессионального и карьерного роста, обеспечение независимости осуществления трудового процесса и т.п.

В рамках модернизированной модели комплексной мотивации принуждения населения к трудовой деятельности Т.М. Баландин и А.А. Савенко предлагают выделять пять ее условно самостоятельных форм: традиционную, этическую, административную, экономическую, корпоративную. Традиционная форма реализуется при ориентации субъектов трудовых отношений на воспроизводство исторически сложившихся стереотипов трудового поведения, устоявшихся образцов производственных взаимодействий. Этическая форма предполагает принуждение к труду через ориентацию человека на сложившуюся в обществе систему социальных ценностей и выполнения своего социального долга. Административная форма мотивационного принуждения базируется на существовании вертикали «административных авторитетов», обеспечивающих административный контроль соблюдения уста-

новленных обществом социальных норм трудового поведения. Экономическая форма мотивационного принуждения реализуется за счет существования односторонней зависимости индивида от необходимости удовлетворения экономических потребностей и создания условий, необходимых для его воспроизводства. Технологическая форма реализуется за счет существования односторонней зависимости субъекта трудовых отношений от условий реализации трудовой функции и специфики осуществления конкретного вида трудовой деятельности в соответствии со специальностью и уровнем квалификации.

Государство также должно повысить эффективность использования инструментов, позволяющих скорректировать существующую систему экономических и социальных потребностей населения страны: пропаганда здорового образа жизни и здорового питания, борьба с алкоголизмом и курением, совершенствование системы материальных и моральных ценностей, борьба с социальным иждивенчеством и т.п.

Сохранение сельского образа жизни и эффективного социального контроля за сельскими территориями требует от государства принятия радикальных решений: например, резкого снижения налоговой нагрузки на субъекты малого предпринимательства в сельской местности на ближайшие 5-10 лет, снятия ограничений на размеры хозяйств населения на этот же срок, обеспечение доступа к кредитным ресурсам на льготных условиях всех малых форм хозяйствования и т.п.

Следует осознавать, что наряду с проблемой низкого уровня доходов сельских домохозяйств существует проблема ограниченного доступа к экономическим благам, решение которой требует адекватного развития социальной и инженерной структуры сельских поселений, ограничения роста тарифов естественных монополий, сохранение доступности бесплатных медицинских и образовательных услуг и т.д.

Основным источником доходов сельского населения в ближайшей и среднесрочной перспективе будет оставаться его трудовая и предпринима-

тельная деятельность. В этой связи на первый план выходит проблема обеспечения занятости и самозанятости сельского населения и стимулирование создания новых рабочих мест в сельской местности как за счет развития аграрного производства, так и за счет диверсификации сельской экономики.

В рамках решения данной проблемы должна быть решена и задача оптимизации кадрового обеспечения производственных систем локальных территориальных образований сельской местности. Уже сейчас сельскохозяйственные производители испытывают дефицит квалифицированных работников, способных эксплуатировать современную технику и использовать инновационные агротехнологии. Сформировавшийся трудовой потенциал сельского населения не удовлетворяет требованиям работодателей, ориентированных на инновационный путь развития, но продолжающееся реформирование системы аграрного профессионального образования направлено, главным образом, не на удовлетворение спроса со стороны работодателей, а на минимизацию бюджетных расходов и увеличение объемов платных образовательных услуг, что ведет к росту расходов сельских домохозяйств, связанных с инвестициями в человеческий капитал.

Критически оценивая эффективность политики развития страны, И.Н. Буздалов, К.С. Тихонков и А.И. Архипов отмечают, что «политические решения в области экономического и связанного с ним социального развития, в частности в сельском хозяйстве, нередко противоречат объективным законам этого развития и базируются на субъективных представлениях или волюнтаристских увлечениях органов власти, принимающих эти решения» [26, С. 15]. Еще на один важный момент в системе регулирования развития агропродовольственного комплекса России указывает В.С. Шмаков [172]. Он указывает на то, что в постреформенный период система государственной поддержки сельского хозяйства была очень сильно разбалансирована. Априори считалось, что все реализуемые государством программы по развитию АПК были ориентированы на развитие эффективного, устойчивого и конкурентоспособного аграрного производства, позволяющего обеспечить необходимый

уровень продовольственной безопасности, рост качества жизни сельского населения и формировать условия реализации его экономических интересов. Но, в реальности, наблюдался интенсивный процесс разрушения сельской экономики и деградации социальной сферы села.

Политика сельского развития является элементом экономической политики государства. В.Д. Лагутин [78] справедливо замечает, что экономическая политика традиционно рассматривается в виде составной части общего политического процесса, некой совокупности мер воздействия государства на экономику, эффективность которого связана с обеспечением рационального взаимодействия всех элементов системы общественного воспроизводства. Цель государственной экономической политики на современном этапе заключается в обеспечении рыночного равновесия и общественной стабильности в рамках реализации экономических интересов всех субъектов экономики. Именно система интересов, по мнению В.Д. Лагутина, стала базисом при разработке модели формирования общественных институтов, предложенной Г. Алмондом и Г. Пауэллом и отражающей динамику их возникновения в разрезе следующих этапов:

- идентификация и артикуляция (процесс преобразования расплывчатых взглядов и мнений людей в конкретные требования и их озвучивание) индивидуальных и групповых интересов;

- агрегация интересов и объединение их носителей на основе интеграции индивидов с довольно разнородными индивидуальными интересами, но общими групповыми интересами;

- выработка экономической политики и развитие представительских и законодательных институтов, формирующих «правила игры» на ограниченном экономическом пространстве и обеспечивающих балансирование интересов различных групп;

- развитие институтов исполнительной власти, обеспечивающих равный доступ субъектов к ресурсам и соблюдение правовых норм, регламентирующих поведение отдельных носителей интересов;

– развитие институтов контроля и арбитража, реализующих функции минимизации противоречий между носителями различных интересов.

Очевидно, что эффективность экономической политики может быть обеспечена при реализации определенных условий, таких как учет интересов всех социальных и экономических групп и прогнозирование их возможной реакции на те или иные политические и экономические решения; открытость и принципиальность в декларировании реально имеющихся социально-экономических проблем; вовлечение в общественную дискуссию представителей различных групп населения и развитие системы общественного контроля на этапах формирования и реализации экономической политики и политики развития территориальных образований.

Для оценки уровня реализации экономических интересов отдельных групп населения в последнее время все чаще стал использоваться такой индикатор как социальное самочувствие населения. Обобщив сложившиеся подходы к определению сущности данной категории, О.Н. Колесникова [62] трактует ее как специфический эмоциональный аспект позиционирования отдельных групп населения относительно сложившегося общественного положения, уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей и реализации экономических интересов. Она считает, что социальное самочувствие складывается в результате сравнения и сопоставления возможностей одной группы людей в части возможности удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей и реализации собственных интересов с возможностями других аналогичных групп, отражая состояние социального здоровья общества и характеризуя уровень социальной справедливости. Социальное самочувствие традиционно рассматривается как сложная форма устойчивого социально-психологического состояния, формирующегося у индивида или группы индивидов в результате воздействия объективных условий, регламентирующих процессы их жизнедеятельности и интеграции в систему общественного воспроизводства.

Уровень социального самочувствия сельского населения во многом определяется его способностью адаптироваться к изменениям среды развития, то есть обеспечить минимальный уровень доходов сельской семьи, необходимый для ее воспроизводства, что в условиях сокращения занятости на селе становится все более проблематично. Вместе с тем, деградация человеческого капитала аграрной сферы существенно ограничивает возможности самого сельского развития.

И.Н. Буздалов, К.С. Тихонков и А.И. Архипов [26] делают вполне справедливый вывод о том, что стратегия экономического развития предусматривает наличие адекватных трудовых ресурсов, обладающих высоким кадровым потенциалом, но применительно к сельскому развитию пока наблюдается процесс деинтеллектуализации сельского населения. Они констатируют практически полное отсутствие системы подготовки высококвалифицированных кадров для села, отмечая, что в настоящее время среднее профессиональное образование имеют лишь 20% занятых в сельскохозяйственном производстве, высшее профессиональное - менее 10%. При этом примерно 80% выпускников аграрных вузов не идут работать по специальности из-за карьерной и жизненной бесперспективности. По их прогнозам через 3-5 лет в аграрном секторе практически не останется квалифицированных кадров, так как из-за отсутствия адекватной государственной поддержки за годы реформ была демонтирована научно-образовательная база аграрной сферы, углубился разрыв между наукой и производством, численность научных кадров научно-исследовательских учреждений аграрного профиля сократилась более чем в два раза, хотя даже современный инновационный потенциал сельскохозяйственного производства оценивается на уровне 400 млрд руб.

Сокращение сельскохозяйственной занятости можно считать объективным процессом, присущим всем развитым и развивающимся странам, но при этом, как отмечает С.В. Дульзон [45], следует помнить, что занятость всегда объективно несет на себе отпечаток господствующей в обществе фор-

мы собственности и отражает особенности конкретно-исторической общественной формы организации производства. В условиях централизованной экономики и доминирования общественной собственности на средства производства существовал собственный феномен занятости, реализующий два базовых принципа: обеспечение полной занятости населения и относительно низкий уровень оплаты труда при высоком уровне потребления через общественные фонды (действительно бесплатное здравоохранение и образование, низкий размер квартирной платы и т.п.).

Одной из отличительных характеристик современного аграрного сектора является высокий уровень нестандартной сельскохозяйственной занятости. К нестандартным формам занятости принято относить все формы занятости, отклоняющиеся от принятого стандарта (занятость по найму в режиме полного рабочего времени на основе бессрочного договора), включая самозанятость населения, а именно: неполную, временную, случайную занятость, занятость по контракту на определенный срок, вторичную и сверхурочную занятость, занятость в неформальном секторе экономики (в домашнем хозяйстве, индивидуальная трудовая деятельность, занятость по найму у физических лиц), а также неофициальную, недокументированную занятость в формальном секторе [57].

Сокращение нестандартной занятости сельского населения является одним из направлений развития механизма реализации его экономических интересов, поскольку нестандартные формы занятости практически не регулируются государством, связаны с трудно управляемыми рисками для работников, как правило, характеризуются отсутствием социальных гарантий, нестабильностью и нерегулярностью доходов, ограниченными возможностями карьерного роста и т.п.

Помимо высокого уровня нестандартной занятости сельского населения ограничение уровня его доходов и сужение возможностей реализации экономических интересов обусловлено довольно высокой долей так называемой «теневой экономики» в аграрном секторе.

К ключевым факторам зарождения теневых экономических процессов в аграрном секторе современной России В.С. Рождественский [180] предлагает относить следующие явления:

– низкая интенсивность притока рыночных активов, неразвитость аграрного финансового рынка и недостаточность бюджетных средств, выделяемых на его поддержку;

– усиливающаяся конкуренция агентов теневой экономики за право собственности на земельные ресурсы функционирующих сельскохозяйственных товаропроизводителей, имеющих низкий экономический потенциал;

– довольно широкое использование скрытого оборота сельскохозяйственной продукции и ресурсов и осуществление нелегальных сделок с целью вторичного перераспределения материальных ценностей;

– масштабные искажения статистической отчетности с целью сокрытия доходов и ухода от уплаты налогов или фальсификация документов для сокрытия всякого рода хищений;

– недоступность финансовых ресурсов и отсутствие научно обоснованной государственной политики в области налогообложения и кредитования сельского хозяйства.

Сокращение масштабов теневой экономики является одним из магистральных направлений повышения уровня занятости и доходов сельского населения и развития системы его социального обеспечения, что, в конечном счете, будет способствовать росту возможностей удовлетворения его потребностей и реализации экономических интересов.

Успешность решения проблемы занятости сельского населения тесно связана с проблемой его социальной адаптации. О.В. Нечипоренко и В.В. Самсонов [98] считают, что процесс социальной адаптации сельского населения определяется двумя основными моментами: во-первых, общими закономерностями развития аграрного сектора и трансформацией форм хозяйствования в условиях развития научно-технического прогресса; во-вторых, кардинальным изменением традиционного сельского уклада и сельского об-

раза жизни под влиянием рыночных отношений. По их мнению, в настоящее время преобладают три основных типа стратегий адаптации сельских сообществ к изменениям среды их функционирования: 1) натуральный тип, базирующийся на сочетании традиционных форм жизнеобеспечения и в значительной мере зависящий от уровня государственных трансфертов; 2) неформальный тип адаптации, предполагающий широкое использование механизмов теневой экономики; 3) деструктивный тип адаптации, появляющийся в нарастающем распаде социальных связей, усилении миграции, разрушением социальных систем и гибелью локальных сельских сообществ.

Процессы адаптации сельского населения тесно связаны с уровнем его гражданской активности. Анализ специфики формирования гражданской активности жителей сельской местности, проведенный А.А. Шабуновой [169], позволил ей сделать следующие выводы:

- изменения условий жизни и среды обитания сельского населения объективно обуславливают изменения системы сельского расселения и территориальной организации сельских сообществ;

- деформация демографического поля села усиливается отрицательным влиянием такого фактора, как снижение уровня доверия к власти и нарастание депрессивных настроений, что существенно ограничивает влияние населения на процессы развития всех форм самоорганизации, а общественно-политическая пассивность сельчан не способствует реализации их стремлений и интересов;

- несмотря на низкий уровень общественной активности, сельское население имеет существенную востребованность участия в общественно значимых и общественно признанных мероприятиях, что свидетельствует о его нереализованном потенциале и перспективах повышения гражданской активности на селе.

Рассматривая механизм реализации экономических интересов через управление экономическим поведением населения, А.С. Труба [148] предла-

гает выделять следующие моменты, определяющие специфику этих процессов:

– управленческое воздействие должно согласовываться с целями субъектов экономического поведения и учитывать их изменения во времени;

– при выработке управленческого решения необходимо понимать механизм информационного обеспечения субъектов экономического поведения и реализации базовых информационных процедур, связанных с выработкой собственных управленческих решений;

– управленческое воздействие должно предусматривать возможность реализации альтернативных вариантов развития субъектов экономического поведения в зависимости от изменения условий их функционирования;

– управленческое воздействие должно быть ориентировано на минимизацию затрат, необходимых для достижения поставленных целей.

Нельзя не согласиться с мнением М.Ф. Бибова [17] о том, что «управление экономическим поведением через манипулирование потребностями и искусственное формирование новых потребностей составляет ... основной метод управления экономическим поведением в рыночном обществе».

Определенные надежды на повышение занятости сельского населения и повышение качества его жизни связываются с переводом АПК на инновационно-ориентированный путь развития. Но следует обратить внимание на тот факт, что использование современных агротехнологий, предполагает резкий рост производительности труда при устойчивом сокращении рабочих мест. Особенно ярко это проявляется на крупных животноводческих комплексах и при использовании высокопроизводительной сельскохозяйственной техники в растениеводстве. По данным некоторых исследователей [166] в ближайшем будущем на 1 000 га сельскохозяйственных угодий будет приходиться всего 3-4 работника. В качестве примера технико-технологических инноваций, обеспечивающих резкое снижение потребности в трудовых ресурсах, они приводят агрохолдинг «Евродон», развивающий производство

индеек и уток, в котором поголовье в 340 тыс. голов уток, размещенное в десяти производственных корпусах, обслуживают шесть человек в смену.

Высокий уровень концентрации аграрного капитала и первоочередная поддержка государством крупного агробизнеса требует повышения социальной ответственности бизнес-структур. В этой связи существенно возрастает роль государственно-частного партнерства как современной формы взаимодействия государства и бизнеса при решении общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях.

С.А. Кочеткова и Ю.А. Акимова [67] считают, что одним из перспективных инструментов формирования инновационно-инвестиционной модели организации АПК и развития государственно-частного партнерства, являются, так называемые, технологические платформы, обеспечивающие согласование приоритетов научно-технической политики развития агропродовольственного комплекса между бизнесом, научно-образовательным комплексом и сельскими территориями. Но проанализировав совокупность инвестиционных проектов, реализуемых на условиях государственно-частного партнерства в России, они установили, что в аграрной сфере реализуется всего 8 проектов, четыре из которых реализуются в Тамбовской области, два – в Республике Мордовия, по одному – в Брянской области и Алтайском крае.

Поскольку пространственным базисом реализации экономических интересов сельского населения являются сельские территории как специфический объект управления, то становится очевидным, что эффективность их развития во многом будет определяться эффективностью деятельности органов местного самоуправления.

В.В. Шаров, К.Н. Калашников и Г.В. Белехова [171] считают, что произошедшая реформа местного самоуправления, сделав его всего лишь третьим (самым низким) уровнем государственной власти, существенно сузила пространство для реализации общественных инициатив и самоорганизации сельского населения. В качестве одной из основных причин низкой общественной активности жителей сельской местности они выделяют крайне низ-

кий уровень их гражданского сознания, продолжающееся обесценивание личных и общественных инициатив в силу невозможности их реализации, потеря интереса отдельных индивидов к общим проблемам сельских сообществ. А ведь именно способность отдельных личностей к консолидации для защиты общих экономических и социальных интересов групп населения выступает одним из главных критериев развития гражданского общества.

В качестве ключевых направлений деятельности органов местного самоуправления Т.Г. Голубева [37] предлагает выделять: создание комфортных условий обеспечения самозанятости сельского населения; реализацию программ по организации сельскохозяйственных предприятий потребительских кооперативов; организацию эффективного использования ресурсов локальных территориальных образований; поддержку мероприятий по диверсификации сельской экономики, в т.ч. развития сельского туризма; реализацию мероприятий по мотивации локальных сельских сообществ к ведению социально значимой деятельности; обоснование программ целевой подготовки кадров для инфраструктурного развития сельских территорий; формирование системы развития социального партнерства и т.п.

Приоритетные направления развития механизма реализации экономических интересов сельского населения можно систематизировать в разрезе следующих пяти групп:

– формирование условий реализации экономических интересов (корректировка экономической политики государства и совершенствование институциональной среды; корректировка системы потребностей сельского населения; развитие государственно-частного партнерства и повышение социальной ответственности бизнеса; сокращение уровня экономического и социального неравенства на селе; обеспечение роста влияния общественных организаций на процессы развития сельских территорий, защита прав собственности сельских жителей на землю и др.);

– развитие сельской экономики (поддержка развития малых форм сельского предпринимательства и сельской потребительской кооперации, стиму-

лирование создания новых рабочих мест в сельской местности, поддержка самозанятого сельского населения; стимулирование диверсификации сельской экономики; оптимизация системы подготовки кадров для сельского хозяйства и др.);

– обеспечение роста доходов сельского населения (обеспечение адекватного роста минимальной заработной платы, пенсий и пособий; мотивация трудовой и предпринимательской активности; снижение налоговой нагрузки на сельских предпринимателей, защита прав работающего населения и др.);

– ограничение роста расходов сельского населения (ограничение роста тарифов естественных монополий; сохранение доступности бесплатных медицинских и образовательных услуг; обеспечение физической доступности потребительских товаров; формирование условий добросовестной конкуренции на локальных потребительских рынках и др.);

– повышение качества жизни (обеспечение доступности экономических благ; развитие социальной и инженерной структуры сельских поселений; интеграция сельского населения в единое информационное пространство; формирование уверенности в будущем, рост экономических и социальных потребностей, рационализация структуры расходов и др.).

При «настройке» механизма реализации экономических интересов сельского населения следует исходить из гипотезы, что реализация интересов каждой пары субъектов экономических отношений (собственник – арендатор или пользователь собственности, работодатель – наемный работник, производитель – потребитель, продавец – покупатель и т.п.), возможна лишь при достижении определенного компромисса. Именно достижение баланса интересов между экономическими субъектами, функционирующими в сельской местности, относится к ключевым функциям механизма управления сельским развитием, глобальная цель которого заключается в повышении качества воспроизводства человеческого капитала аграрной сферы даже в условиях сокращения численности сельского населения и ухудшения демографической структуры села.

3.2. Прогнозная оценка сельскохозяйственной занятости сельского населения Воронежской области

Несмотря на существование широкого спектра факторов, определяющих условия реализации экономических интересов сельского населения, в качестве базовых из них следует выделять уровень доходов населения, возможность трудовой занятости и физическую доступность экономических и социальных благ, необходимых для удовлетворения потребностей.

Существующие тенденции сокращения сельского населения, обусловленные, в первую очередь, падением уровня его жизни и устойчивым сокращением рабочих мест в сельской местности, с одной стороны, носят объективный характер, порожденный сокращением потребности в трудовых ресурсах аграрного сектора в силу развития научно-технического прогресса и перехода к использованию трудо- и ресурсосберегающих технологий, а с другой - являются следствием отсутствия внятной государственной политики в отношении развития сельских территорий, несмотря на принятие федеральных целевых программ «Социальное развитие села до 2013 года» и «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года». Определенную роль в стабилизации положения на селе эти программы несомненно сыграли, но они так и не обозначили позицию государства по решению проблемы «избыточности» сельского населения и обеспечения для него не только физической, но экономической доступности экономических и социальных благ, необходимых для воспроизводства человеческого капитала аграрного сектора.

В настоящее время отсутствует прогнозная оценка занятости сельского населения и изменения уровня его доходов, что в значительной мере ограничивает эффективность механизма реализации его интересов и не позволяет сформировать достоверный информационный базис, требуемый для выработки политики воспроизводства капитала аграрной сферы.

Предлагаемая нами методика обоснования прогноза занятости сельского населения на уровне региона базируется на следующих предпосылках:

– в среднесрочной перспективе рост объемов сельскохозяйственного производства в Воронежской области будет происходить за счет развития крупнотоварных форм аграрного бизнеса;

– количество постоянных работников отрасли растениеводства в интегрированных агропромышленных формированиях и сельскохозяйственных организациях будет продолжать сокращаться, даже несмотря на рост посевных площадей;

– возрастет потребность в сезонных работниках в связи с развитием производства картофеля и овощей в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах;

– темпы ввода в эксплуатацию новых мощностей в свиноводстве, мясном и яичном птицеводстве будут существенно снижаться в силу насыщения рынков свинины, мяса птицы и яйца и высокого уровня конкуренции на них;

– в молочном скотоводстве основной прирост поголовья продуктивного скота будет происходить за счет строительства крупных комплексов и мегаферм с высоким уровнем механизации и автоматизации производственных процессов;

– в мясном скотоводстве темпы роста поголовья скота специализированных мясных и помесных пород будут определяться уровнем субсидий на развитие отрасли, выделяемых из средств федерального и регионального бюджетов;

– количество крестьянских (фермерских) хозяйств будет сокращаться при росте концентрации фермерского производства;

– ожидается сокращение объемов производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения, что связано со снижением конкурентоспособности производимой ими продукции и старением сельского населения;

– темпы сокращения производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения будут определяться темпами и направлением изменения реальных доходов, уровнем занятости населения в общественном секторе,

политикой государства в сфере социального обеспечения, уровнем развития потребительской кооперации и т.п.;

– темпы диверсификации сельской экономики и развития потребительской кооперации будут определяться объемом государственной поддержки малого агробизнеса;

– сельский туризм как форма диверсификации сельской экономики существенной роли в обеспечении занятости сельской экономики играть не сможет как в силу низкого платежеспособного спроса на эти услуги, так и отсутствия соответствующей инфраструктуры;

– развитие сферы услуг в сельских населенных пунктах будет ограничиваться ростом доходов сельских домохозяйств;

– доля экономически активного сельского населения, не нашедшего работу по месту проживания и реализующего свой трудовой потенциал за его пределами, будет незначительно расти, но более высокими темпами будет расти доля сельских жителей с иждивенческими настроениями и не имеющих стимула к труду.

Разработанная методика обоснования прогноза сельскохозяйственной занятости сельского населения на уровне региона предполагает реализацию следующих этапов:

На первом этапе разрабатывается и реализуется экономико-математическая модель по оптимизации отраслевой структуры аграрного сектора региона, ориентированная на реализацию инерционного варианта развития. На втором этапе на основе разработанной экономико-математической модели определяются отраслевая структура аграрного сектора при улучшении макроэкономических условий (оптимистичный сценарий: рост инвестиций в сельское хозяйство и объемов его государственной поддержки на 10-15%) и при их ухудшении (пессимистичный сценарий: снижение инвестиций в сельское хозяйство и объемов его государственной поддержки на 10-15%). На третьем этапе определяется потребность в постоянных и сезонных работниках в сельскохозяйственных организациях и кре-

стьянских (фермерских) хозяйствах по каждому из сценариев. На четвертом этапе, исходя из изменений демографической структуры сельского населения и прогнозируемых тенденций изменения его трудовой активности, определяются уровень самозанятости населения в домашних хозяйствах.

Для разработки экономико-математической модели по оптимизации отраслевой структуры аграрного сектора региона требуется обоснование прогнозных значений посевных площадей и поголовья скота и птицы в разрезе всех категорий хозяйств (сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения).

В рамках данных исследований для разработки прогноза изменения посевных площадей и поголовья скота использовался метод экспоненциального сглаживания с демпфированным трендом. Прогнозные параметры посевных площадей и поголовья скота и птицы обосновывались для пессимистичного, инерционного и оптимистичного вариантов. Результаты прогнозных расчетов изменения посевных площадей приведены в таблице 26 и на рисунке 12.

Таблица 26 – Прогноз посевных площадей в Воронежской области, тыс. га в среднем за год в периоде

Сценарии развития	Факт					Прогноз	
	1991-1995 гг.	1996-2000 гг.	2001-2005 гг.	2006-2010 гг.	2011-2015 гг.	2016-2020 гг.	2021-2025 гг.
Сельскохозяйственные организации							
Пессимистичный	2 606,0	2 199,1	1 832,0	1 684,8	1 804,5	1 819,0	1 823,5
Инерционный						1 830,9	1 863,0
Оптимистичный						1 913,2	2 017,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Пессимистичный	67,8	91,2	259,3	445,3	571,2	613,4	621,5
Инерционный						634,5	646,7
Оптимистичный						646,3	660,6
Хозяйства населения							
Пессимистичный	167,4	205,6	167,4	153,1	156,3	156,1	156,4
Инерционный						154,3	153,9
Оптимистичный						152,3	149,5
Хозяйства всех категорий							
Пессимистичный	2 841,2	2 495,9	2 258,7	2 283,2	2 532,0	2 588,5	2 601,4
Инерционный						2 619,6	2 663,6
Оптимистичный						2 711,8	2 827,4

По сельскохозяйственным организациям рост посевных площадей даже в условиях оптимистичного варианта прогнозируется на довольно низком уровне. По сравнению с 2015 г. к 2025 г. увеличение посевных площадей планируется на 187,9 тыс. га. Поскольку практически все привлекательные для среднего и крупного бизнеса земельные участки уже вовлечены в хозяйственный оборот, то рост посевных площадей планируется в основном за счет сокращения паров и залежей. Вовлечение в хозяйственный оборот неиспользуемой пашни прогнозируется за счет крестьянских (фермерских) хозяйств, демонстрирующих на протяжении всего исследуемого периода устойчивый рост посевных площадей.

Рост посевных площадей в хозяйствах населения будет определяться макроэкономическими условиями: при их ухудшении площади посевов будут незначительно увеличиваться, а при улучшении – сокращаться.

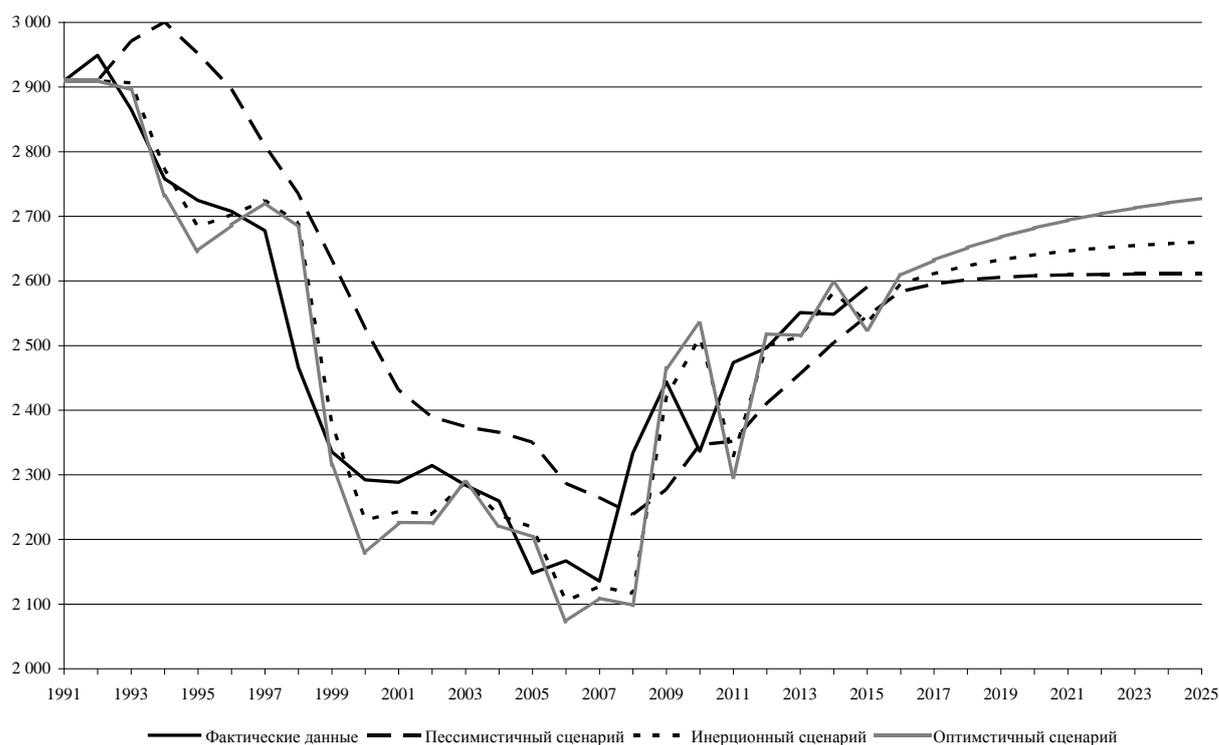

Рисунок 12 – Прогноз посевных площадей в хозяйствах всех категорий Воронежской области, тыс. га

Графики, отражающие прогнозируемые изменения посевных площадей в хозяйствах различных категорий Воронежской области приведены в приложениях А-Б.

По прогнозным расчетам посевные площади в хозяйствах всех категорий к 2025 г. при реализации оптимистичного сценария могут увеличиться до 2 827,4 (92,9% от площади пашни). В настоящее время посевные площади в площади пашни в хозяйствах всех категорий занимают всего 84,9%.

В таблице 27 и на рисунке 13 приведена информация, отражающая прогнозируемые изменения поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах различных категорий Воронежской области.

Таблица 27 – Прогноз поголовья крупного рогатого скота в Воронежской области, тыс. гол. в среднем за год в периоде

Сценарии развития	Факт					Прогноз	
	1991-1995 гг.	1996-2000 гг.	2001-2005 гг.	2006-2010 гг.	2011-2015 гг.	2016-2020 гг.	2021-2025 гг.
Сельскохозяйственные организации							
Пессимистичный	956,6	550,6	352,3	201,3	263,6	286,7	288,2
Инерционный						311,8	327,5
Оптимистичный						317,7	347,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Пессимистичный	3,2	2,3	8,4	13,4	22,7	34,6	36,4
Инерционный						36,0	41,2
Оптимистичный						40,6	48,2
Хозяйства населения							
Пессимистичный	193,6	169,9	155,4	146,0	143,7	134,7	132,3
Инерционный						134,3	130,1
Оптимистичный						131,8	123,0
Хозяйства всех категорий							
Пессимистичный	1 153,3	722,8	516,1	360,7	430,1	456,0	456,9
Инерционный						482,1	498,8
Оптимистичный						490,1	518,5

Скотоводство относится к числу отраслей, получивших в Воронежской области существенную государственную поддержку, что позволило ей набрать довольно высокие темпы роста поголовья крупного рогатого скота. При этом рост его поголовья прогнозируется в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах даже в условиях пессимистичного варианта. В хозяйствах населения прогнозируется сокращение поголовья крупного рогатого скота по всем сценариям развития.

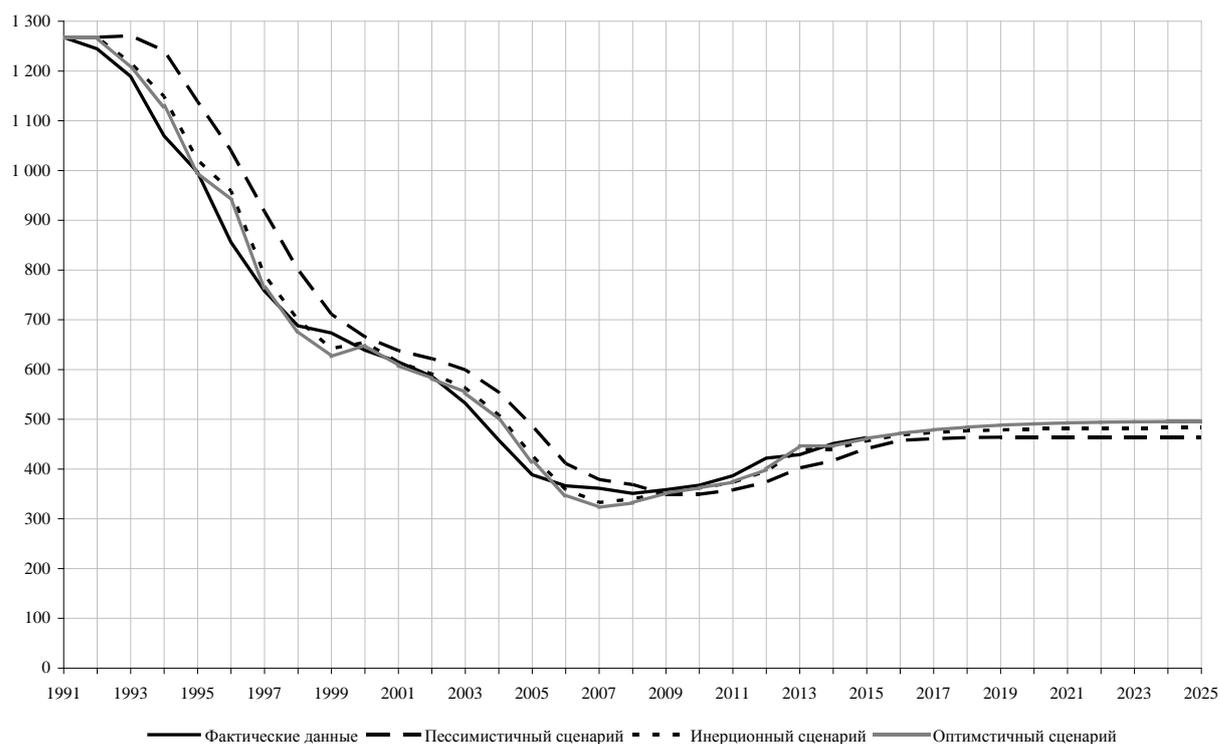

Рисунок 13 – Прогноз поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий Воронежской области, тыс. гол.

Рост поголовья коров прогнозируется несколько более высокими темпами, чем в целом по крупному рогатому скоту (таблица 28 и рисунок 14), в том числе за счет развития мясного скотоводства, предполагающего более высокий удельный вес коров в стаде.

Таблица 28 – Прогноз поголовья коров в Воронежской области, тыс. гол. в среднем за год в периоде

Сценарии развития	Факт					Прогноз	
	1991-1995 гг.	1996-2000 гг.	2001-2005 гг.	2006-2010 гг.	2011-2015 гг.	2016-2020 гг.	2021-2025 гг.
Сельскохозяйственные организации							
Пессимистичный	364,8	237,7	130,1	75,0	100,6	113,1	114,0
Инерционный						122,0	127,3
Оптимистичный						125,0	137,5
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Пессимистичный	1,5	1,3	3,4	5,9	8,6	12,5	13,0
Инерционный						12,9	14,2
Оптимистичный						14,3	16,1
Хозяйства населения							
Пессимистичный	118,7	108,5	82,2	67,5	61,3	48,7	45,9
Инерционный						48,5	42,9
Оптимистичный						47,0	39,1
Хозяйства всех категорий							
Пессимистичный	485,0	347,4	215,7	148,3	170,4	174,4	172,9
Инерционный						183,4	184,4
Оптимистичный						186,3	192,8

Рост поголовья коров в сельскохозяйственных организациях и хозяйствах населения будет в определенной мере компенсироваться снижением поголовья в хозяйствах населения.

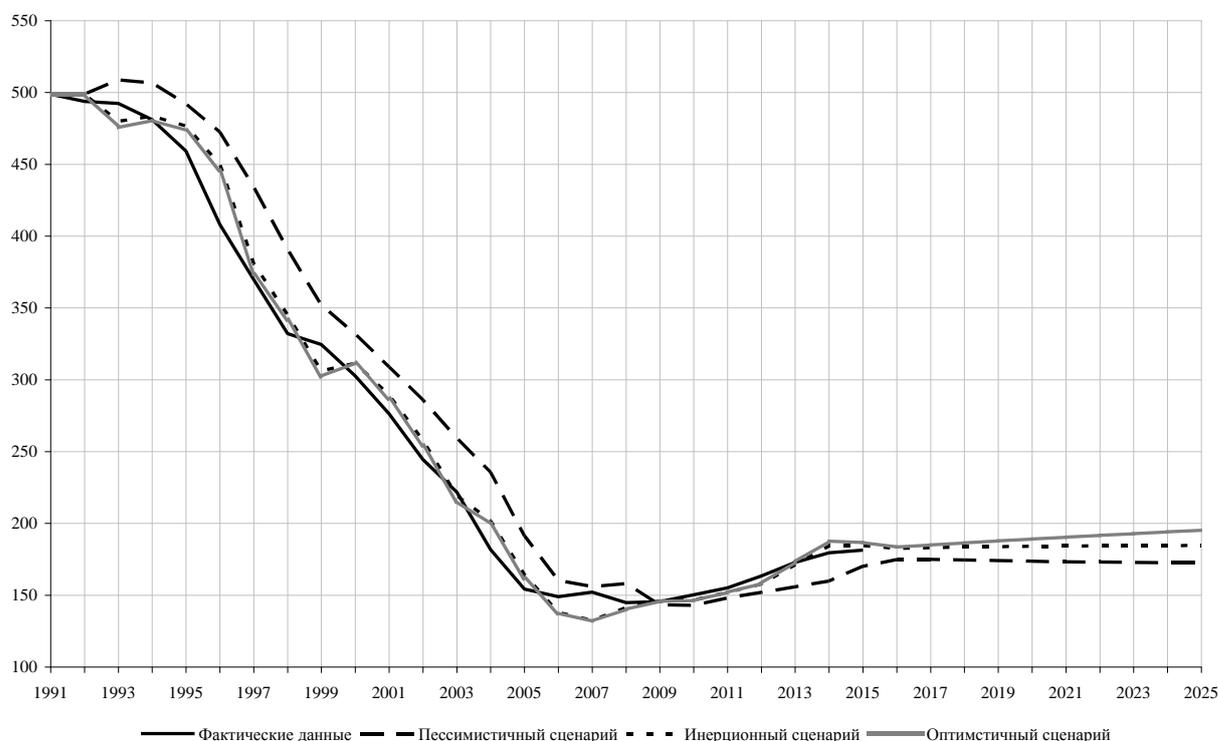

Рисунок 14 – Прогноз поголовья коров в хозяйствах всех категорий Воронежской области, тыс. гол.

Тенденции изменения поголовья свиней в регионе будут формироваться на основе разнонаправленных векторов развития свиноводства в сельскохозяйственных организациях, фермерских хозяйствах и хозяйствах населения. Постоянное возникновение очагов африканской чумы свиней и угроза масштабных эпидемий обусловили давление властей региона на сельское население и фермеров с целью максимального сокращения поголовья свиней в малых формах хозяйствования и создания благоприятных условий для развития производства свинины на базе крупных комплексов (таблица 29 и рисунок 15). Несмотря на довольно высокие темпы роста поголовья свиней в сельскохозяйственных организациях, темпы роста поголовья по всем категориям хозяйств будут гораздо ниже за счет устойчивого снижения поголовья свиней в фермерских хозяйствах и хозяйствах населения.

Таблица 29 – Прогноз поголовья свиней в Воронежской области, тыс. гол. в среднем за год в периоде

Сценарии развития	Факт					Прогноз	
	1991-1995 гг.	1996-2000 гг.	2001-2005 гг.	2006-2010 гг.	2011-2015 гг.	2016-2020 гг.	2021-2025 гг.
Сельскохозяйственные организации							
Пессимистичный	774,4	349,1	227,0	198,7	426,9	450,1	453,6
Инерционный						490,3	502,2
Оптимистичный						530,6	569,2
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Пессимистичный	3,5	4,4	9,6	23,2	7,9	1,1	0,7
Инерционный						1,9	1,3
Оптимистичный						3,5	3,4
Хозяйства населения							
Пессимистичный	164,8	192,4	185,9	219,4	95,0	28,1	17,1
Инерционный						24,5	10,3
Оптимистичный						21,9	5,1
Хозяйства всех категорий							
Пессимистичный	942,7	545,9	422,4	441,3	559,3	479,3	471,3
Инерционный						516,7	513,9
Оптимистичный						556,0	577,7

По прогнозным расчетам даже в условиях пессимистичного варианта в 2025 г. поголовье свиней в хозяйствах населения едва превысит 17 тыс. гол.

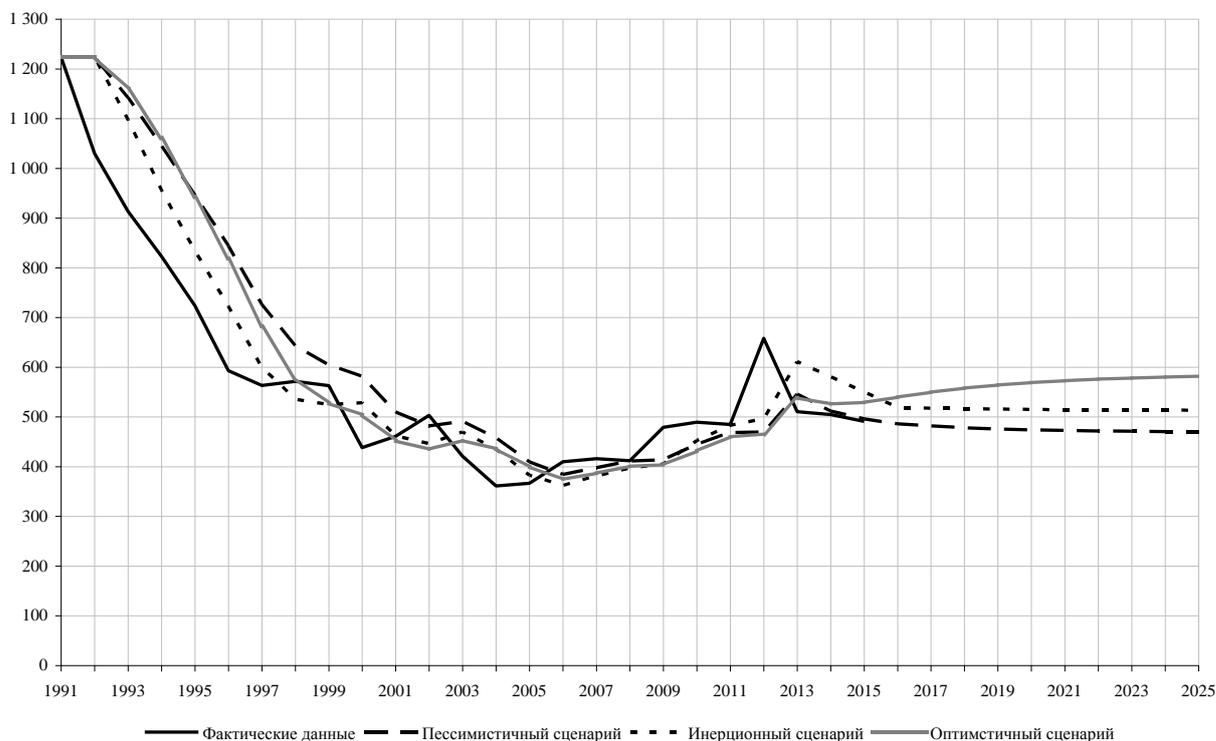

Рисунок 15 – Прогноз поголовья свиней в хозяйствах всех категорий Воронежской области, тыс. гол.

Дополнительным ограничителем роста поголовья свиней является довольно высокий уровень насыщенности рынка свинины при незначительном росте платежеспособного спроса населения на свинину.

По прогнозу при условиях оптимистичного варианта поголовье птицы в сельскохозяйственных организациях вырастет к 2025 г. по сравнению с 2015 г. на 372,8 тыс. гол. (на 3,8%) (таблица 29 и на рисунок 16).

Таблица 30 – Прогноз поголовья птицы в Воронежской области, тыс. гол. в среднем за год в периоде

Сценарии развития	Факт					Прогноз	
	1991-1995 гг.	1996-2000 гг.	2001-2005 гг.	2006-2010 гг.	2011-2015 гг.	2016-2020 гг.	2021-2025 гг.
Сельскохозяйственные организации							
Пессимистичный	6 443,8	2 728,3	2 882,9	4 580,2	8 852,8	9 777,4	9 866,6
Инерционный						9 763,9	9 940,6
Оптимистичный						10 056,0	10 201,9
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Пессимистичный	н.д.	7,1	20,6	27,3	117,1	289,8	297,4
Инерционный						289,6	307,9
Оптимистичный						294,9	315,5
Хозяйства населения							
Пессимистичный	н.д.	2 200,3	5 348,1	5 205,6	5 398,6	5 461,3	5 472,2
Инерционный						5 435,5	5 438,3
Оптимистичный						5 386,0	5 394,1
Хозяйства всех категорий							
Пессимистичный	н.д.	4 935,6	8 251,6	9 813,1	14 368,5	15 528,5	15 636,2
Инерционный						15 488,9	15 686,9
Оптимистичный						15 736,9	15 911,5

По хозяйствам всех категорий рост поголовья птицы даже в условиях оптимистичного варианта составит немногим более 2,3%.

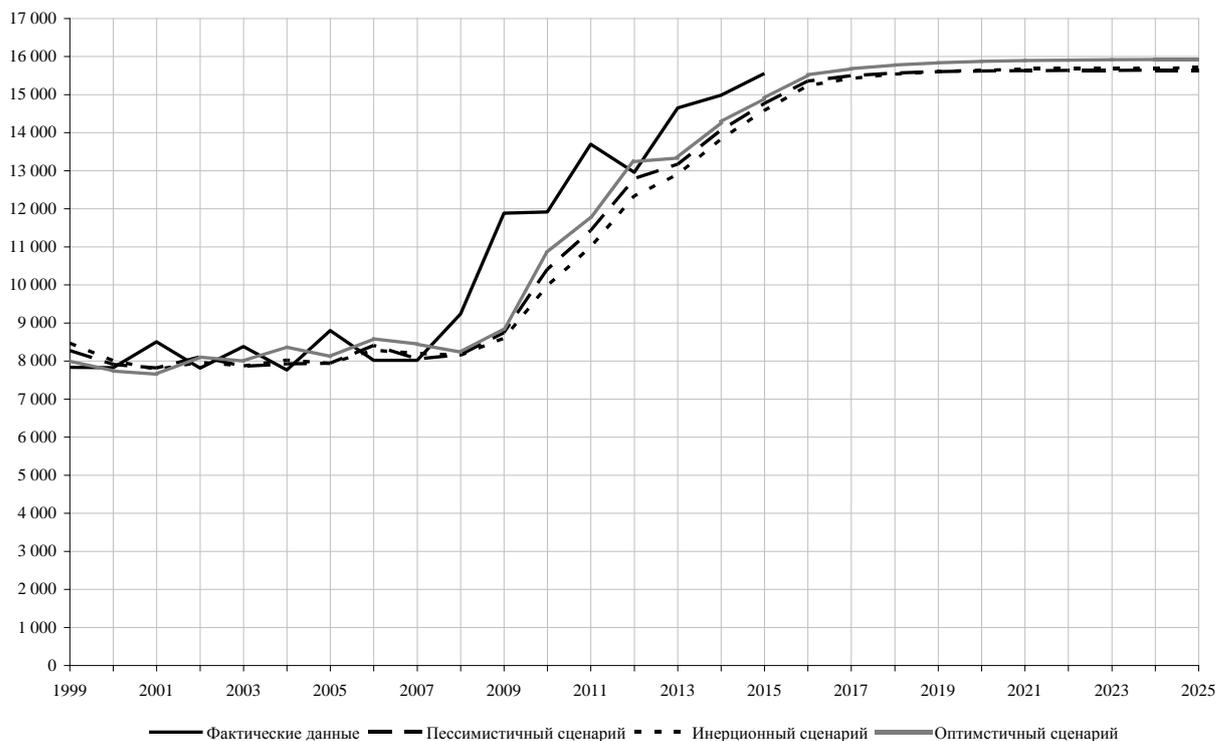

Рисунок 16 – Прогноз поголовья птицы в хозяйствах всех категорий Воронежской области, тыс. гол.

Овцеводство и козоводство в Воронежской области особого товарного значения не имеют, и поголовье овец и коз в хозяйствах всех категорий в среднесрочной и долгосрочной перспективе изменяться будет незначительно (рисунок 17).

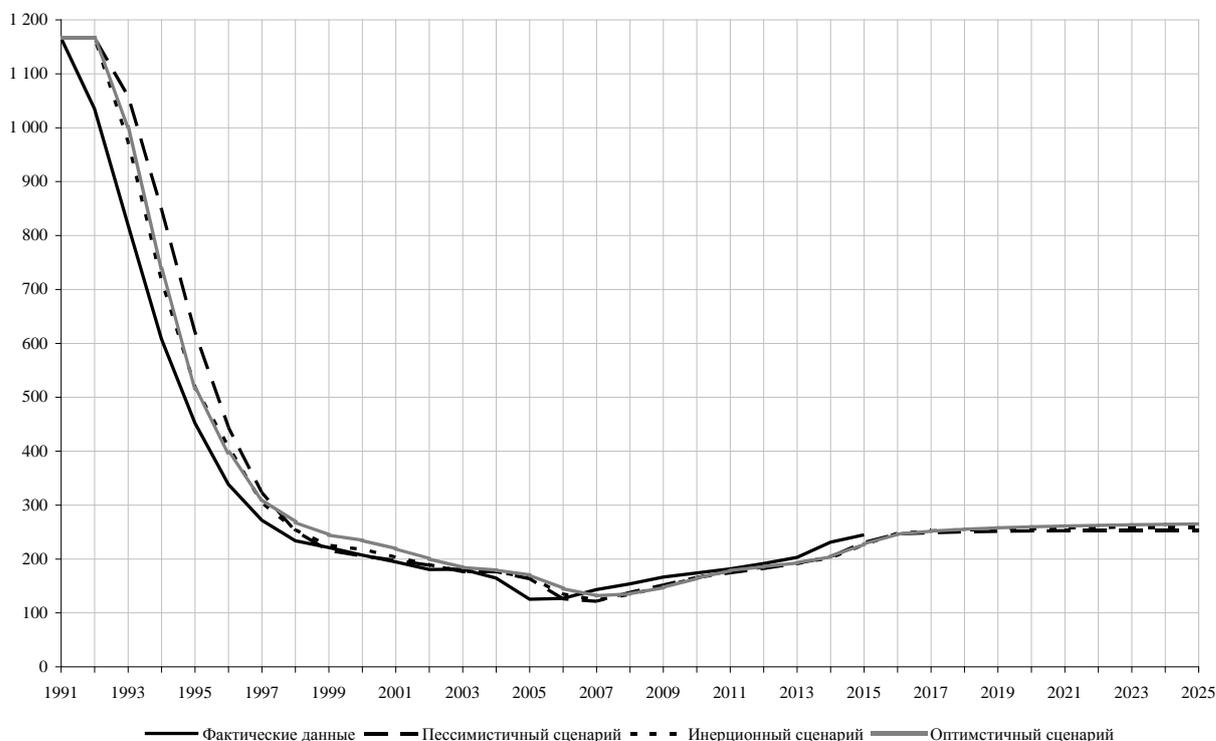

Рисунок 17 – Прогноз поголовья овец и коз в хозяйствах всех категорий Воронежской области, тыс. гол.

Поскольку прогноз изменения поголовья сельскохозяйственных животных и птицы в разрезе различных категорий хозяйств для условий пессимистичного, инерционного и оптимистичного сценариев был разработан на основе метода экспоненциального сглаживания с демпфированным трендом, то модель по оптимизации отраслевой структуры производства может быть сведена к модели по оптимизации структуры посевных площадей с гарантированным обеспечением отрасли животноводства кормами собственного производства. Данная модель реализуется для каждой категории хозяйств по каждому варианту развития. При этом в качестве критерия оптимальности для сельскохозяйственных организаций принимается максимизация суммы прибыли, для крестьянских (фермерских) хозяйств – максимизация суммы валового дохода, а для хозяйств населения – максимизация стоимости валового

вой продукции. Результаты решения данной экономико-математической задачи в многовариантной постановке приведены в таблице 31 и приложениях К-Л (для хозяйств различных категорий).

Таблица 31 – Размер и структура посевных площадей в хозяйствах всех категорий Воронежской области

Сельскохозяйственные культуры	Фактически в 2011-2015 гг.		Прогноз по сценариям (в среднем за 2020-2025 гг.)					
			пессимистичный		инерционный		оптимистичный	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Зерновые и зернобобовые	1 407,4	46,1	1 423,6	46,7	1 449,2	47,5	1 584,5	52,0
пшеница озимая	567,6	18,6	597,1	19,6	635,4	20,8	697,7	22,9
ячмень яровой	408,7	13,4	436,4	14,3	447,0	14,7	467,0	15,3
кукуруза на зерно	193,7	6,4	204,6	6,7	220,2	7,2	262,9	8,6
прочие зерновые	237,4	7,8	185,5	6,1	146,6	4,8	156,9	5,1
Технические	667,8	21,9	707,4	23,2	731,7	24,0	749,0	24,6
сахарная свекла	131,6	4,3	131,3	4,3	133,6	4,4	139,7	4,6
подсолнечник	460,1	15,1	493,1	16,2	478,4	15,7	469,7	15,4
соя	40,4	1,3	48,6	1,6	86,1	2,8	106,8	3,5
прочие технические	35,8	1,2	34,4	1,1	33,6	1,1	32,8	1,1
Картофель	98,8	3,2	99,5	3,3	97,2	3,2	96,5	3,2
Овощи	22,9	0,8	23,7	0,8	23,3	0,8	23,7	0,8
Кормовые	332,1	10,9	344,7	11,3	359,7	11,8	371,9	12,2
кукуруза	84,7	2,8	81,4	2,7	81,7	2,7	81,6	2,7
однолетние травы	107,3	3,5	116,2	3,8	121,8	4,0	128,1	4,2
многолетние травы	132,2	4,3	141,2	4,6	150,3	4,9	157,8	5,2
прочие кормовые	7,9	0,3	6,0	0,2	5,8	0,2	4,4	0,1
Прочие культуры	2,8	0,1	2,5	0,1	2,6	0,1	1,7	0,1
Всего посевов	2 531,9	83,0	2 601,4	85,3	2 663,6	87,3	2 827,4	92,7
Пары	518,1	17,0	446,5	14,6	383,1	12,6	217,7	7,1
Всего пашни	3 050,0	100,0	3 047,9	100,0	3 046,8	100,0	3 045,1	100,0

При сохраняющемся размере пашни, находящейся в хозяйственном обороте хозяйств всех категорий Воронежской области, прогнозируется устойчивый рост посевных площадей, что позволит в условиях инерционного варианта сократить удельный вес паров в площади пашни до 12,6%, а в условиях оптимистичного варианта – до 7,1%.

Общие изменения размера сельскохозяйственных отраслей в сельскохозяйственных организациях Воронежской области приведены в приложении К и таблице 32.

Таблица 32 – Размер отраслей в сельскохозяйственных организациях Воронежской области

Показатели	2015 г.	Сценарии		
		пессими- стичный	инерцион- ный	оптими- стичный
Посевные площади, тыс. га				
Зерновые и зернобобовые	1 023,5	1 011,5	1 020,0	1 153,1
Технические	504,4	528,4	547,9	561,0
в т.ч. сахарная свекла	97,4	114,2	116,1	121,4
подсолнечник	303,9	345,3	328,4	318,9
soя	59,1	42,4	77,8	95,6
Кормовые	279,2	280,2	290,8	298,1
Всего посевов	1 809,9	1 823,5	1 863,0	2 017,3
Поголовье сельскохозяйственных животных и птицы, тыс. гол				
Крупный рогатый скот всего	291,9	288,2	327,5	347,3
в т.ч. коровы	115,0	113,3	126,6	136,8
КРС молочного направления	211,8	206,4	231,3	239,1
в т.ч. основное стадо	84,7	82,4	90,2	95,8
животные на выращивании и откорме	127,1	124,0	141,1	143,3
КРС мясного направления	80,1	81,8	96,2	108,2
в т.ч. основное стадо	30,3	31,0	36,4	40,9
животные на выращивании и откорме	49,8	50,8	59,8	67,2
Свиньи	448,6	453,6	502,2	569,2
в т.ч. основные и проверяемые свиноматки	41,0	41,4	45,9	52,0
животные на выращивании и откорме	407,6	412,1	456,4	517,2
Овцы и козы	30,5	31,0	35,9	39,9
в т.ч. основное стадо	15,0	15,3	17,7	19,6
животные на выращивании и откорме	15,5	15,8	18,2	20,3
Птица, тыс. гол.	9 838,0	9 866,6	9 940,6	10 201,9
в т.ч. птица взрослая	2 206,5	2 210,9	2 217,5	2 239,6
молодняк на выращивании	7 631,5	7 655,6	7 723,1	7 962,3

Прогнозируемые изменения посевных площадей и поголовья сельскохозяйственных животных и птицы позволяют сформировать информационный базис для определения прогнозной численности работников сельскохозяйственных организаций Воронежской области.

Потребность в основных, обслуживающих и вспомогательных работниках растениеводства и животноводства, работниках основных и обслуживающих производств, руководителях и специалистах, работниках, занятых несельскохозяйственной деятельностью определялась на основе расчета технологических карт, сводных отчетов по сельскохозяйственным организациям Воронежской области, разработок научных коллективов по внедрению инно-

вационных агротехнологий и модернизации материально-технической базы сельскохозяйственных производителей. При реализации пессимистичного сценария предполагалось сохранение существующих технологий содержания скота и птицы при низких темпах модернизации технологического оборудования. Обновление техники в растениеводстве прогнозируется более высокими темпами. При реализации инерционного и оптимистичного варианта предусматривается применение современных ресурсо- и трудосберегающих агротехнологий, увеличение нагрузки на одного работника за счет использования более производительных средств труда. Информация, отражающая изменения размера пашни в хозяйственном обороте сельскохозяйственных организаций и поголовья скота и птицы в сельскохозяйственных организациях Воронежской области приведена в таблице 33.

Таблица 33 – Прогнозируемые изменения площади пашни, поголовья скота и птицы в сельскохозяйственных организациях Воронежской области (2020-2025 гг.), по сравнению с 2015 г.

Показатели	Сценарии		
	пессимистичный	инерционный	оптимистичный
Площадь пашни, тыс. га	-17,9	-33,3	-42,7
Поголовье КРС всего, тыс. гол.	-1,2	38,1	57,9
в т.ч. коровы	-1,0	12,3	22,4
КРС молочного направления, тыс. гол.	-2,9	22,1	29,9
в т.ч. основное стадо	-1,6	6,2	11,8
животные на выращивании и откорме	-1,3	15,9	18,0
КРС мясного направления, тыс. гол.	1,7	16,0	28,0
в т.ч. основное стадо	0,6	6,1	10,6
животные на выращивании и откорме	1,0	10,0	17,4
Свиньи, тыс. гол.	4,9	53,6	120,6
в т.ч. основные и проверяемые свиноматки	0,5	4,9	11,0
животные на выращивании и откорме	4,5	48,7	109,5
Овцы и козы, тыс. гол.	6,5	11,3	15,3
в т.ч. основное стадо	3,2	5,6	7,5
животные на выращивании и откорме	3,3	5,7	7,8
Птица, тыс. гол.	28,6	102,6	363,9
в т.ч. птица взрослая	4,4	11,0	33,1
молодняк на выращивании	24,1	91,6	330,9

Расчет изменения потребности в работниках всех категорий в сельскохозяйственных организациях Воронежской области приведены в таблице 33.

Таблица 34 – Фактическая и прогнозная (на 2020-2025 гг.) среднегодовая численность работников сельскохозяйственных организаций Воронежской области, чел.

Категория работников	2015 г.	Сценарии		
		пессимистичный	инерционный	оптимистичный
Работники отрасли растениеводства	8 032	7 868	7 692	7 424
из них трактористы-машинисты	6 584	6 450	6 384	6 264
Работники отрасли молочного скотоводства	5 729	5 196	6 184	6 478
их них основной персонал	4 715	4 330	5 107	5 340
в т.ч. операторы машинного доения	2 267	2 060	2 416	2 563
скотники стада КРС молочного направления	2 448	2 270	2 691	2 777
Работники отрасли мясного скотоводства	428	396	506	564
их них основной персонал	376	360	446	499
Работники отрасли свиноводства	1 941	1 814	2 155	2 423
их них основной персонал	956	907	1 063	1 197
Работники отрасли птицеводства	1 524	1 326	1 536	1 565
их них основной персонал	1 349	1 184	1 359	1 385
Работники отрасли овцеводства	90	91	123	135
их них основной персонал	78	79	107	117
Прочие работники животноводства	184	180	178	178
Постоянные рабочие основных отраслей	17 839	16 780	18 251	18 632
Рабочие вспомогательных и обслуживающих производств	8 347	7 803	8 437	8 505
Всего постоянных работников	26 186	24 583	26 688	27 137
Сезонные и временные работники	1 689	1 721	1 601	1 574
Руководители и специалисты	8 652	8 123	8 140	8 277
Всего, занятых в сельскохозяйственном производстве	36 527	34 427	37 030	37 479
Работники, занятые прочими видами деятельности	3 909	3 787	4 563	5 242
Всего по сельскохозяйственным организациям	40 436	38 214	41 592	42 720

Развитие агропромышленной интеграции в регионе, позволившее существенно модернизировать материально-техническую базу аграрного производства и стабилизировать поголовье скота и птицы, обусловило снижение темпов сокращения численности работников и создание новых высокотехнологичных рабочих мест в аграрном секторе области. Но при условии реализации пессимистичного варианта численность работников сельскохозяйственных организаций будет продолжать сокращаться (с 40,4 тыс. чел. в 2015

г. до 38,2 тыс. чел. в 2020-2025 гг. или на 5,6%). И лишь в условиях инерционного и оптимистичного сценариев ожидается незначительный рост занятых в сельскохозяйственных организациях (на 2,9% и 5,6% соответственно). При этом рост занятых в сельскохозяйственном производстве будет еще ниже (1,4% и 2,6%). То есть перспективы значительного роста занятости сельского населения даже в условиях оптимистичного сценария отсутствуют.

Информация об изменениях размера сельскохозяйственных отраслей в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области приведена в приложении К и таблице 35.

Таблица 35 – Размер отраслей в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области

Показатели	2015 г.	Сценарии		
		пессимистичный	инерционный	оптимистичный
Посевные площади, тыс. га				
Зерновые и зернобобовые	366,7	395,3	410,4	412,5
Технические	165,0	173,7	178,6	182,9
в т.ч. сахарная свекла	17,3	13,5	13,9	14,8
подсолнечник	135,2	146,1	148,4	149,2
соя	4,3	6,2	8,3	11,2
Кормовые	31,5	44,7	49,5	55,6
Всего посевов	571,2	621,5	646,7	660,6
Поголовье сельскохозяйственных животных и птицы, тыс. гол				
Крупный рогатый скот всего	32,8	36,4	41,2	48,2
в т.ч. коровы	12,4	13,0	14,2	16,1
КРС молочного направления	27,5	30,8	33,8	38,2
в т.ч. основное стадо	11,0	11,6	12,3	13,5
животные на выращивании и откорме	16,5	19,3	21,6	24,7
КРС мясного направления	5,3	5,5	7,4	10,0
в т.ч. основное стадо	1,4	1,5	1,9	2,6
животные на выращивании и откорме	3,9	4,1	5,4	7,4
Свины	3,5	0,7	1,3	3,4
в т.ч. основные и проверяемые свиноматки	0,3	0,1	0,1	0,3
животные на выращивании и откорме	3,2	0,6	1,2	3,1
Овцы и козы	69,1	71,1	77,2	81,1
в т.ч. основное стадо	40,6	41,8	45,4	47,6
животные на выращивании и откорме	28,5	29,3	31,9	33,5
Птица, тыс. гол.	278,3	297,5	309,0	316,7
в т.ч. птица взрослая	8,2	8,2	8,2	8,3
молодняк на выращивании	270,1	289,3	300,8	308,4

Фермерский сектор сохранит тенденцию наращивания посевных площадей, расширяя, в первую очередь, посеvy зерновых, подсолнечника, сои и

кормовых культур. В условиях оптимистичного варианта в хозяйственный оборот крестьянских (фермерских) хозяйств может быть вовлечено дополнительно более 47 тыс. га пашни, рост среднегодового поголовья крупного рогатого скота в 2020-2025 гг. по сравнению с 2015 г. прогнозируется на 47,0%, овец и коз – на 17,4%, птицы – на 13,8% при незначительном сокращении поголовья свиней (на 3%). При условиях инерционного сценария поголовье свиней у фермеров может сократиться почти на 62%, а пессимистичного сценария – более чем на 81% (таблица 36).

Таблица 36 – Прогнозируемые изменения площади пашни, поголовья скота и птицы в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области (2020-2025 гг.), по сравнению с 2015 г.

Показатели	Сценарии		
	пессимистичный	инерционный	оптимистичный
Площадь пашни, тыс. га	15,9	36,5	47,3
Поголовье КРС всего, тыс. гол.	3,6	8,4	15,4
в т.ч. коровы	0,6	1,8	3,7
КРС молочного направления, тыс. гол.	3,3	6,3	10,7
в т.ч. основное стадо	0,6	1,3	2,5
животные на выращивании и откорме	2,8	5,1	8,2
КРС мясного направления, тыс. гол.	0,3	2,1	4,7
в т.ч. основное стадо	0,1	0,6	1,3
животные на выращивании и откорме	0,2	1,6	3,5
Свиньи, тыс. гол.	-2,8	-2,2	-0,1
в т.ч. основные и проверяемые свиноматки	-0,3	-0,2	0,0
животные на выращивании и откорме	-2,6	-1,9	-0,1
Овцы и козы, тыс. гол.	2,0	8,1	12,0
в т.ч. основное стадо	1,2	4,8	7,0
животные на выращивании и откорме	0,8	3,4	4,9
Птица, тыс. гол.	19,2	30,7	38,4
в т.ч. птица взрослая	0,02	0,04	0,12
молодняк на выращивании	19,2	30,7	38,3

Очевидно, что фермерский сектор не может использовать технологии, присущие крупно товарному производству, особенно в отрасли животноводства, что позволяет рассчитывать на создание дополнительных рабочих мест. Роль крестьянских (фермерских) хозяйств в обеспечении занятости сельского населения хорошо демонстрирует изменения числа занятых в фермерском

производстве, произошедшие с момента сельскохозяйственной переписи 2006 г. (таблица 37).

Таблица 37 – Численность занятых в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области, чел

Категория занятых	2006 г.	2015 г.
Количество хозяйств и индивидуальных предпринимателей	4 184	2 658
Главы и члены хозяйств, индивидуальные предприниматели	4 416	2 834
Наемные работники всего	4 299	4 502
в т.ч. постоянные	2 956	1 611
сезонные и временные	1 343	2 881

За счет резкого сокращения числа субъектов фермерского предпринимательства (на 36,5%) существенно снизилась численность глав и членов крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей: на 1 582 чел. или 35,8%). При общем росте наемных работников произошло их существенное перераспределение в пользу сезонных и временных работников.

Поскольку в крестьянских (фермерских) хозяйствах нет однозначного закрепления работников по отраслям, то изменение численности занятых в фермерском секторе необходимо проводить по категориям занятых, а темпы изменения численности занятых определять на основе оценок, данными специалистами, являющимися экспертами по развитию аграрного производства в малых формах хозяйствования.

При всех сценариях прогнозируется сокращение числа крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, но темпы сокращения существенно разнятся. Если в условиях пессимистичного сценария их количество сократится по прогнозу на 30,2%, то по инерционному – на 20,4%, а по оптимистичному – на 12,9%. Примерно такими же темпами сократится число глав и членов крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, но при этом число наемных работников будет расти на 2,4%, 10,8% и 20,1% соответственно (таблица 38).

Таблица 38 – Фактическая и прогнозная (на 2020-2025 гг.) среднегодовая численность занятых в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области, чел.

Категория работников	2015 г.	Сценарии		
		пессимистичный	инерционный	оптимистичный
Количество хозяйств и индивидуальных предпринимателей	2 658	1 856	2 115	2 314
Главы и члены хозяйств, индивидуальные предприниматели	2 834	2 078	2 255	2 418
Наемные работники всего	4 502	4 612	4 987	5 406
в т.ч. постоянные	1 621	1 702	1 961	2 237
сезонные и временные	2 881	2 910	3 025	3 169

В условиях оптимистичного варианта среднегодовая численность наемных работников в фермерском секторе прогнозируется на уровне 5,4 тыс. чел.

Наращивание объемов производства продукции сельскохозяйственными организациями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами в рамках реализации инерционного и оптимистичного варианта позволит увеличить численность занятых на 1,1 и на 2,8 тыс. чел соответственно (таблица 39)

Таблица 39 – Среднегодовая численность занятых в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах, чел.

Категория работников	2015 г.	Сценарии		
		пессимистичный	инерционный	оптимистичный
Работники сельскохозяйственных организаций	40 436	38 214	41 592	42 720
Занятые в фермерском секторе	7 336	6 690	7 242	7 824
Всего	47 772	44 904	48 834	50 544

Это позволит стабилизировать сельскохозяйственную занятость сельского населения и даже обеспечить определенный рост доходов сельских семей, на фоне сокращения общей численности сельского населения и его трудоспособной части.

Динамика изменения прогнозной численности сельского населения Воронежской области приведена на рисунке 18.

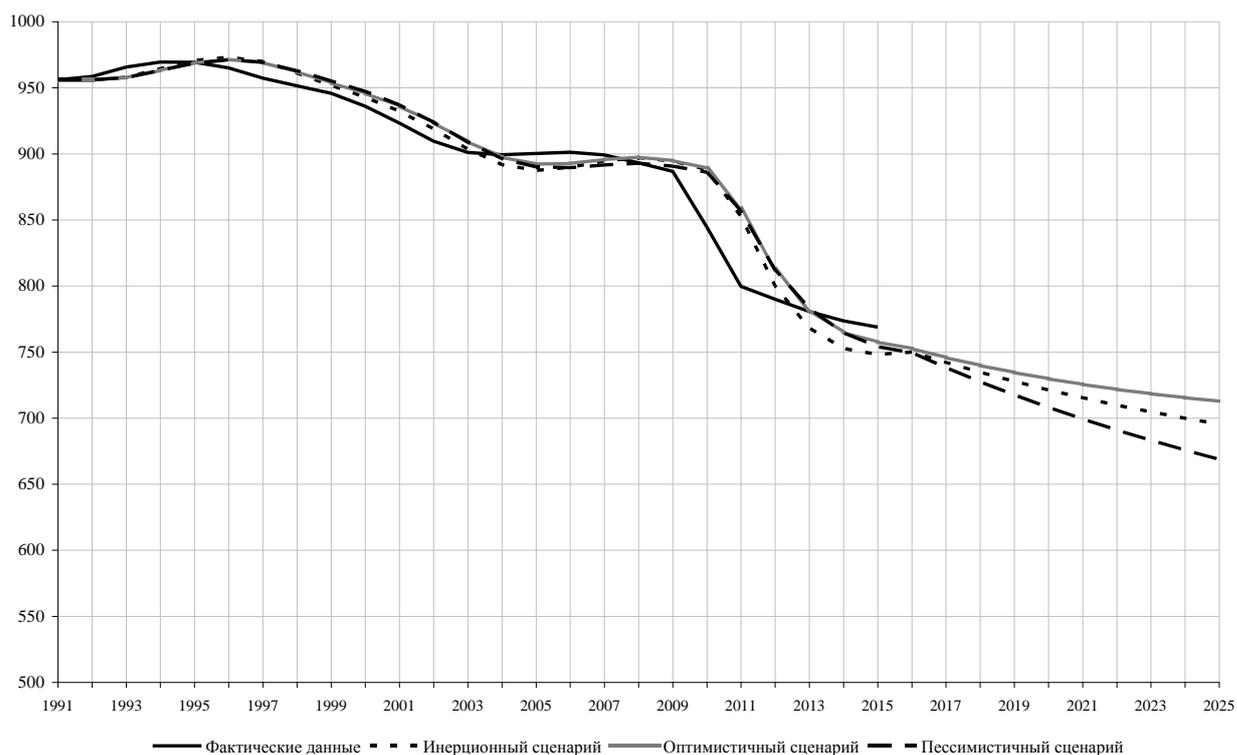

Рисунок 18 – Прогноз численности сельского населения Воронежской области, тыс. чел.

При прогнозируемых темпах изменения численности сельского населения и его трудоспособной части доля занятых в сельском хозяйстве будет изменяться по различным категориям занятых разнонаправлено (таблица 40).

Относительно низкие темпы роста занятости в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах (с учетом индивидуальных предпринимателей) будут компенсироваться ростом числа занятых производством сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах. В 2020-2025 гг. их среднегодовая численность прогнозируется на уровне 39,3 тыс. чел. (в 2015 г. данный показатель составлял 26,5 тыс. чел.). Темпы роста трудоспособного сельского населения занятого производством сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах будут зависеть от качества макроэкономической среды. В целом уровень сельскохозяйственной занятости сельского населения в условиях оптимистичного варианта может вырасти до 28,2%, в том числе занятых производством товарной продукции до 24,1%.

Таблица 40 – Сельскохозяйственная занятость трудоспособного сельского населения Воронежской области

Категория работников	2015 г.	Сценарии		
		пессимистичный	инерционный	оптимистичный
Всего сельского населения, тыс. чел.	768,9	683,5	705,0	718,7
в т.ч. в трудоспособном возрасте	416,5	343,1	361,7	372,3
Занятость в сельскохозяйственных организациях				
Численность занятых, тыс. чел.	40,4	38,2	41,6	42,7
Доля занятых в трудоспособных, %	9,7	11,1	11,5	11,5
Занятость в фермерском секторе				
Численность занятых, тыс. чел.	7,3	6,7	7,2	7,8
Доля занятых в трудоспособных, %	1,8	1,9	2,0	2,1
Занятость только в домашнем хозяйстве для производства продукции на продажу				
Численность занятых, тыс. чел.	26,5	27,9	32,5	39,3
Доля занятых в трудоспособных, %	6,4	8,1	9,0	10,6
Занятость только в домашнем хозяйстве для производства продукции для потребления				
Численность занятых, тыс. чел.	14,5	17,8	16,2	15,1
Доля занятых в трудоспособных, %	3,5	5,2	4,5	4,1
Занятость в сельском хозяйстве всего				
Численность занятых, тыс. чел.	88,7	90,6	97,5	104,9
Доля занятых в трудоспособных, %	21,3	26,4	27,0	28,2

Оценка перспектив роста несельскохозяйственной занятости сельского населения проводилась на основании опроса 40 глав администраций сельских поселений Воробьевского, Калачеевского, Нижнедевицкого, Павловского и Рамонского районов Воронежской области. Только два из них связывают перспективы появления новых рабочих мест в сельских населенных пунктах в бюджетных учреждениях, четыре – в сфере услуг, три – в торговле, по одному в развитии промышленных производств и сельского туризма. 72,5% опрошенных не ожидают появления новых несельскохозяйственных рабочих мест в возглавляемых ими сельских поселениях, более 77% респондентов связывают рост доходов сельских семей с повышением сельскохозяйственной занятости, в первую очередь, с ростом товарности продукции, произве-

денной в хозяйствах населения, и временным трудоустройством экономически активного сельского населения за пределами мест проживания их семей.

Оценка перспектив изменения уровня занятости сельского населения с позиций расширения возможностей реализации их экономических интересов позволяет сделать следующие выводы:

– в рамках управления развитием сельских территорий государство должно разработать на уровне регионов политику обеспечения занятости сельского населения, отражающую целевые индикаторы его численности, ожидаемые темпы ее роста или снижения, прогнозируемые изменения демографической структуры сельского сообщества;

– на уровне сельских поселений и муниципальных районов должны быть под патронажем государства проведены исследования трудового потенциала экономически активного сельского населения, выявлен дефицит и избыток трудовых ресурсов, разработаны программы обеспечения занятости сельского населения как за счет создания новых рабочих мест в сельских населенных пунктах, так и за счет обеспечения трудоустройства за пределами мест проживания;

– стимулируя развитие крупнотоварного производства, предполагающего существенный рост производительности аграрного труда и не предполагающего масштабного создания новых рабочих мест на селе, государство должно обеспечивать поддержку малого агробизнеса и самозанятости населения в домашних хозяйствах, в первую очередь, за счет развития сельской потребительской кооперации;

– с целью поддержания уровня доходности сельских семей, необходимого для реализации базовых экономических и социальных потребностей их членов, государство должно гарантировать минимальный уровень оплаты труда и адекватную индексацию социальных выплат, необходимых для воспроизводства человеческого капитала и доступности ключевых экономических благ;

– в рамках формирования благоприятной среды развития малых форм хозяйствования на селе на региональном уровне целесообразно разработать программу их развития по образцу программы «Семейные фермы Белогорья» и обосновать систему мероприятий по формированию материально-технической базы и инфраструктуры сельской кооперации, провести конкурсный отбор проектов развития потребительской кооперации с целью их софинансирования за счет бюджетных средств;

– представляется целесообразным предоставление льгот сельскохозяйственным организациям, оказывающим содействие малым формам хозяйствования в обработке земли, снабжении кормами, оказании ветеринарных, агротехнических, транспортных и других услуг;

– с целью развития предпринимательской инициативы предлагается существенно увеличить размеры хозяйств населения при сохранении статуса личных подсобных хозяйств;

– для повышения качества жизни на селе и сокращения оттока сельского населения необходимо обеспечить экономический и физический доступ селян к объектам инженерной и социальной инфраструктуры и потребляемым коммунальным и социальным услугам.

Расширение возможностей реализации экономических интересов сельского населения может быть обеспечено при комплексном воздействии таких факторов как повышение уровня его занятости и самозанятости, рост уровня оплаты труда и социальных выплат, снижение удельного веса расходов сельской семьи на оплату потребляемых благ при повышении качества жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В широком смысле экономические интересы представляются в виде осознанных потребностей, реализующихся в форме потребления экономических благ. Традиционно экономические интересы принято рассматривать в разрезе общественных, групповых (коллективных) и индивидуальных (личных) интересов. Именно совокупность интересов экономических субъектов и способов их реализации в условиях объективно существующих противоречий определяет систему экономических отношений общества. Необходимость разрешения противоречий порождает возникновение общественных институтов, воздействующих на отношения между экономическими агентами различного уровня и формирующих систему регламентации взаимодействия между ними. Ликвидация противоречий с помощью достижения компромисса предусматривает определенные ограничения экономической свободы всех участников процесса общественного воспроизводства и возможностей реализации собственных экономических интересов.

В качестве специфической группы индивидуумов следует выделять сельское население, возможности реализации экономических интересов которого существенно ограничиваются как спецификой развития самой отрасли аграрного производства, так и особенностями развития сельских территорий как пространственного базиса воспроизводства сельского сообщества. В этой связи целесообразно вести речь о механизме реализации экономических интересов сельского населения, представляющем собой совокупность структурных и функциональных элементов, обеспечивающих подсистем, инструментов и методов, ориентированных на управление процессами формирования благоприятных условий реализации экономических интересов как сельского сообщества в целом, так и их отдельных групп, проживающих на локализованных территориях, характеризующихся собственной спецификой развития.

Приоритетность индивидуальных интересов, декларируемая современными течениями экономической теории, не отвергает целесообразность их

консолидации на различных уровнях. Традиционной формой интеграции интересов индивидуумов являются домохозяйства, рассматривающиеся в качестве базиса воспроизводства человеческого капитала. Домохозяйство представляет собой общественный институт, сущность которого проявляется через признаваемую всеми экономическими субъектами систему формальных и неформальных правил, определяющих мотивы и условия экономического поведения и формирующих благоприятную среду реализации экономических интересов всех членов домашних хозяйств с учетом интересов других экономических агентов.

Специфика условий реализации экономических интересов сельского населения Воронежской области связана с устойчивым сокращением занятости сельского населения и рабочих мест на селе, более низким уровнем оплаты труда работников сельского хозяйства и среднедушевых доходов сельских домохозяйств, ограниченным экономическим и физическим доступом к значительной части экономических благ, невозможностью обеспечения полноценного питания жителей сельской местности, медленными темпами развития социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры села, повышением роли домашних хозяйств в балансировании доходов и расходов сельских семей и обеспечении их воспроизводства, деформацией демографической структуры сельского населения, ростом трудовой миграции, падением уровня предпринимательской активности жителей села, неразвитостью системы потребительской кооперации и др.

К числу основных факторов, влияющих на тип экономического поведения сельского населения, относятся: его социально-экономическое положение, уровень экономических потребностей, совокупность экономических и социальных интересов, жизненные установки различных групп населения и стереотипы их поведения, социальная ориентация аграрной и экономической политики; выбор стратегии экономического поведения отдельных групп сельского населения осуществляется исходя из их экономических интересов, социального положения, системы материальных и духовных ценностей, от-

ношения к труду, уровня консервативности, готовности к смене места жительства и образа жизни и т.п.; кардинальные институциональные преобразования и перманентный кризис обусловили рост дифференциации сельского населения, рост масштабов и углубление уже существовавших форм эксклюзий и появление их новых разновидностей; в силу отсутствия эффективных механизмов согласования и реализации экономических интересов различных групп сельского населения наблюдается обострение социальных противоречий и рост уровня социальной эксклюзии наиболее социально незащищенной их части.

Приоритетные направления развития механизма реализации экономических интересов сельского населения можно систематизировать в разрезе следующих пяти групп: формирование условий реализации экономических интересов (корректировка экономической политики государства и совершенствование институциональной среды; корректировка системы потребностей сельского населения; развитие государственно-частного партнерства и повышение социальной ответственности бизнеса; сокращение уровня экономического и социального неравенства на селе; обеспечение роста влияния общественных организаций на процессы развития сельских территорий, защита прав собственности сельских жителей на землю и др.); развитие сельской экономики (поддержка развития малых форм сельского предпринимательства и сельской потребительской кооперации, стимулирование создания новых рабочих мест в сельской местности, поддержка самозанятого сельского населения; стимулирование диверсификации сельской экономики; оптимизация системы подготовки кадров для сельского хозяйства и др.); обеспечение роста доходов сельского населения (обеспечение адекватного роста минимальной заработной платы, пенсий и пособий; мотивация трудовой и предпринимательской активности; снижение налоговой нагрузки на сельских предпринимателей, защита прав работающего населения и др.); ограничение роста расходов сельского населения (ограничение роста тарифов естественных монополий; сохранение доступности бесплатных медицинских и образо-

вательных услуг; обеспечение физической доступности потребительских товаров; формирование условий добросовестной конкуренции на локальных потребительских рынках и др.); повышение качества жизни (обеспечение доступности экономических благ; развитие социальной и инженерной структуры сельских поселений; интеграция сельского населения в единое информационное пространство; формирование уверенности в будущем, рост экономических и социальных потребностей, рационализация структуры расходов и др.).

Разработанная методика обоснования прогноза сельскохозяйственной занятости сельского населения на уровне региона предполагает реализацию следующих этапов. На первом этапе разрабатывается и реализуется экономико-математическая модель по оптимизации отраслевой структуры аграрного сектора региона в разрезе сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения, ориентированная на реализацию инерционного варианта развития. На втором этапе на основе разработанной экономико-математической модели определяются отраслевая структура аграрного сектора при улучшении макроэкономических условий (оптимистичный сценарий: рост инвестиций в сельское хозяйство и объемов его государственной поддержки на 10-15%) и при их ухудшении (пессимистичный сценарий: снижение инвестиций в сельское хозяйство и объемов его государственной поддержки на 10-15%). На третьем этапе определяется потребность в постоянных и сезонных работниках в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах по каждому из сценариев. На четвертом этапе, исходя из изменений демографической структуры сельского населения и прогнозируемых тенденций изменения его трудовой активности, определяются уровень самозанятости населения в домашних хозяйствах.

Относительно низкие темпы роста занятости в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах (с учетом индивидуальных предпринимателей) будут компенсироваться ростом числа занятых производством сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах. В

2020-2025 гг. их среднегодовая численность прогнозируется на уровне 39,3 тыс. чел. (в 2015 г. данный показатель составлял 26,5 тыс. чел.). Темпы роста трудоспособного сельского населения занятого производством сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах будут зависеть от качества макроэкономической среды. В целом уровень сельскохозяйственной занятости сельского населения в условиях оптимистичного варианта может вырасти до 28,2%, в том числе занятых производством товарной продукции до 24,1%.

Оценка перспектив изменения уровня занятости сельского населения с позиций расширения возможностей реализации их экономических интересов позволяет сделать следующие выводы:

- в рамках управления развитием сельских территорий государство должно разработать на уровне регионов политику обеспечения занятости сельского населения, отражающую целевые индикаторы его численности, ожидаемые темпы ее роста или снижения, прогнозируемые изменения демографической структуры сельского сообщества;

- на уровне сельских поселений и муниципальных районов должны быть под патронажем государства проведены исследования трудового потенциала экономически активного сельского населения, выявлен дефицит и избыток трудовых ресурсов, разработаны программы обеспечения занятости создания сельского населения как за счет создания новых рабочих мест в сельских населенных пунктах, так и за счет обеспечения трудоустройства за пределами мест проживания;

- стимулируя развитие крупнотоварного производства, предполагающего существенный рост производительности аграрного труда и не предполагающего масштабного создания новых рабочих мест на селе, государство должно обеспечивать поддержку малого агробизнеса и самозанятости населения в домашних хозяйствах, в первую очередь, за счет развития сельской потребительской кооперации;

- с целью поддержания уровня доходности сельских семей государство должно гарантировать минимальный уровень оплаты труда и адекватную ин-

дексацию социальных выплат, необходимых для воспроизводства человеческого капитала и доступности ключевых экономических благ;

– в рамках формирования благоприятной среды развития малых форм хозяйствования на селе на региональном уровне целесообразно разработать программу их развития по образцу программы «Семейные фермы Белогорья» и обосновать систему мероприятий по формированию материально-технической базы и инфраструктуры сельской кооперации, провести конкурсный отбор проектов развития потребительской кооперации с целью их софинансирования за счет бюджетных средств;

– представляется целесообразным предоставление льгот сельскохозяйственным организациям, оказывающим содействие малым формам хозяйствования в обработке земли, снабжении кормами, оказании ветеринарных, агротехнических, транспортных и других услуг;

– с целью развития предпринимательской инициативы предлагается существенно увеличить размеры хозяйств населения при сохранении статуса личных подсобных хозяйств;

– для повышения качества жизни на селе и сокращения оттока сельского населения необходимо обеспечить экономический и физический доступ селян к объектам инженерной и социальной инфраструктуры и потребляемым коммунальным и социальным услугам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев И.М. Согласование экономических интересов субъектов в хозяйственной системе / И.М. Авдеев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. - №4 (72). - С. 337-340.
2. Агибалов А.В. Теоретические аспекты механизма управления устойчивым развитием сельских территорий / А.В. Агибалов, Д.С. Клейменов // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. - 2015. - №3 - (46). - С. 235-239.
3. Алексеева Н.В. Перспективы развития аграрной структуры регионов Центрального Черноземья / Н.В. Алексеева // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2014. – Вып. 4. (43). – С. 197-204.
4. Алексеева Н.В. Сущность и особенности конкурентоспособности субъектов малого агробизнеса / Н.В. Алексеева, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2014. – Вып. 4 (43). – С. 179-188.
5. Альпидовская М.Л. Принципы организации и функционирования системы экономических интересов в современной экономике / М.Л. Альпидовская, Е.С. Стомпелева // Известия Волгоградского государственного технического университета. - 2016. - №1 (180). - С. 13-18
6. Аничин В.Л. Оценка реализации интересов в аграрном секторе экономики / В.Л. Аничин, А.Д. Елфимов // Экономика сельского хозяйства России. - 2015. - №5. - С. 25-31.
7. Анохов И.В. Индивидуальные и групповые интересы в экономической теории / И.В. Анохов // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2010. - №2. - С. 5-7.
8. Арженовский С.В. Социально-экономическая стратификация домохозяйств по потребительскому поведению / С.В. Арженовский, В.В. Мажара // Учет и статистика. - 2010. - №17. - С. 55-58.
9. Аткинсон Э.Б. Лекции по экономической теории государственного сектора / Э.Б. Аткинсон, Дж.Э. Стиглиц. – М.: Аспект-Пресс, 1995. - 832 с.
10. База данных муниципальных образований Воронежской области [Электронный ресурс] // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst20/DBInet.cgi>
11. Баландина Т.М. Комплексная модель мотивационного принуждения трудоспособного населения к реализации трудовой деятельности / Т.М. Ба-

ландина, А.А. Савенко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2015. - №4 (58). - С. 94-97.

12. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход: пер. с англ. / Г.С. Беккер. - М.:ГУ ВШЭ, 2003. - 672с.

13. Белкина Н.А. Классификация экономических интересов / Н.А. Белкина, П.А. Слав // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. - 2011. - №28 (245). - С. 58-66.

14. Белкина Н.А. Научные основы исследования экономических интересов / Н.А. Белкина, П.А. Слав // Челябинский гуманитарий. - 2011. - Т.1. - №14. - С. 35-46.

15. Белозеров С.А. Финансы домашних хозяйств как элемент финансовой системы / С.А. Белозеров // Финансы и кредит. - 2008. - №1 (289). - С. 29-37.

16. Бельченко О.А. Хозяйственный механизм реализации экономических интересов субъектов экономики как фактор эффективного развития производства / О.А. Бельченко, А.В. Саяпин // Социально-экономические явления и процессы. - 2011. - №12 (34). - С. 31-34.

17. Бибов М.Ф. Управление экономическим поведением: социосистемный аспект: автореф. дисс. ... канд. соц. наук (22.00.04) / М.Ф. Бибов. - Майкоп, 2000. - 24 с.

18. Богданова И.Н. Поведение экономических субъектов (домохозяйств) в классических концепциях и трактовках / И.Н. Богданова, В.В. Суркин // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). - 2008. - №11. - С. 69-75.

19. Богдановский В.А. Занятость в аграрной экономике: теоретико-методологические аспекты исследования / В.А. Богдановский // АПК: Экономика, управление. - 2016. - №1. - С. 75-80.

20. Богдановский В.А. К вопросу об эффективной структуре аграрной занятости / В.А. Богдановский // Никоновские чтения. - 2015. - №20-1 (20). - С. 392-395.

21. Бондаренко И.А. Домохозяйства в системе отношений экономических субъектов России: автореф. дис. ... докт. экон. наук (08.00.01) / И.А. Бондаренко. - Санкт-Петербург, 2014. - 36 с.

22. Бондаренко И.А. Институциональное поведение домохозяйств как фактор экономического роста / И.А. Бондаренко // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. - 2010. - №11. - С. 11-14.

23. Бондаренко И.А. Новый институциональный порядок российских домохозяйств / И.А. Бондаренко // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. - 2014. - №1. - С. 224-233.
24. Бородкин Ф.М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы // Россия, которую мы обретаем. – Новосибирск: Наука, 2003 - С 507-537.
25. Буздалов И.Н. О фундаментальных основах аграрной политики / И.Н. Буздалов // Агропродовольственная политика России. – 2016. - №1 (49). – С. 2-12.
26. Буздалов И.Н. Устойчивому развитию сельского хозяйства - новую стратегию аграрной политики / И.Н. Буздалов, К.С. Тихонков, А.И. Архипов // Горизонты экономики. - 2016. - №4 (30). - С. 15-23.
27. Бушуева О.Н. Место ЛПХв адаптивных моделях поведения сельского населения в современной России / О.Н. Бушуева // Наука и общество. - 2014. - №1 (16). - С. 99-102.
28. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. - М.: Прогресс, 1984. - 384 с.
29. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанина; Под ред. А. В. Гордона. - М.: Издательская группа «Прогресс» - «Прогресс-Академия», 1992. – 432 с.
30. Водяненко О.И. Развитие институтов реализации интересов субъектов постиндустриальной экономики / О.И. Водяненко, Е.Б. Жукова // Современная экономика: проблемы и решения. - 2014. - №9 (57). - С. 96-105.
31. Воронежский статистический ежегодник. 2015: Статистический сборник / Воронежстат. – Воронеж, 2015. – 312 с.
32. Воропаев А.И. Экономические интересы в аграрной сфере в условиях перехода к рыночным отношениям / А.И. Воропаев. - М.: Агри Пресс, 1996. – 194 с.
33. Гаммершмидт И.А. Особенности поведения сельских домохозяйств в экономике России: автореф. дис. ... канд. экон. наук (08.00.01) / И.А. Гаммершмидт. – Томск, 2010. – 23 с.
34. Гершкович Б.Я. Аграрные корпорации – перспективы развития / Б.Я. Гершкович // Экономист. - 2005. - №7. - С. 86-88.
35. Гимпельсон В.Е. Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. - 2015. - №7. - С. 87-119.

36. Головин С.В. Экономические интересы: политэкономический и пространственный подходы анализа / С.В. Головин, А.А. Муравьев, В.В. Чекмарев // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. - 2010. - №1. - С. 82-100.
37. Голубева Т.Г. Проблема актуализации факторов устойчивого развития сельских поселений (теория, политика, практика) / Т.Г. Голубева // Успехи современной науки. - 2015. - №3. - С. 70-74.
38. Гордеев А.В. Обеспечение эффективного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления Воронежской области / А.В. Гордеев // Власть. - 2016. - №3 – С. 7-11.
39. Горчев Й. Структура и содержание системы экономических интересов индивида: эволюция на пути к новой экономике / Й. Горчев // Социально-экономические явления и процессы. - 2012. - №3 (37). - С. 39-44.
40. Грязнова А.Г. Экономическая теория: Учебник / А.Г. Грязнова, Т В Чечелева. - М.:Издательство «Экзамен», 2005. - 592 с.
41. Губарь А.И. Проблемы институционализации экономических интересов в современном обществе / А.И. Губарь, Е.А. Губарь // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2015. - №3 (41). - С. 17-22.
42. Гурбан И.А. Национальный человеческий капитал России: региональная дифференциация / И.А. Гурбан // Фундаментальные исследования. - 2014. - № 5-5. - С. 1063-1069.
43. Денисова Д.Е. Воспроизводственные функции домохозяйства и их поддержка государством: автореф. дис. ... канд. экон. наук (08.00.01) / Д.Е. Денисова. – Москва, 2003. – 24 с.
44. Дугин П.И. Собственность и интересы в АПК: теоретико-методологические подходы / П.И. Дугин, В.Н. Галин // Вестник АПК Верхневолжья. - 2012. - №2. - С. 3-14.
45. Дульзон С.В. Экономическое содержание занятости и ее особенности в сельском хозяйстве / С.В. Дульзон // Вестник Государственного аграрного университета Северного Зауралья. - 2016. - №1 (32). - С. 162-169.
46. Жилищные условия. Воронежская область [Электронный ресурс] // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. – Режим доступа: http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/ru/statistics/housing/

47. Загайтов И.Б. К. Маркс и актуальные проблемы аграрной теории / И.Б. Загайтов и др. Под ред. И.Б. Загайтова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 335 с.
48. Загайтов И.Б. Объективные законы и экономические реалии / И.Б. Загайтов, С.И. Яблоновская // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. - 2012. - №3. - С. 73-81.
49. Закшевский В.Г. Модель социального партнерства на сельских территориях / В.Г. Закшевский, И.Н. Меренкова, В.Н. Перцев // АПК: Экономика, управление. - 2015. - №6. - С. 69-75.
50. Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории / А.Г. Здравомыслов. - Ленинград: Издательство ЛГУ, 1964. – 74 с.
51. Иванова Н.А. Теоретические подходы к исследованию домохозяйства как экономического субъекта / Н.А. Иванова // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2011. - №13 (132). - С. 197-201.
52. Ильин А.Е. Безработица сельского населения: состояние и пути снижения / А.Е. Ильин, Д.А. Савин, А.М. Конорев // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. - 2012. - №3. - С. 47-49.
53. Ильин А.Е. Уровень жизни как основная причина миграции населения / А.Е. Ильин, К.Д.А. Кассим // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. - 2013. - №7. - С. 24-25.
54. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года по Воронежской области: статистический сборник. – Воронеж: Статистическое управление Воронежской области, 1971. – 110 с.
55. Калугина З.И. Вектор посткризисного развития российской деревни / З.И. Калугина // Регион: экономика и социология. - 2010. - №3. - С.115-135.
56. Калугина З.И. Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий / З.И. Калугина // Регион: экономика и социология. - 2007. - №1. - С. 186-198.
57. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика / З.И. Калугина // Регион: Экономика и Социология. - 2012. - №2 (74). - С. 45-67.
58. Камдина Л.В. Домохозяйства как системы, взаимодействующие с общественной и природной средами / Л.В. Камдина // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. - 2013. - №6. - С. 56-59.

59. Канапухин П.А. Противоречия системы экономических интересов и их самовоспроизводство / П.А. Канапухин // Современная экономика: проблемы и решения. – 2010. - №6.- С. 28-37.
60. Карпова С.В. Проявление дисбаланса экономических интересов на различных уровнях хозяйственной системы современной России / С.В. Карпова, И.Н. Якунина // Социально-экономические явления и процессы. - 2010. - №6 (22). - С. 74-78.
61. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: 2-е изд., испр. и доп. / С.Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 307 с.
62. Колесникова О.Н. Социальное самочувствие и удовлетворенность жизнью населения региона: некоторые результаты исследования / О.Н. Колесникова // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. - 2015. - №7. - С. 92-98.
63. Колодина О.Ю. Специфика структурированности экономических интересов в современном российском обществе / О.Ю. Колодина // Социально-экономические явления и процессы. - 2012. - №12 (46). - С. 138-147.
64. Копач К.В. Развитие ЛПХ как одно из условий выживания российского крестьянства / К.В. Копач // Аграрная Россия. - 2008. - №1. - С. 23-25.
65. Королёва Н.Н. Воспроизводство человеческого капитала в условиях формирования региональной инновационной системы / Н.Н. Королёва // Регионология. - 2015. - №3 (92). - С. 124-132.
66. Косолапов В.П. Развитие сельской медицины в современных условиях на территории Воронежской области / В.П. Косолапов, Ю.М. Чубирко, Г.В. Сыч, И.Е. Чубирко // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. - 2015. - №61. - С. 30-34.
67. Кочеткова С.А. Механизмы государственно-частного партнерства в российском АПК / С.А. Кочеткова, Ю.А. Акимова // Фундаментальные исследования. - 2016. - №10-2. - С. 398-402.
68. Кузнецов Н.А. Социально-экономические основы землепользования и землеустройства / Под ред. В.Я. Заплетина, Н.А. Кузнецова. – Ч.1. – Воронеж: ВГАУ, 1999. – 323 с.
69. Курносов А.П. Информационное обеспечение управления земельными ресурсами / А.П. Курносов и др. - Воронеж: ВГАУ, 1999.- 258 с.
70. Курносов А.П. Качество продовольственного обеспечения как фактор реализации экономических интересов населения / А.П. Курносов, И.М.

Семенова, Д.И. Бабин // Стратегические направления развития АПК Центрального Черноземья в условиях импортозамещения: сб. науч. тр. – Воронеж: НИИЭиОАПК ЦЧР РФ, 2016. - С. 156-159.

71. Курносков А.П. Оптимизация параметров предпринимательских структур при их кооперации / А.П. Курносков, А.Ф. Демченко, А.В. Улезько, А.К. Камалаян // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 1999. - №6. -С.45-49.

72. Курносков А.П. Формирование и использование продовольственных ресурсов Воронежской области / А.П. Курносков, А.В. Улезько, Д.И. Бабин // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. - 2016. - Вып. 3 (50). – С. 261-270.

73. Кусмагамбетова Е.С. Социальная инфраструктура сельских территорий: состояние и основные направления совершенствования / Е.С. Кусмагамбетова // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. - 2016. - №2 (49). - С. 198-204.

74. Кучеров А.С. О структурах, лоббирующих интересы российских аграриев / А.С. Кучеров, А.С. Лылов // Агропродовольственная политика России. – 2016. - №4 (52). – С. 23-25.

75. Лавриненко В. Н. Интересы как категория исторического материализма // Вестник МГУ. Серия Философия. - 1964. - № 1.

76. Лаврова Т.В. Подходы к исследованию домашнего хозяйства как экономического субъекта / Т.В. Лаврова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. - 2007. - №3-4. - С. 5-11.

77. Лаврова Т.В. Противоречия экономических интересов домашнего хозяйства / Т.В. Лаврова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. - 2008. - №3. - С. 185-188.

78. Лагутин В.Д. Экономическая политика государства: сущность, этапы, механизмы / В.Д. Лагутин // Экономическая теория. - 2006. - Т.3. - №4 (4-2006). - С. 16-27.

79. Лобачева Е.Н. Инновационная цикличность и соподчиненность экономических интересов / Е.Н. Лобачева // Контроллинг. - 2015. - №55. - С. 26-31.

80. Логинова Л.В. Механизм институционализации интересов: сущность и роль в модернизации общества / Л.В. Логинова // Философия и общество. - 2008. - №4. - С. 146-157.

81. Лолаева Б.Х. Функциональное содержание и структурные уровни воспроизводства человеческого капитала / Б.Х. Лолаева // Terra Economicus. - 2008. - Т.6. - №1-3. - С. 419-420.
82. Лукьянова А.А. Взаимосвязь устойчивого развития экономической системы и экономических интересов / А.А. Лукьянова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. - 2008. - №11. - С. 54-57.
83. Макина В.А. Экономические интересы и их особенности в условиях социально-ориентированной рыночной экономики / В.А. Макина, И.А. Кузнецова, С.Н. Семенов // Перспективы науки. - 2013. - №2 (41). - С. 085-087.
84. Марковский А.А. К вопросу о сущности личных экономических интересов / А.А. Марковский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2009. - №4 (72). - С. 334-336.
85. Марковский А.А. Эволюция структуры личных экономических интересов на пути к новой экономике / А.А. Марковский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2009. - №5 (73). - С. 213-217.
86. Мелихов В.Ю. Экономические институты: сущность, содержание, понятие / В.Ю. Мелихов // Социально-экономические явления и процессы. - 2011. - №9 (31). - С. 118-122.
87. Мельникова А.С. Методические подходы к формированию моделей потребительского поведения домохозяйств в зависимости от уровня доходов населения региона / А.С. Мельникова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. - 2015. - №3. - С. 93-102.
88. Меренкова И.Н. Приоритеты социально ориентированного развития сельских территорий и поселений / И.Н. Меренкова, В.Н. Перцев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2016. - №4. - С. 54-57.
89. Меренкова И.Н. Социально-ориентированное развитие сельских территорий: проблемы и пути решения / И.Н. Меренкова, О.Ю. Савенкова // Фундаментальные исследования. - 2015. - №9-1. - С. 156-159.
90. Мигранова Л.А. Экономическое поведение: анализ и перспективы / Л.А. Мигранова, В.Б. Тореев, А.В. Ярашева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2014. - №1 (31). - С. 116-124.
91. Михайлов А.М. Проблемы реализации экономических и институциональных интересов собственников факторов производства / А.М. Михайлов; под ред. А.В. Мещерова. - М.: Экономические науки, 2006. - 232 с.

92. Муслова М.Е. Особенности функционирования домохозяйств в процессах воспроизводства человеческого капитала / М.Е. Муслова // Экономика образования. - 2010. - №4. - С. 234-237.
93. Неверов А.Н. Механизм согласования экономических интересов и диффузия субъектности / А.Н. Неверов // Наука и общество. - 2011. - №3. - С. 100-105.
94. Некипелов А.А. Становление и функционирование экономических институтов / А.А. Некипелов. - М.: Экономист, 2006. – 328 с.
95. Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капслюшникова. - М: ГУ ВШЭ, 2006. - 400 с.
96. Нечаев Д.Н. Концепция локальных сообществ сельских территорий в системе взаимодействия групп интересов, акторов региональной и местной политики / Д.Н. Нечаев //Среднерусский вестник общественных наук. - 2015. - Т.10. - №3. - С. 53-60.
97. Нечипоренко О. Специфика социальных конфликтов в сельских сообществах современной России / О. Нечипоренко // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2015. - №5. - С. 123-128.
98. Нечипоренко О.В. Адаптационные стратегии сельских локальных сообществ: новые аспекты типологии / О.В. Нечипоренко // Сибирский философский журнал. - 2008. - Т.6. - №2. - С. 108-114.
99. Нечипоренко О.В. Векторы развития сельских территорий в условиях глобальных вызовов / О.В. Нечипоренко, В.В. Самсонов // Сибирский философский журнал. - 2014. - Т.12. - №1. - С. 108-115.
100. О социально-экономическом положении Воронежской области в 2015 г.: Сообщение Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. – Режим доступа: http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/resources/625975804bd295258fea9fa3f8d7ae54/Publ_4kv2015.doc
101. Овчинцева Л.А. Эффективность сельского развития / Л.А. Овчинцева // Проблемы и перспективы устойчивого сельского развития: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. – Орёл: изд-во ОрёлГАУ, 2013. – С. 45-49.
102. Опыт проектирования свиноводческих ферм и комплексов с внедрением новых технологий / В.Н. Виноградов [и др.] - М.: ООО «Столичная типография», 2008. - 230 с.

103. Панюшкина Е.В. Проблема интерпретации сущности хозяйственно-го механизма с целью реализации экономических интересов хозяйствующих субъектов / Е.В. Панюшкина // Инновационная экономика и общество. - 2013. - №2 (2). - С. 62-66.
104. Петухова Е.П. Мотивация и экономическое поведение домашних хозяйств в современной России / Е.П. Петухова // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - №3. - С. 329.
105. Попов М.В. Сущность и функции домашних хозяйств в современной отечественной экономике / М.В. Попов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. №3 (78). – С. 81-84.
106. Попова И.В. Экономическое поведение сельского населения в личном подсобном хозяйстве / И.В. Попова // Вестник ИрГСХА. - 2010. - №39. - С. 68-77.
107. Пospelова Е.Б. Экономическое неравенство и социальная справедливость на современном этапе развития России / Е.Б. Пospelова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. - 2015. - №4. - С. 68-71.
108. Прогнозирование и планирование в условиях рынка / под ред. Т.Г. Морозовой, А.В. Никулина. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 195 с.
109. Рабочая сила, занятость и безработица в России [Электронный ресурс]: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2016. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm
110. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б Стародубцева. – М.: Инфра-М, 2011. – 512 с.
111. Реализация сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий за 2015 г.: бюллетень [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1265196018516
112. Реймер В. Методологические основы управления инновационным развитием территориально-отраслевых систем / В. Реймер, А. Улезько, С. Пастушенко // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2016. – №2. – С. 28-31.
113. Реймер В.В. Концептуальные и методологические подходы к формированию инновационной системы агропродовольственного комплекса /

В.В. Реймер, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. - 2015. - №4 (47). - С. 196-207.

114. Рождественский В.С. Защита субъектов аграрного производства от негативных воздействий ожесточенной конкуренции и теневой экономики / В.С. Рождественский // Бизнес, менеджмент и право. - 2007. - №3. – С. 116-122.

115. Рольская М.А. Экономические отношения и интересы: сущность, содержание и структура / М.А. Рольская // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2005. - №2. - С. 32-36.

116. Романова О.С. Согласование интересов участников рыночных отношений в рамках локального экономического пространства / О.С. Романова // Теоретическая экономика. - 2014. - №3 (21). - С. 43-46.

117. Россинская Г.М. Потребительское поведение домохозяйства в условиях трансформации российского общества / Г.М. Россинская // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. – 2009. - №3. – Т.12. – С. 22-36.

118. Рудалева И.А. Формирование и реализация экономических интересов в многоукладной аграрной экономике / И.А. Рудалева, О.А. Криошина // Казанский экономический вестник. - 2012. - №2. - С. 61-64.

119. Русинова О.С. Согласование противоречий интересов в контексте стратегического планирования регионального развития / О.С. Русинова // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. - 2014. - №14. - С. 56-61.

120. Савченко Т. Формы государственного регулирования производства сельскохозяйственной продукции в условиях кризиса / Т. Савченко, Е. Закшевская, Л. Урывская // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2010. - №1. - С. 12-15.

121. Савченко Т.В. Развитие аграрного потенциала сельских территорий / Т.В. Савченко, Ю.А. Просяникова, А.В. Улезько. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2015. – 175 с.

122. Савченко Т.В. Семейные фермы в системе устойчивого развития сельских территорий / Т.В. Савченко, А.В. Улезько, Л.В. Киященко. - Воронеж: ВГАУ, 2013. – 174 с.

123. Сазанова А.В. Влияние религии и культуры на формирование экономики, менталитета и домохозяйство / А.В. Сазанова // Инновации и инвестиции. - 2012. - №3. - С. 104-106.

124. Саяпин А. Факторы структурализации экономических интересов в условиях модернизации российской экономики / А. Саяпин, А. Шарова // Социально-экономические явления и процессы. - 2013. - №8 (54). - С. 88-91.

125. Свитич А.А. Особенности экономических интересов в условиях глобализации: автореф. дис. ... докт. экон. наук (08.00.05) / А.А. Свитич. – Москва, 2013. – 26 с.

126. Святодух Е.А. Методологические основы исследования эффективности воспроизводства человеческого капитала / Е.А. Святодух // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2008. - №1 (57). - С. 59-62.

127. Сельские населенные пункты РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Москва: Госкомстат РСФСР, 1991. – 367 с.

128. Семенова И.М. Домохозяйства в системе реализации экономических интересов сельского населения / И.М. Семенова, А.В. Улезько, В.В. Реймер // Экономика сельского хозяйства России. - 2016. - №8. - С. 89-95.

129. Семенова И.М. Домохозяйства как элемент системы воспроизводства человеческого капитала аграрной сферы / И.М. Семенова // Производство и переработка сельскохозяйственной продукции: менеджмент качества и безопасности: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. - Воронеж, ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2016. - С. 308-313.

130. Семенова И.М. Природа экономических интересов и условия их формирования / И.М. Семенова // Актуальные вопросы социально-экономического развития Амурской области: сб. науч. тр. - Благовещенск: Изд-во Дальневосточного ГАУ, 2016. - Вып.5. – С. 108-113.

131. Семенова И.М. Развитие инфраструктурного обеспечения малого агробизнеса / И.М. Семенова // Развитие агропродовольственного комплекса: экономика, моделирование и информационное обеспечение: сборник научных трудов. – Воронеж: ВГАУ, 2016. – С. 110-114.

132. Семенова И.М. Экономические интересы сельского населения: сущность и механизмы реализации / И.М. Семенова, А.В. Улезько, А.П. Курносков // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. - 2016. - Вып. 3 (50). – С. 229-239.

133. Сергеев М.П. Воспроизводство человеческого капитала: теоретические аспекты / М.П. Сергеев, Ш.И. Гафуров, Л.И. Гурьянова // Актуальные проблемы экономики и права. - 2009. - №2. - С. 41-45.

134. Сергиенко А.М. Общественные объединения сельской России: процессы формирования и институционализации / А.М. Сергиенко // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. - Серия № 3. - Гуманитарные и общественные науки. 2015. - №1. - С. 165-185.
135. Сергиенко А.М. Сельская бедность в России: методологические особенности исследования / А.М. Сергиенко // Известия Алтайского государственного университета. - 2012. - №2-1. - С. 220-224.
136. Сиднина Л.В. Создание эффективной иерархической системы экономических интересов – условие развития экономики России / Л.В. Сиднина // Теоретическая экономика. – 2012. - №2. – С. 16-21.
137. Силантьев А.В. Противоречия системы экономических интересов и теневые отношения / А.В. Силантьев // Экономические науки. 2007. - №4 (29) – С. 160-164.
138. Скворцов А.Ю. Генезис характеристики экономических интересов / А.Ю. Скворцов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2013. - Т.19. - №3. - С. 68-70.
139. Смагин Б.И. Сущность и методика определения показателей освоенности региона / Б.И. Смагин, С.К. Неуймин // Вопросы статистики. - 2005. - №12. – С. 19-23.
140. Солдатова И.Ю. Экономическое влияние улучшения качества жизни трудовых ресурсов в сельском хозяйстве / И.Ю. Солдатова // Современная наука. - 2015. - №3. - С. 22-24.
141. Сонников А.В. О развитии субъектно-объектного подхода к исследованию экономики домохозяйств / А.В. Сонников // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. - 2012. - №1. - С. 445-450.
142. Стародубровская И. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России / И. Стародубровская, Н. Миронова. – М.: Ин-т Гайдара, 2010. – 116 с.
143. Столяренко А.В. Структура организационно-экономического механизма функционирования санаторно-курортного предприятия / А.В. Столяренко // Бизнес информ. - 2013. - №1. - С. 235-238.
144. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: утверждена Распоряжением Правительства России от 2 февраля 2015 г. №151-р // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70761426/>

145. Сулова О.М. Воспроизводство человеческого капитала: политэкономический аспект / О.М. Сулова // Журнал экономической теории. - 2010. - №3. - С. 83-92.
146. Тельнова Н.Н. Сельские домашние хозяйства как объект управления в инновационной экономике региона / Н.Н. Тельнова, Е.А. Остапенко, А.К. Кобозев // Terra Economicus. - 2013. - Т.11. - №1-3. - С. 127-131.
147. Торгай Н.З. Экономическая безопасность домашних хозяйств в условиях транзитивной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук (08.00.01) / Н.З. Торгай. – Челябинск, 2010. – 24 с.
148. Труба А.С. Механизм управляющего воздействия на формирование экономического поведения / А.С. Труба // Агропродовольственная политика России. - 2016. - №6 (54). - С. 58-62.
149. Труд и занятость в России [Электронный ресурс]: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2016. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm
150. Тумаланов Н.В. Воздействие экономических интересов и институциональных структур на экономическое развитие / Н.В. Тумаланов, И.Н. Урусова // Вестник Чувашского университета. - 2014. - №1. - С. 245-252.
151. Улезько А.В. Земельные ресурсы сельского хозяйства: управление воспроизводством и экономическая оценка потенциала / А.В. Улезько, В.Э. Юшкова, А.А. Тютюников. - Воронеж: ИПЦ "Научная книга", 2014. - 176 с.
152. Улезько А.В. Обеспечение конкурентоспособности малых форм хозяйствования / А.В. Улезько, Н.В. Алексеева. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2015. – 179 с.
153. Улезько А.В. Оптимизация процессов формирования человеческого капитала аграрной сферы / А.В. Улезько, С.В. Мистюкова, А.А. Тютюников. - Воронеж: ВГАУ, 2011. – 164 с.
154. Улезько А.В. Приоритетные направления повышения конкурентоспособности малых форм хозяйствования аграрной сферы / А.В. Улезько, Н.В. Алексеева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – №02 (106). – С. 867-882.
155. Улезько А.В. Условия формирования инновационной модели развития социально-экономических систем / А.В. Улезько, В.В. Реймер // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. - 2015. - №2 (45). - С. 84-91.

156. Улезько А.В. Формирование механизма реализации инновационного сценария развития регионального АПК // А.В. Улезько, В.В. Реймер // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – №2. – С. 2-8.

157. Улезько О.В. Альтернативные стратегии развития фермерских хозяйств / О.В. Улезько, А.В. Улезько, С.В. Мистюкова // Российский экономический интернет-журнал. - 2006. - №3. - С. 116.

158. Урусова И.Н. Экономический интерес субъекта в системе воспроизводства / И.Н. Урусова // Вестник Чувашского университета. - 2008. - №1. - С. 506-508.

159. Федоров Е.А. Современные подходы к классификации и моделированию экономического поведения / Е.А. Федоров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. - 2014. - №4. - С. 7-13.

160. Филипченко А.М. Экономические интересы: природа, сущность, классификация / А.М. Филипченко, Н.А. Денисова // Вестник Екатеринбургского института. - 2015. - №4 (32). - С. 95-100.

161. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: [http:// www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1](http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1)

162. Чернецова Н.С. Становление методологии исследования экономических интересов / Н.С. Чернецова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. - 2011. - №24. - С. 480-490.

163. Чернецова Н.С. Экономические интересы и институты / Н.С. Чернецова, Т.Б. Никулина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. - 2012. - №28. - С. 609-611.

164. Чернобровкина Н.И. Теоретические подходы к изучению социальной эксклюзии как индикатора образа жизни сельской молодежи / Н.И. Чернобровкина, М.А. Кужелев // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2016. - №2. - С. 125-130.

165. Четвертаков И.М. Трудовые ресурсы и развитие сельских населенных мест / И.М. Четвертаков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. - 2016. - №2. - С. 116-120.

166. Чугунова Н.В. Социальные трансформации сельской местности в условиях глобализации (Белгородская область) / Н.В. Чугунова, С.А. Игнатенко, А.И. Комкова, И.В. Романов // Социально-экономическая география.

Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. - 2016. - №5. - С. 120-129.

167. Чулкова Е.А. Сельские домашние хозяйства как многофункциональный объект управления в региональной экономике / Е.А. Чулкова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. - 2012. - Т.3. - № 35-1. С. - 158-161.

168. Шабанов В.Л. Мелкотоварное сельскохозяйственное производство как составная часть адаптивных практик сельского среднего класса / В.Л. Шабанов // Социально-экономические проблемы мелкотоварного уклада в АПК России. - Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2007. - С. 78-91.

169. Шабунова А.А. Гражданская активность на селе: возможности развития / А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. - 2016. - №3 (83). - С. 7-17.

170. Шагиева А.Х. Основные направления институционального разрешения противоречий экономических интересов в системе многосубъектного процесса антикризисного управления / А.Х. Шагиева // Актуальные проблемы экономики и права. - 2012. - №3. - С. 169-177.

171. Шаров В.В. Роль гражданского общества в развитии села / В.В. Шаров, К.Н. Калашников, Г.В. Белехова // Труд и социальные отношения. - 2013. - №6. - С. 53-60.

172. Шмаков В.С. Аграрная политика России как фактор устойчивого развития АПК / В.С. Шмаков // Сибирский философский журнал. - 2015. - Т.13. - №4. - С. 144-150.

173. Шпалтаков В.П. Государство и экономика России в решении задач модернизации / В.П. Шпалтаков // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. - 2015. - №1. - С. 54-60.

174. Штразбург С.В. Особенности воспроизводства человеческого капитала / С.В. Штразбург // Вестник Казанского государственного аграрного университета. - 2009. - Т.4. - №1 (11). - С. 88-90.

175. Шулаева О.В. Воспроизводство человеческого капитала в экономике, основанной на знаниях: компетентностный подход / О.В. Шулаева // Экономические науки. - 2015. - №126. - С. 7-11.

176. Экономическое поведение и социальные эксклюзии на сельском рынке труда: заключительный аналитический отчет по проекту / Руководитель проекта: А.М. Сергиенко // Некоммерческое партнерство «Центр соци-

ально-экономических исследований и региональной политики». – Барнаул, 2003. – Режим доступа: <http://www.socpol.ru/grantprog/pdf/Sergienko.pdf>

177. Юрова И.Ю. Проблема здоровьесбережения сельского населения современного российского общества / И.Ю. Юрова, Е.А. Андриянова, Л.М. Федорова, В.В. Масляков // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 7-5. – С. 1065-1069.

178. Юрьев В.М. Императивы воспроизводства человеческого капитала в России / В.М. Юрьев, Т.В. Касаева // *Социально-экономические явления и процессы*. - 2014. - №3 (61). - С. 143-148.

179. Юрьев В.М. Экономические интересы и их реализация в транзитарной экономике: Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / В.М. Юрьев. - Москва, 1997. - 388 с.

180. Якубович Е.Н. Теневая экономика в аграрном секторе страны / Е.Н. Якубович // *Никоновские чтения*. - 2015. - №20-1 (20). - С. 83-86.

181. Savchenko T.V. Development of the family economies of the agricultural sector of Russia / T.V. Savchenko, A.V. Ulez`ko, L.V. Kiyashchenko, A.A. Tyutyunikov // *International Business Management*. - 2015. - Т.9. - №6. - С. 1186-1189.

ПРИЛОЖЕНИЯ

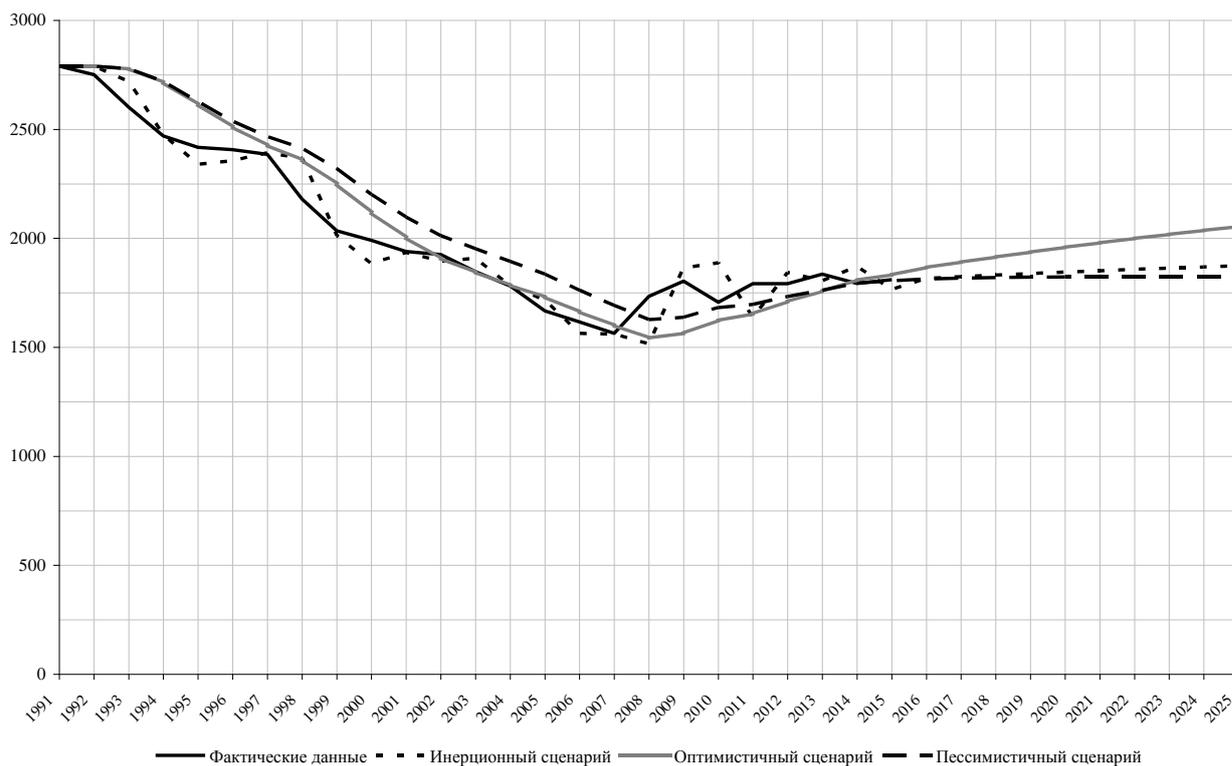

Рисунок 1 – Прогноз посевных площадей в сельскохозяйственных организациях Воронежской области, тыс. га

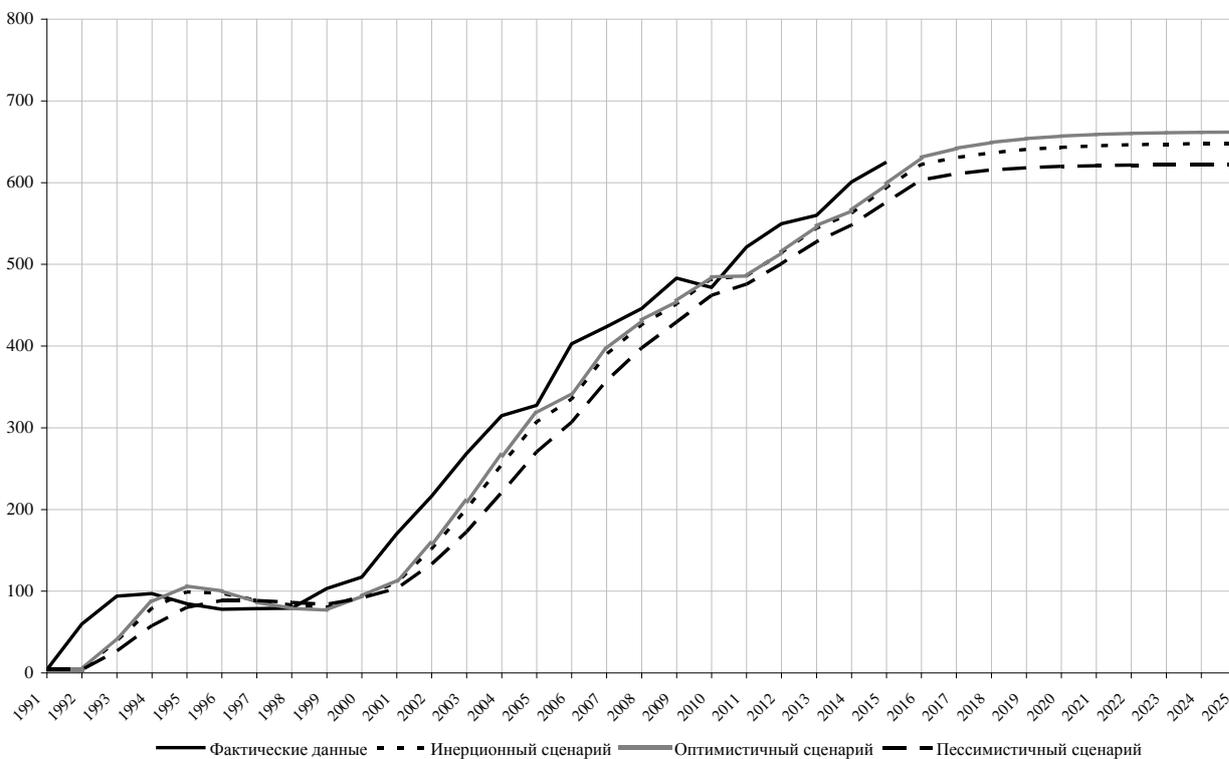

Рисунок 2 – Прогноз посевных площадей в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области, тыс. га

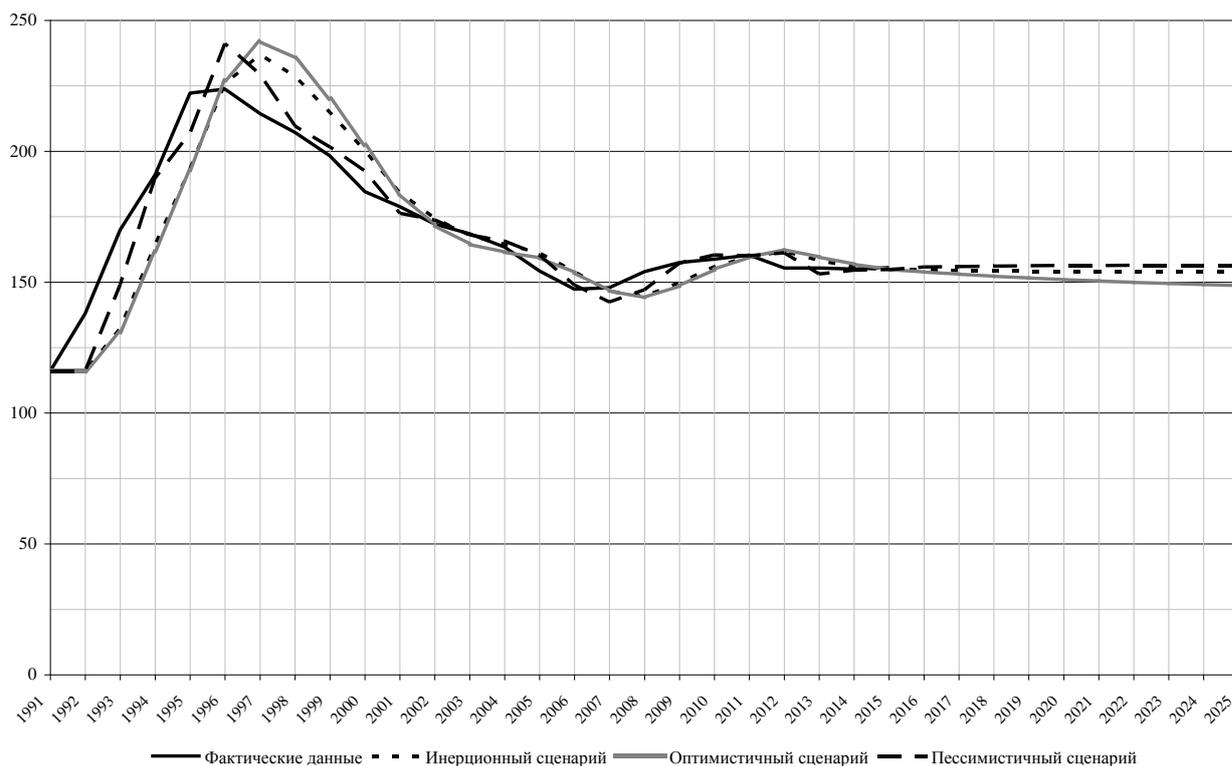

Рисунок 3 – Прогноз посевных площадей в хозяйствах населения Воронежской области, тыс. га

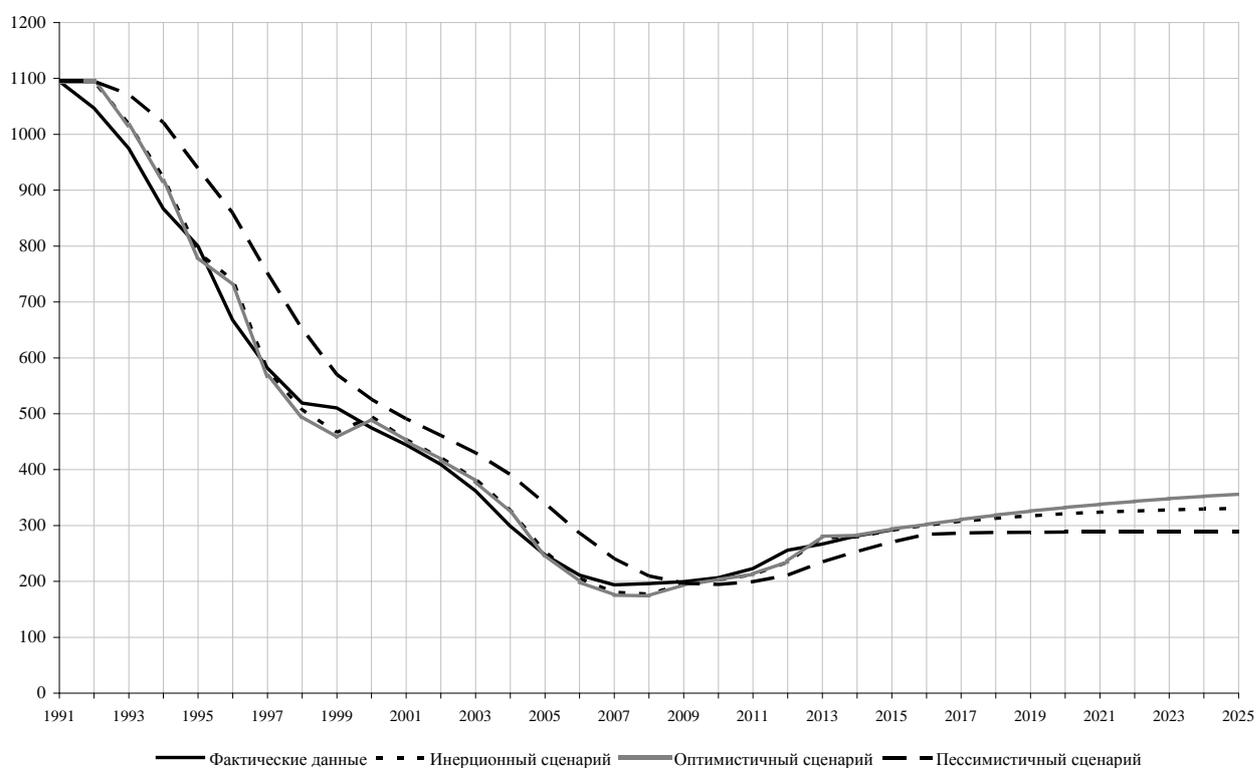

Рисунок 4 – Прогноз поголовья крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях Воронежской области, тыс. гол.

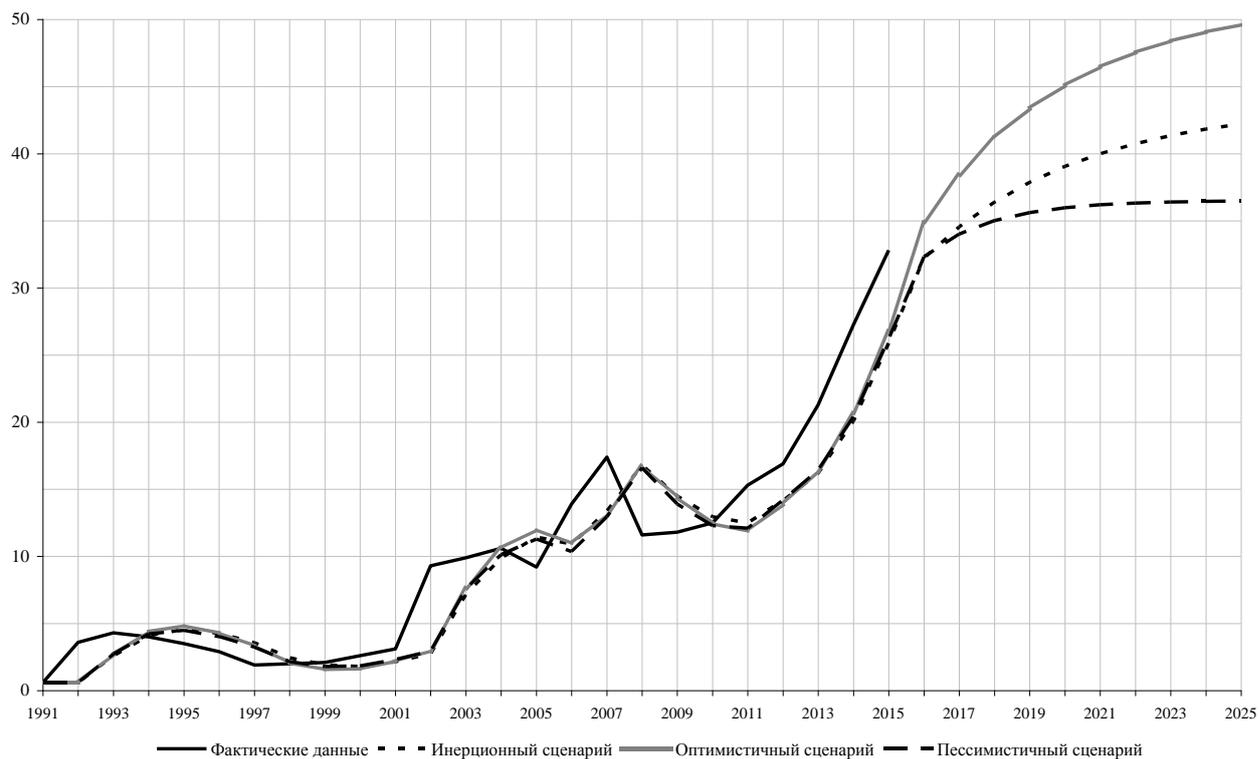

Рисунок 5 – Прогноз поголовья крупного рогатого скота в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области, тыс. гол.

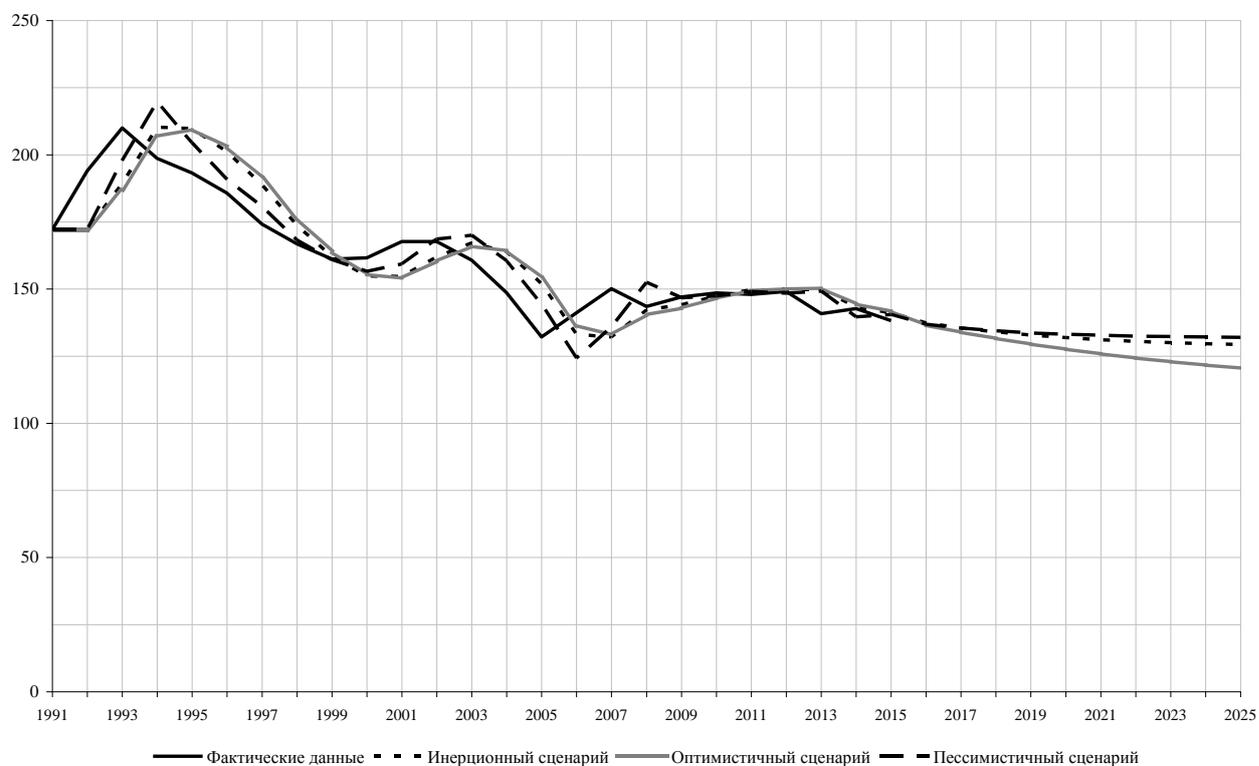

Рисунок 6 – Прогноз поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах населения Воронежской области, тыс. гол.

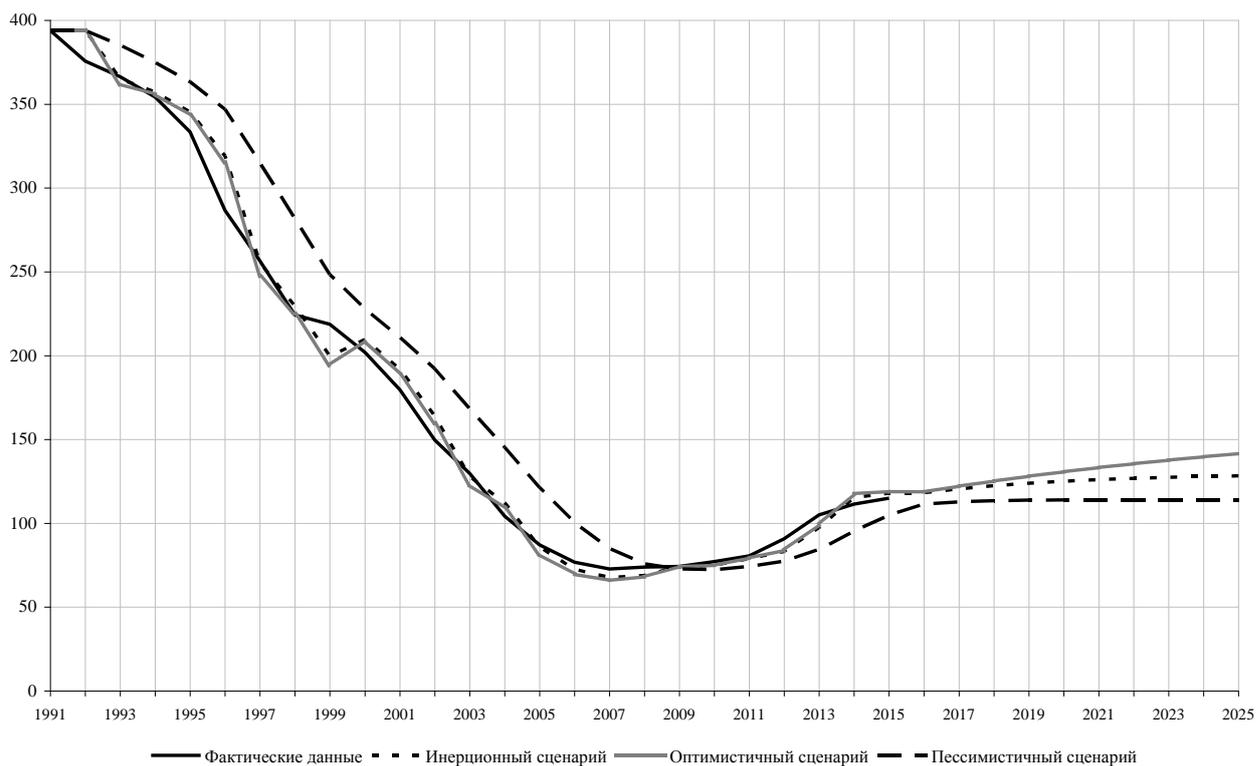

Рисунок 7 – Прогноз поголовья коров в сельскохозяйственных организациях Воронежской области, тыс. гол.

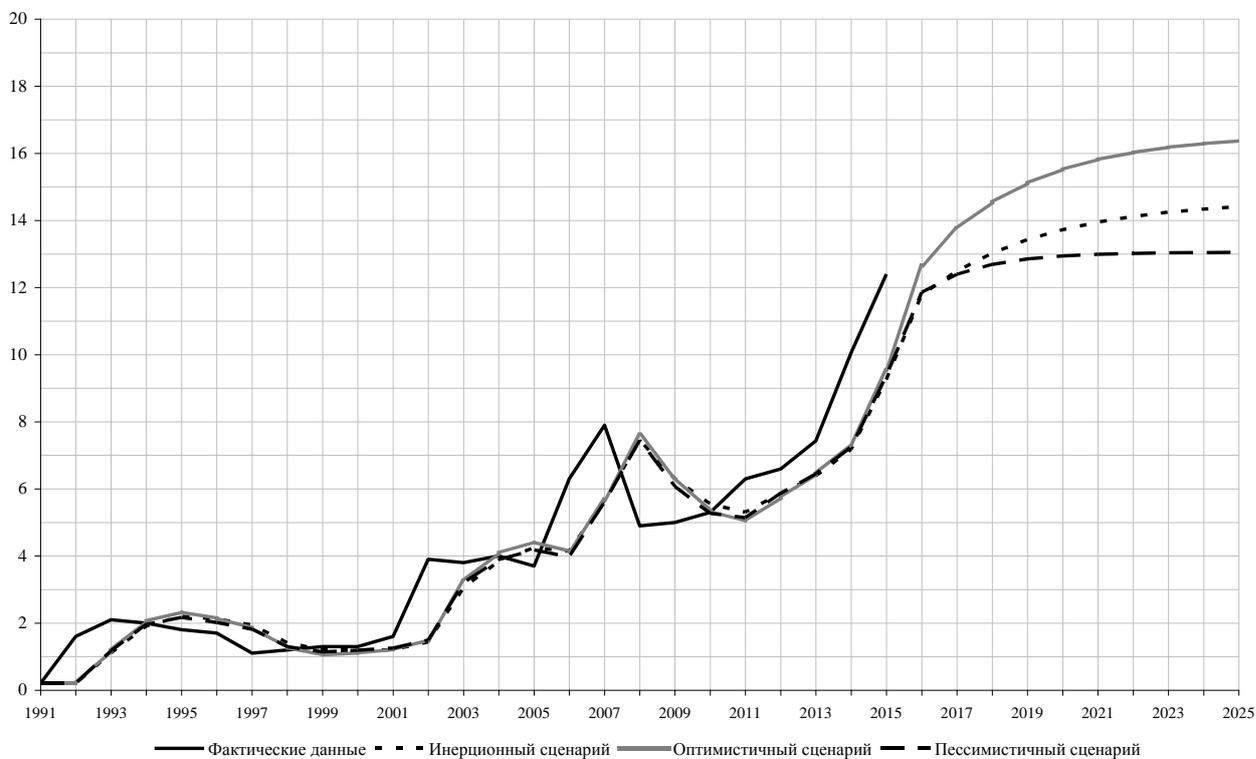

Рисунок 8 – Прогноз поголовья коров в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области, тыс. гол.

Рисунок 9 – Прогноз поголовья коров в хозяйствах населения Воронежской области, тыс. гол.

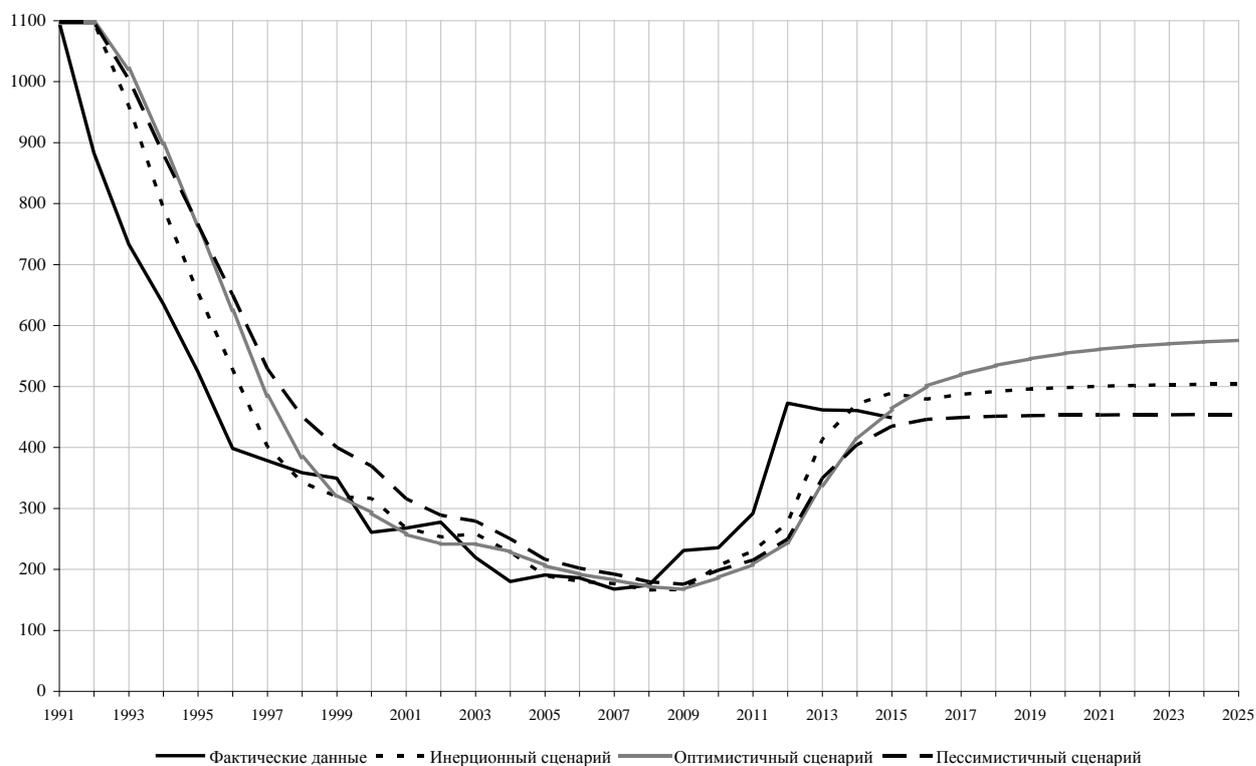

Рисунок 10 – Прогноз поголовья свиней в сельскохозяйственных организациях Воронежской области, тыс. гол.

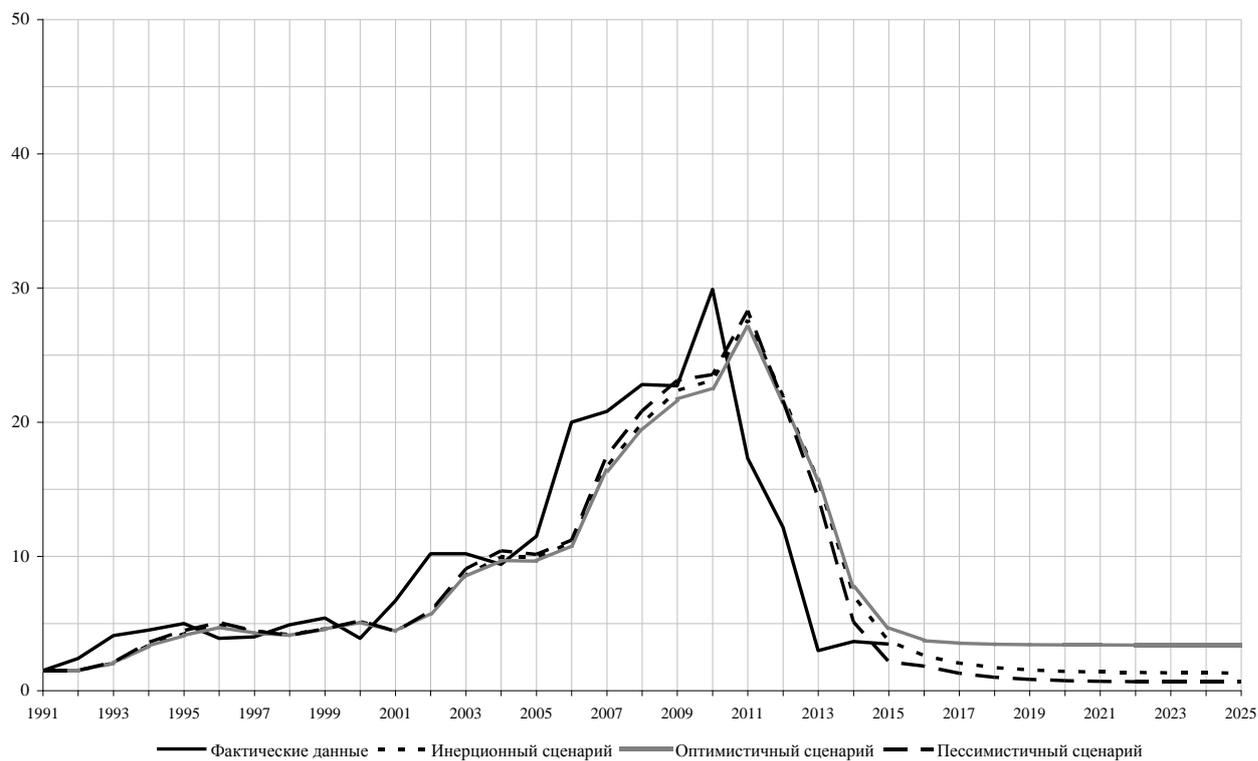

Рисунок 11 – Прогноз поголовья свиней в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области, тыс. гол.

Рисунок 12 – Прогноз поголовья свиней в хозяйствах населения Воронежской области, тыс. гол.

Рисунок 13 – Прогноз поголовья птицы в сельскохозяйственных организациях Воронежской области, тыс. гол.

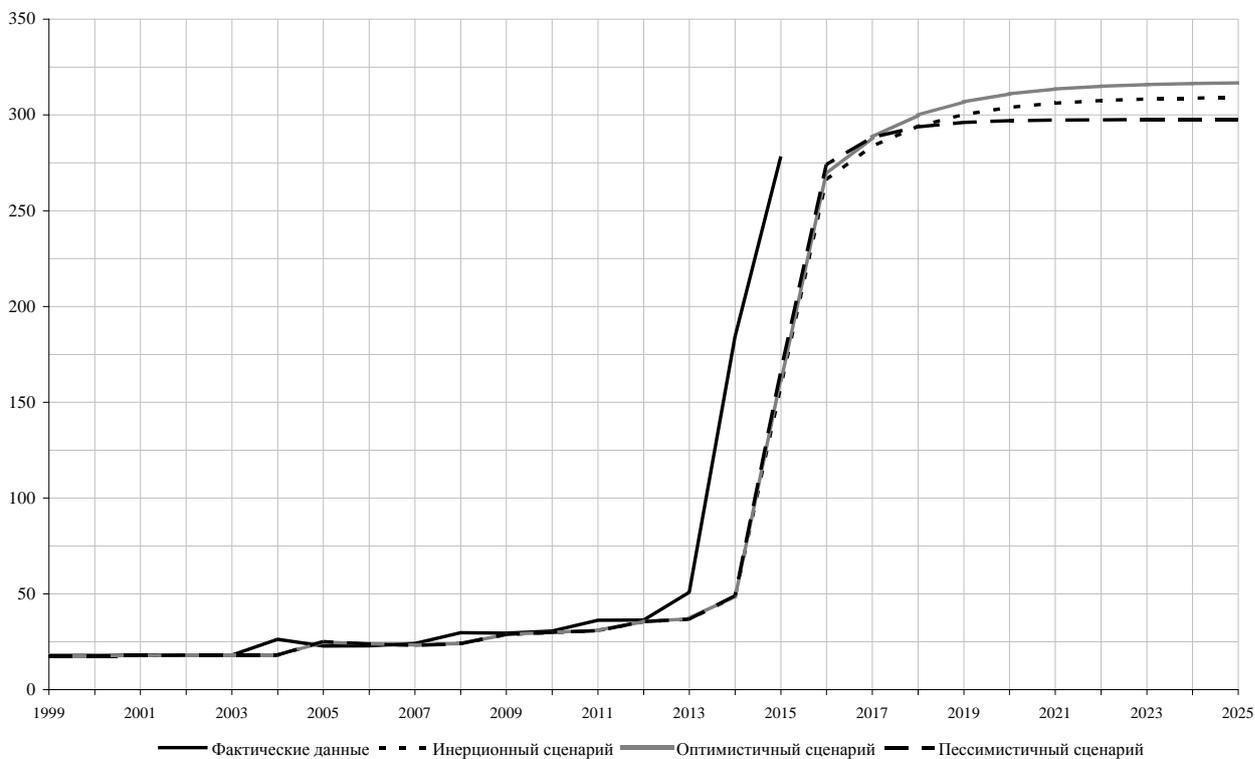

Рисунок 14 – Прогноз поголовья птицы в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области, тыс. гол.

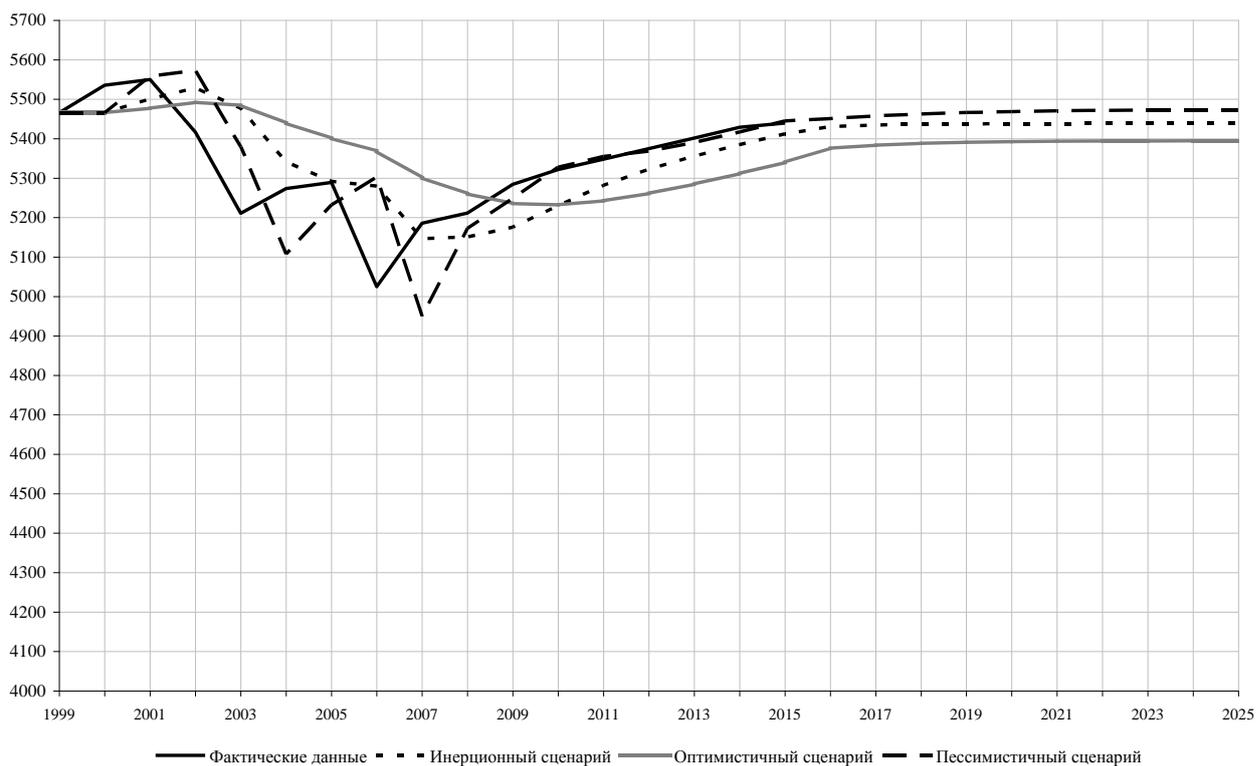

Рисунок 15 – Прогноз поголовья птицы в хозяйствах населения Воронежской области, тыс. гол.

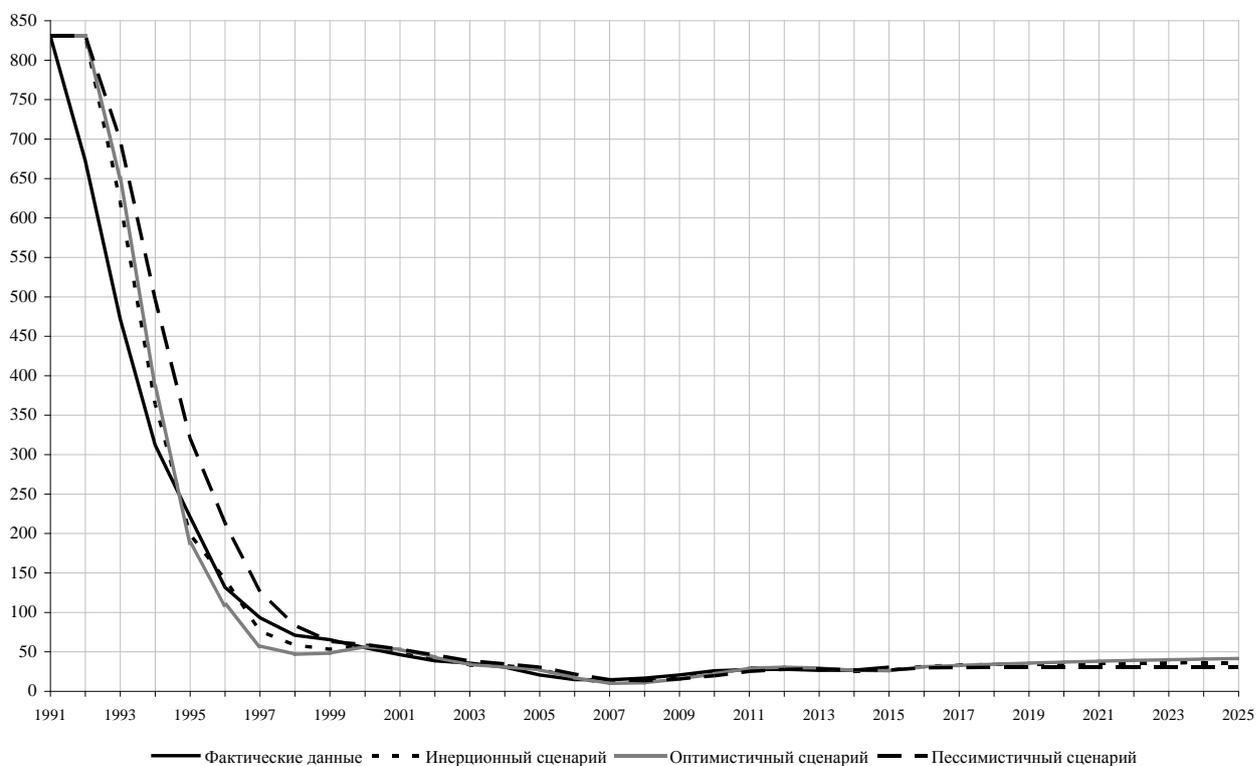

Рисунок 16 – Прогноз поголовья овец и коз в сельскохозяйственных организациях Воронежской области, тыс. гол.

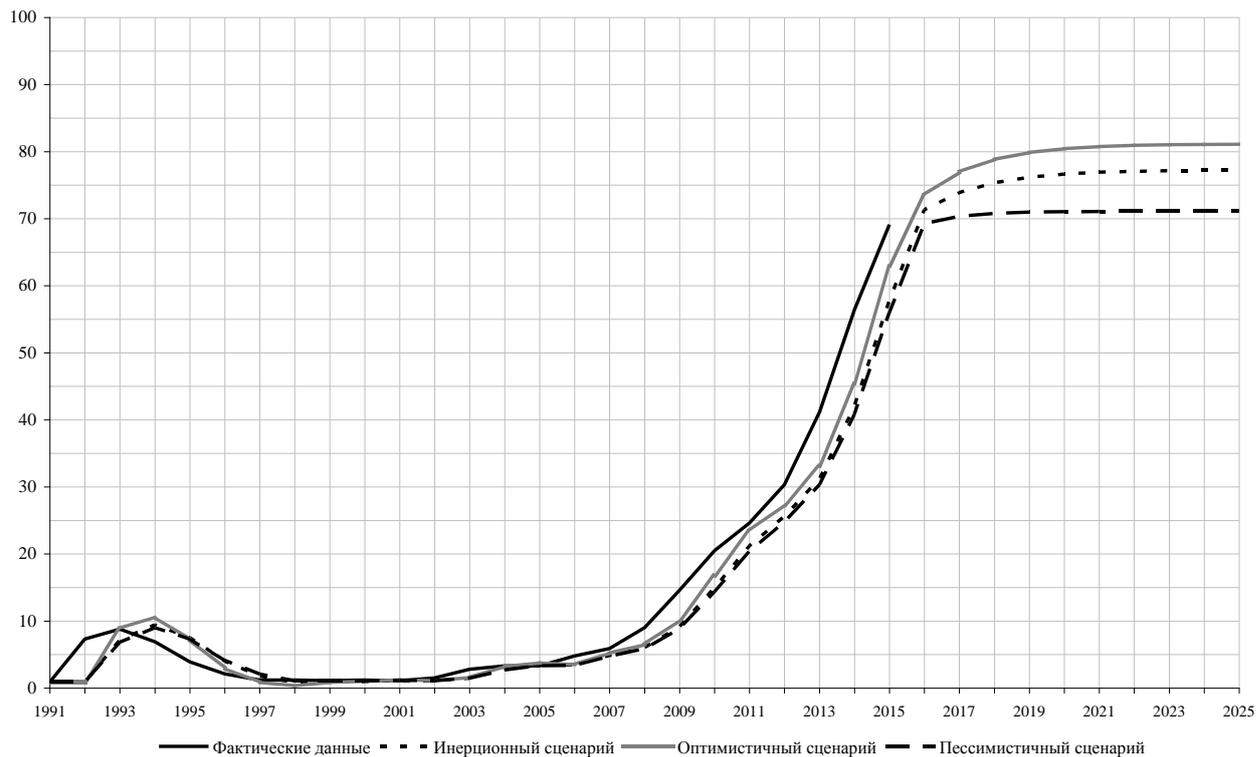

Рисунок 14 – Прогноз поголовья овец и коз в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области, тыс. гол.

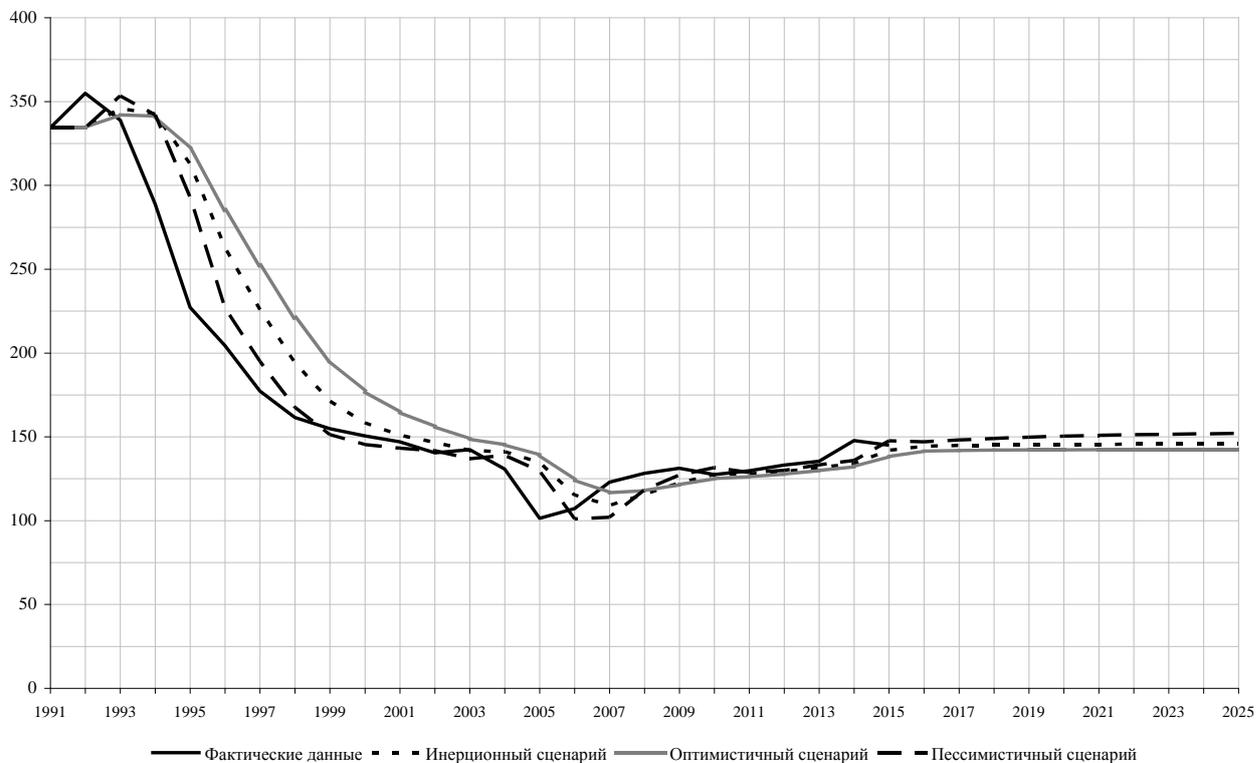

Рисунок 15 – Прогноз поголовья овец и коз в хозяйствах населения Воронежской области, тыс. гол.

Приложение К.

Таблица 1 – Размер и структура посевных площадей в сельскохозяйственных организациях Воронежской области

Сельскохозяйственные культуры	Фактически в 2011-2015 гг.		Прогноз по сценариям (в среднем за 2020-2025 гг.)					
			пессимистичный		инерционный		оптимистичный	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Зерновые и зернобобовые	1 025,5	45,9	1 011,5	45,6	1 020,0	46,3	1 153,1	52,6
пшеница озимая	436,3	19,5	443,2	20,0	451,9	20,5	504,0	23,0
ячмень яровой	277,1	12,4	283,4	12,8	290,4	13,2	305,9	14,0
кукуруза на зерно	146,1	6,5	149,6	6,7	158,9	7,2	196,3	9,0
прочие зерновые	165,9	7,4	135,3	6,1	118,8	5,4	146,9	6,7
Технические	497,9	22,3	528,4	23,8	547,9	24,9	561,0	25,6
сахарная свекла	110,7	5,0	114,2	5,2	116,1	5,3	121,4	5,5
подсолнечник	323,5	14,5	345,3	15,6	328,4	14,9	318,9	14,6
соя	36,0	1,6	42,4	1,9	77,8	3,5	95,6	4,4
прочие технические	27,7	1,2	26,5	1,2	25,6	1,2	25,1	1,1
Картофель	2,6	0,1	2,8	0,1	3,5	0,2	4,2	0,2
Овощи	0,5	0,0	0,5	0,0	0,6	0,0	0,8	0,0
Кормовые	277,8	12,4	280,2	12,6	290,8	13,2	298,1	13,6
кукуруза	79,8	3,6	75,3	3,4	74,7	3,4	73,1	3,3
однолетние травы	88,5	4,0	92,4	4,2	96,8	4,4	101,5	4,6
многолетние травы	106,4	4,8	109,5	4,9	116,5	5,3	121,4	5,5
прочие кормовые	3,1	0,1	3,0	0,1	2,8	0,1	2,1	0,1
Прочие культуры	0,1	0,0	0,1	0,0	0,2	0,0	0,1	0,0
Всего посевов	1 804,4	80,8	1 823,5	82,3	1 863,0	84,7	2 017,3	92,1
Пары	429,8	19,2	392,8	17,7	337,8	15,3	174,2	7,9
Всего пашни	2 234,2	100,0	2 216,3	100,0	2 200,9	100,0	2 191,5	100,0

Таблица 2 – Размер и структура посевных площадей в крестьянских (фермерских) хозяйствах Воронежской области

Сельскохозяйственные культуры	Фактически в 2011-2015 гг.		Прогноз по сценариям (в среднем за 2020-2025 гг.)					
			пессимистичный		инерционный		оптимистичный	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Зерновые и зернобобовые	366,7	56,1	395,3	59,0	410,4	59,4	412,5	58,8
пшеница озимая	129,9	19,9	152,3	22,7	182,1	26,4	192,4	27,4
ячмень яровой	121,7	18,6	142,5	21,3	146,5	21,2	151,3	21,6
кукуруза на зерно	45,0	6,9	52,3	7,8	58,8	8,5	64,3	9,2
прочие зерновые	70,1	10,7	48,2	7,2	23,0	3,3	4,5	0,6
Технические	165,0	25,2	173,7	25,9	178,6	25,9	182,9	26,1
сахарная свекла	17,3	2,7	13,5	2,0	13,9	2,0	14,8	2,1
подсолнечник	135,2	20,7	146,1	21,8	148,4	21,5	149,2	21,3
соя	4,3	0,7	6,2	0,9	8,3	1,2	11,2	1,6
прочие технические	8,1	1,2	7,9	1,2	8,0	1,2	7,7	1,1
Картофель	4,3	0,7	4,1	0,6	4,4	0,6	5,9	0,8
Овощи	1,6	0,3	1,7	0,3	1,9	0,3	2,4	0,3
Кормовые	31,5	4,8	44,7	6,7	49,5	7,2	55,6	7,9
кукуруза	4,7	0,7	5,9	0,9	6,9	1,0	8,4	1,2
однолетние травы	14,6	2,2	19,8	3,0	21,2	3,1	22,9	3,3
многолетние травы	12,0	1,8	18,6	2,8	21,0	3,0	23,9	3,4
прочие кормовые	0,2	0,0	0,4	0,05	0,4	0,06	0,4	0,05
Прочие культуры	2,0	0,3	2,0	0,3	1,9	0,3	1,3	0,2
Всего посевов	571,2	87,3	621,5	92,8	646,7	93,7	660,6	94,2
Пары	82,8	12,7	48,5	7,2	43,8	6,3	40,7	5,8
Всего пашни	654,0	100,0	669,9	100,0	690,5	100,0	701,3	100,0

Приложение Л.

Таблица 2 – Размер и структура посевных площадей в хозяйствах населения Воронежской области

Сельскохозяйственные культуры	Фактически в 2011-2015 гг.		Прогноз по сценариям (в среднем за 2020-2025 гг.)					
			пессимистичный		инерционный		оптимистичный	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Зерновые и зернобобовые	15,3	9,4	16,8	10,4	18,8	12,1	18,9	12,4
пшеница озимая	1,3	0,8	1,6	1,0	1,4	0,9	1,3	0,9
ячмень яровой	9,9	6,1	10,5	6,5	10,1	6,5	9,8	6,4
кукуруза на зерно	2,6	1,6	2,7	1,7	2,5	1,6	2,3	1,5
прочие зерновые	1,4	0,9	2,0	1,2	4,8	3,1	5,5	3,6
Технические	4,9	3,0	5,3	3,3	5,2	3,3	5,1	3,3
сахарная свекла	3,6	2,2	3,6	2,2	3,6	2,3	3,5	2,3
подсолнечник	1,3	0,8	1,7	1,1	1,6	1,0	1,6	1,1
Картофель	91,9	56,8	92,6	57,3	89,3	57,5	86,4	56,7
Овощи	20,7	12,8	21,5	13,3	20,8	13,4	20,5	13,5
Кормовые	22,7	14,0	19,9	12,3	19,3	12,5	18,3	12,0
кукуруза	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
однолетние травы	4,1	2,5	4,0	2,5	3,8	2,4	3,7	2,4
многолетние травы	13,8	8,6	13,1	8,1	12,8	8,2	12,5	8,2
прочие кормовые	4,6	2,8	2,6	1,63	2,6	1,68	2,0	1,28
Прочие культуры	0,7	0,4	0,3	0,2	0,4	0,3	0,3	0,2
Всего посевов	156,3	96,6	156,4	96,8	153,9	99,0	149,5	98,2
Пары	5,5	3,4	5,2	3,2	1,5	1,0	2,8	1,8
Всего пашни	161,8	100,0	161,6	100,0	155,4	100,0	152,3	100,0